

Константин Б.Серафимов

Голубой стalагмит

сборник рассказов

ГОЛУБОЙ СТАЛАГМИТ

Константин Б.Серафимов
www.soumgan.com
1978 – 1996

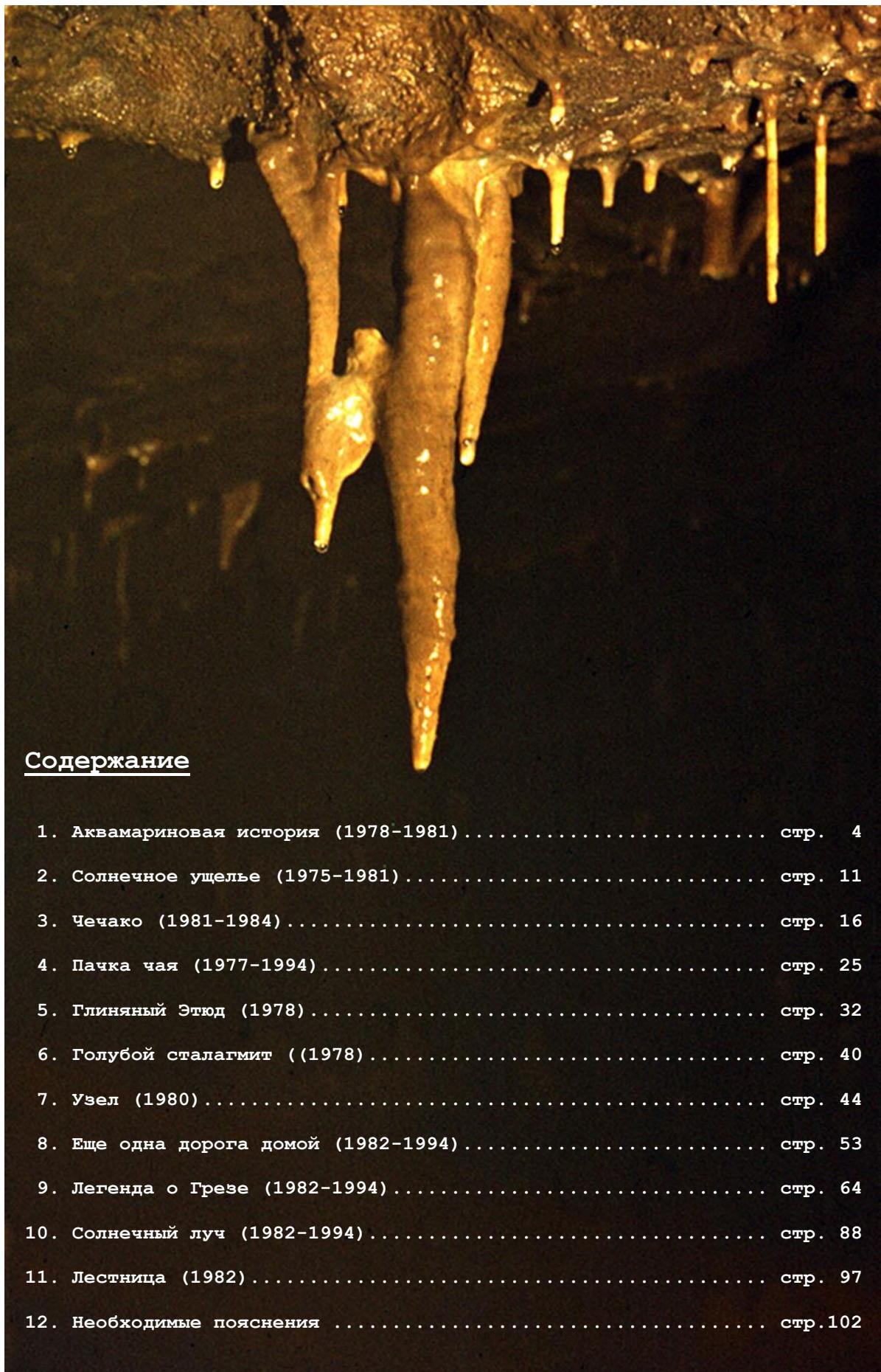
Он так и не издан на бумаге, мой первый сборник.
Но он существует. И кому-то уже подарил глоточек свежего воздуха, запаха странствий,
немного радости.

Теперь я издаю его сам.
В этом компьютерном варианте.

Мне всегда нравился мир гор и пещер.
В нем дороги зависят только от самих идущих.
Ты – на тропе или на веревке, и никому не остановить тебя в твоем движении вперед.
Никому.
Даже стихии.

Помните об этом, братья!

Содержание

1. Аквамариновая история (1978-1981).....	стр. 4
2. Солнечное ущелье (1975-1981)	стр. 11
3. Чечако (1981-1984)	стр. 16
4. Пачка чая (1977-1994)	стр. 25
5. Глиняный Этюд (1978)	стр. 32
6. Голубой сталагмит ((1978)	стр. 40
7. Узел (1980)	стр. 44
8. Еще одна дорога домой (1982-1994)	стр. 53
9. Легенда о Грэзе (1982-1994)	стр. 64
10. Солнечный луч (1982-1994)	стр. 88
11. Лестница (1982)	стр. 97
12. Необходимые пояснения	стр. 102

АКВАМАРИНОВАЯ ИСТОРИЯ

*Вы в каждом узнаете всех.
Ведь все мы здесь в каждом.*

Здорово это было! Оттуда, из глубины, смотреть вверх на сияющее зимним светом зеркало озера.

И вода! Прозрачная, просто хрусталь. Сквозь ее шестиметровую толщу на дне озера был виден каждый камушек.

Через несколько секунд он уйдет в прозрачную синеву под эту колоссальную стену. И снизу, из-под стены, вода покажется еще синее, еще фантастичнее.

Красиво, черт!

Слушая, как шипит вдоль щек выходящий из костюма воздух, Вовчик осторожно погрузился до подбородка. Оглаживая себя снизу вверх по желто-черной резине гидрокостюма, запрокинул голову, засмеялся.

Солнце! Оно заливало все вокруг кажущимся золотистым теплом. И скала над озером подставляла ему свою исполинскую коричнево-серую грудь. Скала не держала снега. Отвесная, она молчаливо взирала сверху на зимние леса, убегающие по низине до самой реки.

Мороз сегодня! Градусов тридцать – не меньше. Вовчик скосил глаза на желтеющие под водой у берега аппараты. Вот, даже акваланги пришлось держать в озере. Иначе мокрые резиновые мембранны, замерзая, лопались, как фанера.

Мороз!

Вовчик вспомнил, как они приходили сюда летом. Ну да, в 75-м штурмовали "окно" пещеры в верхней части скалы над озером.

А интересно, как смотрится сейчас озеро сверху, со скалы?

Сине-зеленое зеркальце в ледяной оправе!

Аквамариновый кабошон.

И иней лесов до самого Забелья, до притулившихся на берегу реки съеженных от холода домиков опустелой Сакаски. Белая сейчас замерзла, а озеро – нет. Тогда, летом, и подумать было жутко о том, чтобы окунуться в эту ледянную купель. А сейчас он стоит по горло в воде и "греется". Почти тепло. Конечно! Стоит высунуться, и панцирем берется гидрокостюм. Мороз.

Тело постепенно обрело невесомость, будто растворилось в воде. Теперь ему достаточно малейшего усилия, чтобы уйти в глубину. Пора надевать аппарат, груза, пора начинать.

Желтые бока аквалангов...

Надо же, такая куча баллонов, и почти нет воздуха. А вокруг...

А вокруг! Невероятно белый искристый снег по берегам, лохматые от инея ветки, аквамариновая гладь озера.

Бусина! И не подумаешь, что отсюда, из-под скалы, вытекает целая река.

Они давно примеривались к этому гриффону – восходящему в озеро источнику. Еще бы! Подземная река в толщах скалы сулила неведомые доселе пещерные галереи, залы, дворцы. Надо только пройти сифон, взломать эти безмятежно синие ворота. Нет, сине-зеленые.

Ух, какая все же красота...

Вовчик влез в лямки баллонов, щелкнул пряжкой грузового пояса, долго смотрел на манометр. Семьдесят атмосфер. Все, что осталось.

Семьдесят атмосфер – их последняя попытка "раскусить" этот сифон. Отчаянная попытка. Если с ним что-то случится, у ребят в аварийном аппарате всего сорок атмосфер.

Ерунда, он будет осторожен. Игорь на страховке, Юрка и с сорока атмосферами – это Юрка. А он будет осторожен.

Вовчик проверил карабин страховочной веревки, сунул в рот загубник, дохнул. Нормально. Поежился. Свежеповато, однако. Пора нырять.

Последняя попытка.

Кто бы мог подумать, что все так получится? От начала до конца – сплошные неожиданности. Ну, начать хотя бы с того, что сломался компрессор. Впрочем, это как раз самая малая из неожиданностей. Главный сюрприз преподнес сам сифон. На что они рассчитывали? Ну, шесть метров озера, ну, еще метров несколько – вот и вся глубина. И затем труба. Возможно, довольно длинная, запутанная, но и все! На такой глубине – до десяти метров, запас воздуха хватило бы надолго. Даже с поломанным компрессором. Да и откуда, по логике, было взяться здесь большей глубине? Уровень озера всего на шесть-восемь метров выше уровня Белой, куда впадает берущий начало в озере Сукурайский источник. По логике.

Сифон плевать хотел на логику. Сифон, будто взбесился. Поманил сначала легкой удачей: Вовчик, шедший первым, почти сразу выскочил в небольшую камеру с воздухом. Но и только. Камера оказалась замкнутой, а сифон, расширяясь со дна озера в грот, вдруг выбросил почти вертикально вниз серию из двух колодцев и быстро перевалил глубиной за тридцать метров. Вот это был сюрприз! Он сразу поставил под удар успех всей экспедиции.

Даже если бы не сломался компрессор, что реально они могли противопоставить такой глубине? И полностью забитых воздухом баллонов – по сто пятьдесят атмосфер, на сорокаметровой глубине хватало только на четырнадцать минут. Из этих скромно отмеренных минут почти третья уходила на спуск, а ведь еще надо было оставить воздух на всплытие...

У них не было полностью заправленных воздухом аппаратов. Не было и компрессора. Трое из штурмовой шестерки уже сделали все, что могли: порванные в упорных попытках сломить сопротивление сифона барабанные перепонки превратили их в печальных зрителей. Оставалось только провожать глазами черно-желтые силуэты уходящих в сифон товарищей.

Итак, их оставалось трое: Игорь, Юрка и он, Вовчик. И последние семьдесят атмосфер – ничтожная малость для такого чудища.

И последняя крохотная надежда – там, на сорокаметровой глубине, увидеть то, к чему стремились, но так и не увидели товарищи: перегиб, поворот сифона вверх, вверх – к заветным тайнам пещеры.

– Страховка готова? – Вовчик проверил фонарь, в последний раз бросил взгляд на сосредоточенные лица парней. Кто в чем – валенки, полушибки, пар дыхания сосульками на усах. И на этом живописном фоне живописно-спокойная уверенная фигура Юрки в черно-желтой броне.

Игорь последний раз перехватил поудобнее страховочную веревку:

– Готова.

Маска, загубник в зубы, вдох. Прощальный жест и...

Пошел.

Аквамариновая полоска прозрачно поползла по стеклу маски, отсекая сверкающий надводный мир от зыбкой голубизны.

Только бы нормально "утонуть"! Два раза он так и не смог погрузиться в этом озере – мешал скопившийся в одежде под гидрокостюмом воздух.

Вовчик мягко заработал ластами, диковинной рыбой скользя к лучисто-четкому в синеве дну. На этот раз – порядок.

Вовчик пошел над самым дном, осматриваясь. Впереди, метрах в четырех, из неясной толщи воды не спеша проступала, откристаллизовывалась серая стена.

А какая видимость! Прозрачная вода в сифоне – что может быть желаннее для подводника? Зеленый бархат подводного мха на донных глыбах полого уходил вниз.

А вот и начало сифона. В самом основании стены синева воды резко сгущалась.

Он!

* * *

Перед тем как уйти под своды, Вовчик невольно обернулся и посмотрел вверх. Здесь, на границе света и тени, как-то особенно чувствовалась та невидимая грань, что пока отделяла его от сифона. По эту ее сторону еще можно было всплыть, вынырнуть, набрать полные легкие морозного воздуха. По ту – в сифоне, не вынырнешь. Над головой камень. Но тревожные мысли, едва возникнув, тут же пропали. Фантастика! Он отчетливо видел над собой серебристое зеркало воды, склоненные над озером пушистые в ине дерева, кого-то из ребят на берегу. Как в новогоднем шаре...

Однако, надо спешить, потому что с каждым вдохом в баллонах оставалось все меньше воздуха.

Скользя вниз над наклонной площадкой, он вдруг представил сосредоточенное лицо Игоря. Все внимание Игоря поглощено сейчас чуть подрагивающей в руках страховочной веревкой. Каждый раз, когда подрагивание веревки прекращается, у Игоря брови медленно сходятся к переносице, и чуть поддается вперед Юрка, готовый по первой команде уйти под стену. Но вот подрагивание возобновляется – брови ползут на место, Юрка возвращается в первоначальное положение.

Вдох – выдох. Воздух с бульканьем уходит вверх стайками серебристых пузырей. Через несколько секунд он захлюпает в трещине под стеной.

Луч фонаря постепенно обрел реальность, зажелтел в сгущающемся сине-зеленом мраке.

Как-то неожиданно и почти ощутимо на Вовчика навалились своды. Еще не видя, он уже знал о их присутствии. Ощущение было столь сильным, что Вовчик невольно посветил вверх.

Ага! Изъеденный коррозионными бороздами и гребешками потолок был совсем рядом, метрах в двух от него.

Вовчик чуть всплыл и уже вдоль потолка пошел в глубину. Внизу тяжелой мглой повис мрак. Снова подумалось: когда страхуешь на скалах, со страхом ждешь рывка. При страховке в сифоне боишься обратного – вдруг не ощутить этого рывка, потягивания, дрожи веревки, говорящих о том, что там, на другом ее конце, идет человек. Вовчик почти физически чувствовал, как напрягается наверху Игорь каждый раз, когда он останавливается, чтобы осмотреться.

Забавно! Кремнистые конкреции на потолке – как сталактиты. Вовчик посветил вниз. Так. Вот и следующий 4-метровый уступ.

Глянул на глубиномер – 16 метров.

Понятно. Вовчик уже пару раз "продул" уши, предупреждая зарождающуюся боль в перепонках.

Обжим, обжим. Он уже чувствовался. Гидрокостюм, сжатый все увеличивающейся над головой толщиной воды, постепенно терял эластичность, начинал сковывать движения. Скользя вниз вдоль почти отвесной известковой стены, чтобы осмотреться вокруг, Вовчик теперь вынужден был поворачиваться всем телом. Что-то будет внизу!

С клекотом уходил во мрак воздух. Вдох – выдох. Вовчик посмотрел на манометр. Ого! Чуть больше пятидесяти атмосфер. Надо спешить.

Труба подводного колодца расширялась. Значит, глубина 20 метров.

Теперь оставался последний 10-метровый отвес и выход в донную галерею. Юрка, счастливчик, первым увидел ее. Огромная, метров пяти в диаметре – чисто метро! – каменная галерея уходила куда-то вглубь. Почти горизонтально, почти... С легким уклоном галерея все-таки шла вниз.

Вниз! Неужели бесполезны все попытки? Неужели она так и будет идти вниз до тех пор, пока не станут бессильны их акваланги?

Нет, так не может быть.

Хотя почему? Надо быть честным. К сожалению, здесь может быть все.

Может быть.

И все-таки они будут пытаться. Не сейчас, так осенью, не осенью – так через год. Пока не пробьют эти обманчивые аквамариновые ворота.

Или пока не поймут, что этот сифон им не под силу.

Обжим! Он сковал тело, стиснул тысячию обручей. Вовчик покрепче прикусил загубник. Каждый шовчик, каждая нерасправленная складочка одежды больно врезалась в тело. Это-то пустяки. Можно терпеть. Хуже было то, что скованное обжимом тело катастрофически теряло подвижность. Вовчик уже с трудом шевелил ластами, чувствуя, как тяжелеет, проваливается в глубину.

Луч фонаря выхватывал из темноты циклопические стены.

Глубиномер бесстрастно отсчитывал метры: 26, 27, 28...

Чтобы не порвать перепонки, пришлось еще несколько раз продуть уши.

Воздух. Он все также с тихим клекотом бурлил за спиной, уходя к невидимому солнцу. Где-то тут конец колодца.

Стоп! А что на манометре? Так и есть. Черт, до чего обидно! Стрелка манометра замерла на угрожающем пределе. Только-только воздуха на обратную дорогу, плюс третья на аварийный резерв. А ведь осталось совсем чуть-чуть!

Ну, рискнуть?

Где-то в глубине сознания все настойчивее звенели тревожные колокольчики. Спокойно. У него есть еще целая минута. Или чуть больше. Не может же он уйти, не испробовав все до конца.

Ладно! Еще секунд тридцать и он возвращается.

Чертов обжим! Как сплененная кукла. Грустно жить младенцам!

* * *

Колодец кончился неожиданно. Будто кто-то срезал и убрал переднюю стенку.

Вот это да! Куда ни кинь взгляд – черно-аквамариновая даль. И он, словно пузырек в кристалле.

Вовчик завис под потолком, усиленно работая ластами.

Гигантская подводная галерея чуть наклонно уходила вниз, в толщу горы.

Зеленая вода, желтый луч фонаря, синий мрак.

С трудом протягивая веревку, он прошел под самым потолком метров пять-шесть. Груза тянули ко дну, и приходилось все время сопротивляться их настойчивой силе.

Все, надо возвращаться. Это безумие – лезть дальше с такими баллонами. Он и так сделал все, что мог.

Разворачиваясь, Вовчик сильно потянул веревку: раз, другой, третий. Условный сигнал на их "рыбьем" языке. Он возвращается.

И тут же подумал: вряд ли Игорь почувствует сигнал через все эти перегибы и колодцы. Надо чуток подняться и повторить снова.

Выбулькивая из легочника воздух, Вовчик быстро поплыл к зачерневшей сквозь синь призрачной стене. Здесь крупноглыбовый навал сбегал из колодца в зеленую бездну сифона.

Так. Стена. Даже сквозь резину перчаток он ощущил ее ребристую поверхность. Не порваться бы!

Готовясь повторить предупреждение о выходе, он перехватил рукой веревку. Ого! Как струна...

Вовчик снова трижды потянул на себя.

И, как бы в ответ на этот потяг, вдруг подмигнула вокруг темнота. Он еще не сообразил, в чем дело, а уже холодком полоснуло в груди.

Снова издевательски страшно мигнула темнота.

Фонарь? Этого еще не хватало!

Нет, горит. Почему они не тянут? Хотя нет – страховка, как струна. Что за черт! Только бы фонарь не потух, зараза!

Вовчик заработал ластами, отталкиваясь руками от скалы. Проклятый обжим! Пошел, вроде.

С большим трудом Вовчик поднялся метра на три.

Почему же они не тянут? Игорь, спит он, что ли?

И тут потянуло. Сильно дернуло страховочный карабин.

Вниз. Почему они тянут вниз?!

Вовчик рванулся, но неведомая сила не пускала его наверх. Веревка непонятно, непостижимо тянула его обратно, назад, в безмолвную тьму сифона.

Сквозь мгновенный страх сработало сознание: где-то застяла страховочная веревка.

Когда он повернулся назад, она легла петлей за камень там, на глубине.

Если бы не воздух, он мог бы спуститься и отцепить проклятую веревку, но воздух...

Нож!

Вовчик дотянулся, вытащил из ножен на ноге длинный клинок. Снова мигнул свет. Черт! Все несчастья. Скорее.

Он никогда потом не мог понять, как же все-таки так ошибся. Перехватить ножом белую струну каприна было делом мгновения. И тотчас метнулся мимо каски конец веревки.

Вверх?! Освобожденная от его тяжести, веревка сжалась, подпрыгнула.

Вовчик увидел ее конец метрах в трех над головой, рванулся следом и, уже плохо соображая, вдруг снова ощущил, как ухватила, потянула его вниз страховочная веревка.

Трудно сказать, чем бы все кончилось, растерялся он на секунду дольше. Но сквозь захлестывающий панический ужас проникло что-то отрешенно холодное, ясное, будто кто-то неподдающийся вдруг взял за шиворот мозг, стряхнул липкую дурь страха.

Он все понял. В горячке обрезал веревку, идущую вверх, а не ту, что намертво привязала его к невидимому камню в глубине сифона. Только бы Игорь не смандражировал, только бы не потянул на себя вдруг ставшую невесомой страховку!

Еще движение ножа, и тело обрело свободу.

"Свободу"! Три десятка метров воды над головой мертвой хваткой вцепились в него. Только бы не погас свет!

Вовчик не смотрел на манометр.

Что tolku? Пока есть воздух, он жив. И оттого, будет он знать, сколько драгоценных секунд отпущенено ему Судьбой, или не будет, ничего не изменится.

Страшна цена ошибки! Один неверный взмах ножом в мгновение ока все переиначил, перечеркнул, поставил под вопрос.

Борясь с жестокими путами обжима, Вовчик пополз к такому близкому и почти недосягаемому теперь концу страховки. Нет, так ему не добраться. Ноги скованы, руки, как деревянные.

Скинуть груза? Но где гарантия, что где-нибудь там, наверху, его не прижмет к потолку, и тогда все – не выбраться.

Нет, только не это. Это – как последний шанс.

Надо пустить воду в гидрокостюм, метнулась мысль. В борьбе с водой ему может помочь только вода. Юрка для этой цели использовал специальную щепочку. У него ее нет. А нож?

Вовчик с трудом согнул руку, царапнул лезвием щеку. Обдирая кожу, втиснул сталь между лицом и резиной, резко оттянул. И сразу холодом обожгло шею, грудь. Будто огнем!

Еще!

Руки! Они обрели подвижность!

Теперь вперед.

Уже не замечая ледяного холода воды, лихорадочно работая все еще скованными ластами, Вовчик буквально полез вверх по черной почти отвесной стене. Игорь, милый, только не дерни!

Иgorь выдержал, не дернул, хоть позже и рассказывал, что первым побуждением было именно это – тянуть, тащить изо всех сил вдруг обесчувствевшую веревку.

Вовчик дотянулся, судорожно схватил конец. Связать узел было делом секунды. В перчатках, а будто голыми пальцами, затянул, защелкнул в карабин "проводник". Еще не веря, что выбрался, рванул веревку раз, другой, третий, еще, еще, еще!

Подумал: интересно, откуда берется воздух в его выжатых, выкрученных до нельзя баллонах?

И тут его резко потянуло, потащило вверх. Он буквально взмыл, зацепился коленом за камень, ударили плечом о скалу. Пустяки. Только бы успели!

Последние пузырьки воздуха – откуда только берутся! – веселой гурьбой обгоняли его, но оттуда, сверху, уже наплывала, приближалась лучистая голубизна.

Свет!

Он вынырнул под самой стеной в бурлящей воздухом синеве, выплюнул загубник, дохнул пьянящий солнечный воздух. Его еще был нервный озноб, но на смену мгновенной радости уже пришла усталость: усталость, стирающая эмоции.

Ребята на берегу засуетились, крепко потянули его к берегу. Вовчик поднял из воды руку, помахал перчаткой – все нормально. Устало глянул на манометр. Стрелка прочно села на ноль. Но он все же сунул загубник в зубы, и пока ребята тянули его к берегу, в последний раз погрузился в аквамариновую прозрачность озера.

Странно было на душе. Опустошенная, она вдруг наполнилась щемящей грустью. Сифон разжал свои когти. Выпустил.

Кто это сказал: не было случая, чтобы я не вернулся?

Так. Вот теперь экспедиция закончена.

Господи, как же он все-таки устал!

Скользя в голубоватой тишине над зыбко-четкими, будто под гигантской лупой, зелеными контурами дна, Вовчик прощался с сифоном. Когда теперь он увидит его? Наверно, не раньше осени.

Если не сможет он, пойдут ребята, если не смогут они – придут другие.

Что ж...

Его подтянули к берегу через секунду после того, как кончился воздух в акваланге. Юрка прямо в воде содрал с Вовчика аппарат, ломая белую закраину льда, подтолкнул наверх. Кто-то подал руку. Подтянули, поставили. Что-то быстро говорил Игорь, что – не понять.

Кто-то заботливо набросил на него полушубок.

Спасибо. Он молча счастливо улыбался, счастливо и чуть грустно.

Он вдруг почувствовал, что теряет равновесие, покачнулся. Услышал: "уши порвал" – как сквозь легкую вату. Но тут же его подхватили, нахлобучили на лоб шапку. Окружили, придинулись встревоженные лица.

Вовчик жадно, истово вдыхал колючий морозный воздух и все улыбался.

Ребятам, этому радужному снегу, инею на ветках, солнцу.

И качался в глазах аквамариновый сумрак пещеры...

1978-1981 г.г.

СОЛНЕЧНОЕ УЩЕЛЬЕ

Я не помню это Ущелье другим.
Всегда, когда бы мы ни приходили сюда,
над горами висело солнце. И от этого
исполинские стены, обступившие тропу,
казались медовыми.

Летом.

Зимой же, одетые в ледяную броню, они
нестерпимо блестели, холодно и надменно.

Дожди могли неделями хлестать
нахолленные леса, белые выюги заносили тропу.
Но когда мы приходили сюда, над Ущельем
победно сияло солнце.

Тропа, попетляв по сумрачным
перелескам, полого ныряла в теснину.

И вдруг, будто окно в неведомый мир, за
поворотом распахивалось Ущелье. Слева,
справа, над головой – придержи шапку! – скалы.
И хаос осыпей внизу. Только по самому верху, да
кое-где по уступам – щеточкой, сосны.

Щеточкой! В каждой не меньше двадцати метров, а ведь – поди ж ты! – как спиченки,
смотрятся они на груди каменных бастионов.

С самого верха Ущелья тропа круто падает вниз в каменные россыпи. И с каждым шагом
все выше вздымаются стены-берега этой застывшей каменной реки. Причудливыми башнями
скалятся останцы. Вздыбленный мир со всех сторон. И только безмятежная синева над головой
да темно-зеленый бархат дальних хребтов в прорези-прицеле Ущелья впереди напоминают о
том, что есть и другой, просторный во всех измерениях, мир.

В Ущелье нет трех измерений.

Есть одно – вертикаль.

Она притягивает и страшит, изумляет и завораживает.

* * *

Сколько раз я был здесь?

Иногда кажется, что знаю его с детства. Каждый камушек, каждый выступ стены.

Сумными ночами оно приходит ко мне, наше Ущелье.

И я улыбаюсь, вспоминая тот день...

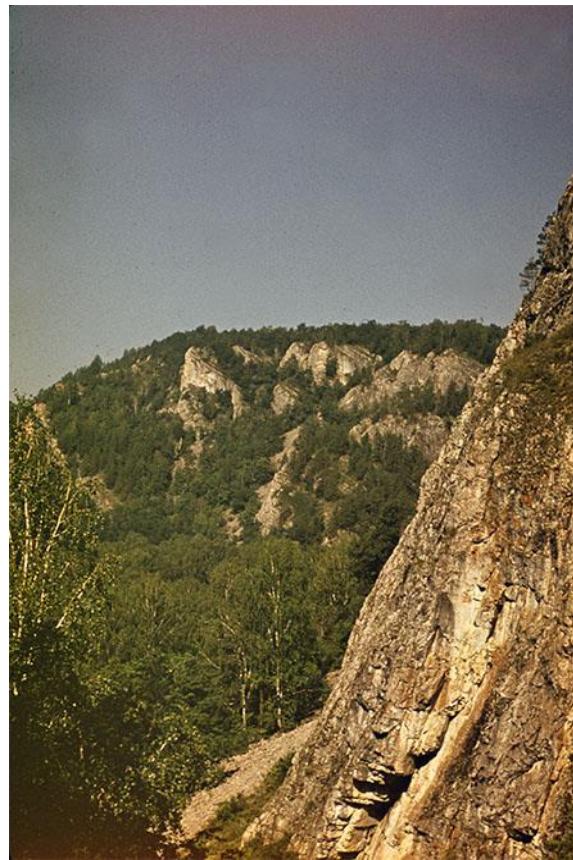
Есть в Ущелье место – на повороте, у старой березы, – где, как бы ни спешил, я всегда
останавливаюсь. Сбрасываю рюкзак, расставляю пошире ноги, поднимаю глаза. Там, высоко
над мной на белой стене чернеет "окно".

Это пещера. Их много здесь. Они смотрят на нас черными зрачками, спокойные в своей
пугающей неприступности.

Что в них?

Шесть лет назад – всего шесть лет, а будто целая жизнь! – мы впервые бросили вызов
этим солнечным вертикалям.

У нас не было времени на долгую осаду, поэтому, не утруждая себя излишней разведкой,
мы сходу пошли на штурм.

Ущелье безмолвствовало, и наши голоса звенели над ним, множась в удивленных утесах. Я до сих пор отчетливо слышу эти голоса и вижу оранжевые каски – божьими коровками ползущие по вздыбленным скалам.

Первые же попытки принесли нам удачу. Мы искали маршруты среди невозможного и находили. И потом, сидя на краю очередного "окна" – они редко выводили нас в сколько-нибудь примечательную пещеру – мы выискивали глазами новую цель.

Ущелье молчало. Лишь однажды выстрелило из-под моей ноги парой "гостинцев". Большие, в два кулака, они по пологой дуге со свистом прошли над Серегиной каской. И в следующий момент мы уже весело смеялись, провожая взглядами их удаляющиеся скачки.

Мы не вняли предостережению Ущелья.

* * *

Я пошел на это "окно" случайно. Только что все вчетвером мы взобрались к пещерке, оказавшейся столь большой, что каблуки моих ботинок почти скрылись в ее начале, в то время как каска безнадежно застряла в конце. Пока я выбирался, ребята уже начали спуск. Ожидая, пока они пройдут, я бездумно скользил глазами по скале, что ступенчатым бастионом круто взмывала в небо справа. Здесь, за скалой было сумрачно, и я заворожено смотрел как на золотом обрезе синеватой тени трепещут под ветром ирреальные своей контрастностью травинки.

Мне вдруг захотелось увидеть солнце, и я сделал первый шаг.

Я шел вправо вверх. Нет, теперь, лицом к скале, мой путь лежал по левую руку. Зацепы и упоры сами ложились под пальцы. Я продвигался неожиданно быстро, и вскоре неведомое доселе чувство захватило меня. Ощущение собственного тела исчезло. Вернее, изменилось. Теперь это были легкость и стремительность, точность и отлаженность хорошо отрегулированного механизма. Сознание отделилось от материальной сущности. Не задумываясь, я находил нужное место скалы, чувствуя, куда надо выбросить руку, чтобы обрести надежный зацеп, выступ, трещину.

Вдохновение...

Наверно, так себя чувствует пианист, отрешаясь от рук и зная, что они точно выполнят пассаж.

Я парил над скалой, и солнце встречало меня за каждым новым перегибом.

Сердце заливал восторг. Так центрфорвард на вершине порыва рвется вперед, неуловимыми движениями раз за разом избегая атаки защитников, и мяч, как привязанный, мчится перед ним к цели.

К цели? Она была перед и надо мной. Чуть слева. Черная зияющая дыра в стене. Пещера. Я увидел ее за поворотом, когда остановился передохнуть.

Это было "Орлиное гнездо" – так называли мы черный глаз скалы, поднимая лица к отвесам. Снизу пещера казалась неприступной. И мы махнули на нее рукой.

Но вот! Вот она почти рядом.

Подспудно я и стремился к ней, закладывая восходящую полусpirаль по груди утеса, но все же не ожидал увидеть так близко. С того места, где я остановился, до пещеры оставалось метров десять вертикали и короткий траверс по полке. Ну да, кажется, там полка.

Я не смотрел вниз. Солнце обливало огнем лицо, веселило сердце. Бездна под ногами холодила спину, но озноб опасности еще не проник в душу. Меня неудержимо тянуло вперед. Было весело, я почти смеялся, бросая по скале невесомое тело.

Вот и полка. Неширокая каменная горизонталь тянулась влево, и там, метрах в трех, зияло заветное "окно". Теперь оно не казалось таким маленьким как снизу – сумрачная зовущая арка в золотистой скале.

Еще немного, каких-то три метра горизонтали, и я смогу заглянуть туда, где, возможно, еще не был никто!

Каких-то три метра по карнизу – но что-то настораживало меня в его застывшей неровности, удерживая от дальнейшего движения.

Что?

Несколько мгновений я колебался. Отступить в трех шагах от цели? Чего бы это ради?
Но что же это мне не нравится? Все, вроде бы, нормально.
Решайся!
Все еще не понимая причин внезапно зародившейся тревоги, я осторожно выполз на карниз.

* * *

Я сидел у входа в пещеру и заворожено следил, как он, кувыркаясь, падает вниз.

Камень вывалился из-под руки неожиданно, но я уже был на площадке перед пещерой. Успел. И теперь, замирая, провожал взглядом его тягучий полет.

Вот камень прошел в метре от выступа стены, исчез за ним, и вдруг сухой треск распорол тишину. Из невидимой за выступом глубины веером выметнулись осколки. Солнце подхватило их, но, – не удержав – снова швырнуло вниз.

И дальним грохотом отозвалось Ущелье.

Все еще во власти этой картины, я машинально зажег фонарь, снял со спины веревку, ледоруб. Обернувшись, посветил в черноту пещеры. Я не верил своим глазам. Едва начавшись, пещера заканчивалась. Потолок смыкался с полом, уходил в смешанную с ветками и пухом пыль.

Однако, и впрямь гнездо. Обидно.

Надо было возвращаться, и от этой мысли тонко заныло под ложечкой. Мысленно чертыхаясь, я снова уселся у входа, свесил ноги с площадки.

Что-то изменилось вокруг. Я не мог понять – что.

Солнце? Оно все также ласкало стену.

И Ущелье подо мной было тем же.

И ветер.

И сосны наверху.

Что-то изменилось во мне самом...

Вот что! Исчезла уверенность...

Со все растущим беспокойством я ощупывал глазами разом покрутившую скалу. Я больше не верил в нее. Все казалось гнилым. Эти камни – они издевательски усмехаются, поджиная меня. Одно неверное движение и...

Плечи передернули озноб.

Ни зацепок, ни черта! Как же я тут шел?

Противно вспотели ладони.

Если бы не тот, в последний момент вывалившийся из-под руки зацеп...

Страшно далеко внизу, едва различимые на осыпи, шевелились оранжевые каски. Они смотрели вверх.

– Ну что-о-о?

Голос снизу дошел до меня почти не измененным.

– Пусто.

Странно. Нас разделяло не меньше сотни метров, мы говорили практически вполголоса, но слышали друг друга прекрасно.

– Слеза-а-ай!

Легко сказать. Надо было что-то придумать...

Прежде всего, проверить проклятый карниз. Обратный путь шел по нему.

Закрепившись на площадке, я дотянулся и ткнул штычком ледоруба первый попавшийся камень. Он отвалился легко, будто отклеился.

– Побереги-и-ись!

* * *

Я никогда не забуду, как бились в Ущелье эти камни. Сухой треск, будто электрические разряды или будто кто-то пластал на куски полотно. Сверкающие на солнце осколки, и где-то глубоко-глубоко гулкий грохот на осыпях.

Грохот, полет, треск.

Я отковыривал все новые куски. В каком-то неистовстве сталкивал вниз.

Караулили меня? Вот вам!

Потом свернул покомпактнее бесполезную веревку: зацепить ее здесь решительно некуда, а крючев у меня не было. Сунул за спину ледоруб.

Ну! Другой дороги все равно нет.

Медленно я лег на карниз. Предельно осторожно прополз над отвесом. Сердце бешено колотилось.

Теперь спустить ноги... Под правую руку подвернулся зацеп. Надежно. Надежно? Главное – не спешить.

Теперь найти зацеп для левой руки. Не спешить, но и не медлить...

Ведь все так просто! Надо соскользнуть с полки и на какой-то момент повиснуть на руках, а ногой вон на тот выступ...

Пот заливал глаза. Я не видел больше солнца.

Солнце? Ржавчина!

Мир сжался. Жесткие травинки у лица, шероховатость камня под пальцами и ледяная бездна за спиной. И скованность во всем теле.

Ну, давай!

Как можно аккуратнее я спустил с полки левую ногу, затем правую, разворачиваясь телом, повернулся поперек карниза, сполз вниз на отвес и, повисая на руках, потянулся

И в этот миг что-то тяжелое и холодное легло на бедро, отрывая от скалы. Сознание не успело отреагировать. Среагировало тело. Левая рука сорвалась, но правая намертво вцепилась в зацеп. И в тот же момент нога обрела опору. Я откачнулся от скалы, выскальзывая из-под срывающей тяжести, и она с шорохом ушла вниз.

Я не смотрел вслед Моему камню.

Я мог бы представить во всех подробностях, его стремительную траекторию. Как могу сделать это и сейчас.

И впечатался в память тяжелый грохот внизу, а затем клекот выплеснутых на осыпь осколков.

Потом я поймал себя на ощущении, что улыбаюсь.

Губы кривились в странной, независящей от меня, улыбке, и тело вновь обрело послушность. Будто ничего не случилось. И солнце по-прежнему обжигало, плавило скалы и сосны, и только дивно синее небо над головой казалось почему-то холодным.

И от этого чудилось, что Ущелье, отступая в небо, остывает, покрывая черными тенями растресканную позолоту каменных стен.

* * *

Есть в Ущелье одно место – на повороте, у старой березы, невесть как уцелевшей в этом каменном крошеве, где, как бы ни спешил, я всегда останавливаюсь.

Сбрасываю рюкзак, сажусь на камень, поднимаю глаза.

Там, высоко надо мной, на белой стене, чернеет "окно".

Солнце золотит молчаливые стены.
Я смотрю и улыбаюсь.
Как странно – прошло столько лет, все изменилось, а Ущелье все то же. Кажется, что вот сейчас подойдет Рустэм, кивнет через плечо:
– Пойдем, что ли? Брыкин там дырку откопал.
– Сейчас, – я улыбнусь, надену каску. – Иди, я сейчас.

И долго буду еще так, улыбаясь, сидеть, глядя на свои подрагивающие пальцы.
Потрескавшиеся, как исполнинские стены склонившегося надо мною Ущелья.

1975-1981 г.г.

ЧЕЧАКО

— Что значит, чечако? — спросил Кит.
— Ты, например, чечако, я — чечако, — был ответ.
— Быть может, это и так, но мне все же не ясно. Что значит слово чечако?
— Новичок.

Когда последняя миля была уже на исходе, он, собрав остаток сил, кое-как дотащился до места стоянки и упал ничком с поклажей на спине. Это не убило его, но прежде чем встать, он пятнадцать минут пролежал неподвижно, не в силах расстегнуть ремни и снять с себя тяжелый мешок.

— Другие могут, значит, можешь и ты, — сказал ему Кит, хотя в глубине души его мучило сомнение, не бахвальство ли это.

Кит понюхал воздух и взглянул на девушку.
— Я чечако, — сказал он.
По выражению скуки на ее лице он понял, что она сама это знает. Но Кит не смущался.
— Свое огнестрельное оружие я бросил по дороге, — сказал он. Тогда она узнала его, и глаза ее блеснули.
— Не думала я, что вы доберетесь так далеко, — сообщила она.

"Смок Беллью" Джек Лондон.

Шаг, шаг, шаг.

Один, два... восемь... четырнадцать...

Нет, так еще хуже. Считаешь, и нет конца.

Вдох — раз, выдох — два...

Данька оторвал взгляд от размазанной перед глазами дороги, и его тут же повело влево. Чтобы не упасть, пришлось ухватиться за ветку. Вовремя подвернулась! Под заполошный стук сердца медленно вспухали перед глазами желтые круги.

Стой, сказал он себе, погоди, надо отдохнуть.

Хорошенько дело, отдохнуть! Сесть бы...

Данька тоскливо огляделся. Бурая глина дороги не радовала глаз.

Как же, сядешь! Эта трехпудовая гиря за плечами так и припаяет к земле. Хоть плачь, а одному не подняться.

И тогда все. Конец этой немыслимой гонке. Может, все-таки сесть?

Согнувшись, он уперся локтями в колени, осторожно перевалил вес на спину. Ноги тихонько заныли, зато удалось свободнее вздохнуть, расправить налившиеся болью плечи. Уф!

Отдыхая, Данька тупо уставился на свою черную бесформенную тень.

Рюкзак на ножках! Дурак.

Чего он ввязался? Шел бы себе потихоньку с нормальным рюкзаком.

Нет же!

Он вдруг очень отчетливо вспомнил самый первый день экспедиции. Не весь, конечно. Это только в книжках пишут: "Он вспомнил всю свою жизнь!" Попробуй, вспомни.

Так что сейчас Данька с удивительной четкостью вспомнил только ее глаза. Черные ресницами, будто подкрашенные – с колкой иронией, даже насмешечкой такой.

Позавчера это было, на первой ночевке.

– Геро-ои! – растягивая слова, Нелка явно подначивала. – Тита-аны! Сто двадцать фунтов для них – тьфу!

– Ну, и что? Полста килограммов, – Юрка, еще более квадратный в своей грубой штормовке, цедил чай из эмалированной кружки, сплевывая сквозь зубы "нифеля". – Джек Лондон, это – конечно. Мне вот отец рассказывал, они на Камчатке...

– Оте-ец! – Нелка скривила блестящие губы, прищурясь. – Чего ж сегодня-то сюда ползли – дохли? Чай, и мешки не камчатские, и перевал – не Чилкут!

Данька невольно нахмурился. Нелка нравилась ему, но чего она взъелась? Конечно. Шли они с Юркой сегодня неважко. Прямо скажем. Так ведь и не они одни. Кое-кто так и вообще еле плелся.

Данька вспомнил, как тогда еще внутренне усмехнулся.

Па-адумаешь! Ну не сто фунтов в рюкзаке. Была нужда спину ломать!

Послушать Нелку, так это они с Юркой во всем виноваты. Ночевать сегодня группа должна была под перевалом.

По плану.

Ну, не дошли, сдохли. Стреляться теперь?

– Чё ты шумишь? – Данька смотрел на Нелкины белые ровные зубы: играют – аж светятся! – Чё шуметь-то теперь? Всяко бывает. Не вошли еще. Последний день что ли? Догоним не спеша.

– О! – Нелка крутнулась на чурбачке, уставила в него колючий взгляд. – И этот туда же. Чечако, понимаешь!

– Нелик! – Володя, руководитель их группы, примирительно улыбался.

– Че-ча-ко!

Данька выставил вперед худую челюсть, презрительно протянул:

– Па-адумаешь!

– Вот-вот, – Нелка пробуравила его насмешливым взглядом. – Ты не "чёкай", ты туда посмотри. Во-он горочка!

Данька невольно глянул в ту сторону, где за ближними увалами синел лесистый хребет.

– Па-адумаешь!

– Поглядим, – Нелка неожиданно уронила взгляд, будто занавесилась ресницами. – Все вы смелые... на словах. На перевале посмотрим.

* * *

– Чё она? – Данька застегнул полог палатки. – Она чего, всегда такая бешеная?

– Не-е, – Юра, устраиваясь, шуршал спальным мешком. – Находит на нее. Нелка, брат, девчонка что надо. Не бери в голову.

– Да я и не беру, – Данька с наслаждением расправил в мешке гудящие ноги. – Ты-то чего молчал? Сам же начал – "мили", "фунты"...

– А что с ней говорить, – Юра вжикнул замком "молния". – У нее бзик на этой почве. Считает, что мы, мужики то есть, мельчаем нынче. Феминизируем. Да ты сам слышал.

– Да? А я так наоборот считаю. Мы прошлый год на соревнованиях в Питере были, в Эрмитаж ходили. Я Рыцарский зал помню. Ну и мелочь же были сеньоры! По плечо все, не выше...

– Так то акселерация, – Юра громко зевнул. – Акселерация плюс феминизация всей страны. Понял? Спать давай. Нелка в одном права. Перевальчик-то суровенький будет. Я так чувствую, что завтра мы на него тоже не взойдем. Яман-тау.

– Чего?

– Ну, страшный, что ли. Это по-здешнему. Плохая гора.

Данька понимающе хмыкнул.

Все тело ныло. Устали они сегодня. Всю ночь, почитай, промаялись в поезде. Какой сон в общем вагоне? Хорошо, хоть так уехали... Потом автобус. Не ели толком. Какие тут рекорды?

А все-таки здорово! Юрка молодец, что затащил его в эту экспедицию. Ну что бы он делал сейчас дома? В лучшем случае валялся бы на пляже. Каникулы!

* * *

Данька шевельнул запекшимися губами.

— Кретин, — вслух сказал он. — Вот тебе каникулы. Нашел развлечение?

... Они только что сдали последний экзамен на третьем курсе. Отстрелялись. И всей группой двинули в парк за Яузу — по пиву. А вечером в общежитие заскочил Юрка. Успел сбежать домой — москвич, хорошо ему! Впрочем, сам Юра так не считал, завидуя общежитской вольнице.

Так вот. Тогда-то он и обмолвился об экспедиции. Данька машинально переспросил. Юрка ответил. Дальше больше. Агитатор из Юрки получился бы отменный. Поедем, говорит. Пару неделек пошатаемся. Что дома-то делать? Пещеры посмотрим. Ребята у нас — что надо, девочки.

Раньше Данька в походы не ходил. Велосипедом занимался. Сборы, тренировки, соревнования.

А тут вдруг решил — поеду! Пару недель в экспедиции, а потом домой.

И то сказать, в пещерах ни разу не был...

Данька качнулся вперед, тень на дороге дернулась, поплыла по прошлогодней хвои. Сердце, вроде, притихло.

Низко согнувшись, Данька полез на очередной бугор.

Эта тень! Невесомая клякса.

Снова, набухая, подступили к глазам солнечные пятна.

...Как шоссе. И та же скрюченная тень, и жажда, и подступающая вдруг немощь.

Шоссе. И он в отрыве.

Скорость, правда, поменьше...

Данька криво усмехнулся. Хотел сплюнуть густую слюну, но не стал. Тренер всегда говорил: не плюйся, не верблюд. Береги влагу.

Не слюна — пластилин.

Данька трудно слогнул под шаг, дыхание не сбил. Хорошо.

Петляя между стволами, выбрасывая в стороны обезды, дорога круто забирала вверх.

Дорога, как диковинное дерево, прорастала сквозь лес, не желая умирать в завалах и колдобинах. Эти лягушачьей окраски ямины изумляли величиной. Так и веяло от них надрывным треском тракторных движков, автомобильной трагедией. То тут, то там из ряской тины торчали ободранные металлом ошкуренные ваги.

Данька с трудом перелез через преграждавший дорогу ствол. Рухнуло же бревнище!

И пятнадцати минут не прошло, а уже снова свинцовой болью натянуло плечи.

И мухи эти! Так и вьются, сволочи...

Данька по лошадиному мотнул головой. Нет, это не велосипед. Там борешься с ветром. Здесь же — как ложка в патоке.

Данька вытер щеку о плечо. Пот заливал лицо, капал на дорогу, едко резал глаза.
Щиплет, зараза!

...Не шоссе. Но что-то общее есть. Он в отрыве, он один.
Один! Самоубийца. Хорошо, что он "сухой". Толстому тут – точка.
Плечи стерпеть можно, лишь бы "мотор" вытянул.
Нет, все, стоп машина!
Чуть дыша, Данька примерился, привалился рюкзаком к толстому стволу, подсел, облегчил плечи.

Вспомнились Нелкины насмешливо-удивленные глаза. Он не смотрел на нее, а все же заметил. И глаза, и твердую влажную шею в вырезе желтенькой майки.

...Он обошел их на первом же привале. Ребята заметили его не сразу: сидели на траве, откинувшись на рюкзаки. Голоса покрывало лесным шумом, но по тому, как Володя встал и направился было к дороге, сбрасывая высоту, Данька понял – пошел помогать. Ему, Даньке. Думают, он все – расписался...

Данька зло закусил засолоневшую губу.

Нет, это ж надо так слупить! Что он хотел доказать? Чего доказывать-то? Ведь он же не знал! Факт. Знал бы – не стал вчера ломить впереди всех. Так что все было честно.

Честно?

Данька покрепче уперся в тянувшую магнитом землю, зажмурился, пережидая соленую резь в глазах.

Если быть честным, то вчера он, конечно, сачканул. Зазорно показалось после того вечернего разговора отставать. Вот и скакал впереди группы – благо, дорога была одна: не собьешься. Еще пару раз подумал, чего тянутся, мол, можно бы и быстрее, коль охота на перевал поспеть. Потом подустал, сбавил, но все равно до вечера так и шел впереди всех.

Перед тем – утром, Володя, их руководитель, сам взвесил руками его рюкзак. Молча. Свой тоже, хотя и без того было видно – хорош вес. Точно так же обошел рюкзаки остальных. Нелке сказал:

– Отдай что-нибудь, – поискал глазами. – Вон, Даниле отдай, он здоровый.

Лучше б не говорил!

Нелка бровью не повела, фыркнула:

– Еще чего! Опять дожидаться будем.

Мог бы тогда догадаться... Нет же! Заело его, видишь. Больше, мол, дожидаться его не будут. Помчался! И к перевалу прибежал впереди всех. Как же, здоровый!

Он бы так и не понял ничего, да черт попутал.

А может, бог подсказал.

Вчера вечером, уже в потемках, Данька вылез из палатки. По делу вылез. Ну и запнулся о чей-то рюкзак. Шипя проклятия, нашарил в потемках злополучный мешок, хотел рывком поставить его на место...

Не тут-то было! Рюкзачок, будто нехотя, приподнялся и снова лег на траву. Еще подумал: Вовкин, то ли?

И тут увидел приметную даже в ночи черную летучую мышь на верхнем клапане. Зажатое в лапах солнце...

Ахнул – Нелкин!

Вот тут-то до него и дошло. Даже жарко стало.

Как же это он сразу не сообразил? А еще туда же, в Джек Лондоны!

Ту ночь Данька тяжело ворочался в спальнике, но сон не шел. Что ж, Володя-то? Видел же, что у него недогруз. А впрочем... Он же чечако, новичок. Чего с него взять? Откуда знать, на что способна эта коломенская верста?

Да-а... Вот тебе и Чилкут.

Тогда-то он все и придумал. Придумал и заснул с облегчением. А встал чуть свет. Балбес. Серый рассвет туманом пеленал березы над лагерем, и перевалы ушли в пелену, затаились. Поеживаясь от утренней свежести, осторожно обошел вокруг палаток. Рюкзаки диковинными глыбами бугрились на траве. Влажно чернели котлы у подернутого пеплом кострища.

Стараясь не шуметь, полез в первый рюкзак...

Отгоняя мухоту, Данька мотнул головой. В висках все еще стучало. Велошапочка – хоть выжимай.

Вот ведь! Постарался. Шел бы сейчас с нормальным рюкзаком.

Он ведь не отказывался: дали бы – понес. Не дали, так и ладно, им виднее. Они живывалые тут все.

Поздно, батенька...

...Управился он быстро. Свой рюкзак еще до того поставил на заломленную березу. Удобная получилась березина – стоя можно в лямки влезть. Сложил все в рюкзак, упаковал. Места практически не осталось, так что спальник и остальное пришлось увязывать сверху. Закончив, потихоньку вернулся в палатку, забрался в спальный мешок.

И как провалился. Спасибо Юрке, утром растолкал.

Данька, еще в сонной одури, высунулся на волю. Утро-то было! Роса, солнышко.

Нелка выбралась из соседней палатки, потянулась, аж косточки хрустнули.

Он не стерпел, зыркнул глазом. Уж больно хороша была Нелка: длинноногая, налитая.

Руки, шея, хвост каштановый.

Заметила.

– Чечако! – Нелка изогнулась презрительно. – Не здороваешься?

– Доброе утро, – буркнул Данька, – как мог безразличнее.

– Ой, доброе, чечако!

Дивной желтой кошкой она скользнула к своему рюкзаку, нагнулась, вытащила полотенце, пошла к ручью.

Данька опять не удержался, глянул вслед. Осанка, походочка. Лебедь черная! И чего такие по горам с рюкзаками бродят? Ей бы...

Нелка оглянулась вдруг, ожгла глазищами:

– Что смотришь? Нравлюсь? Че-ча-ко!

Данька вспыхнул до корней волос, но взгляд выдержал. Промолчал, правда. Не нашелся.

– Ну, смотри, – девушка склонила голову к плечу, прищурилась. – Че-ча-ко!

Только зубы высверкком.

Дался ей этот чечако! Юрка, черт. Влез тогда с этим Клондайком. Интересно ему, понимаешь, кто больше унесет: они – фунтов или мы – килограммов. Ну, да ладно...

Позавтракали они. Данька пожевал рисовой каши. За компанию больше. Аппетита совсем не было. Он и вообще по утрам не очень-то усердствовал, а после нагрузок так и вовсе. Пока ребята сворачивали палатки, спустился к ручью. Выскреб от нагара ведро, подумал, умылся еще раз. Вода, поначалу казавшаяся теплой, в конце концов добила-таки сонную дурь. Даже озnob прошиб.

А когда вернулся на поляну, лагеря не было. Ребята сидели на рюкзаках, смотрели – будто его одного ждали. Данька сунул Юрке ведро, не спеша пошел к своей березине.

Оглянулся.

Володя подпрыгивал с рюкзаком, утрясая груз. Махнул рукой:

– Покатили!

Ребята, помогая друг другу, вставали, тяжело направлялись к дороге.

Нашаривая ремень, Данька привалился спиной к своему мешку. Он не заметил испытующего взгляда Володи, на ходу, из-под плеча. Данька ничего теперь не видел, потому что перед ним, заслоняя мир, возникла и замерла на траве длинноногая тень.

Она!

Преодолевая оцепенение, поднял настороженный взгляд.

Нелка тягуче повела плечами, расправила широкие лямки, прищурилась.

– Чечако! Если и сегодня, – она белозубо улыбнулась, коротко кивнула на перевал. – Если и сегодня придешь первым, – поцелую. Ну? Че-ча-ко!

И пошла. Упруго, ровно, только солнце на загорелых ногах.

Данька ошарашено открыл рот. Изdevается?

И вдруг озлился.

– Первым, говоришь?

Яростно сунул плечи в ремни – хорошо еще, сделал войлочные подушки! – рванул рюкзак с березины и... чуть не присел. Весом сдавило плечи, прижало поясницу. Будто хрестнуло.

– Перебрал! – ахнул Данька.

Он сделал несколько шагов.

Вот тебе и сто двадцать фунтов! Ведь не меньше. А то все сто пятьдесят.

Вот они – сумочки! Специально изготовленные сумки с индивидуальным снаряжением. Володя их сам конструировал. В сумки было уложено все личное "железо" – обвязки, самохваты, карабины. Спелеосумки Данька вытаскивал из рюкзаков намеренно. При добром весе они имели малый объем. По отдельности каждая не казалась тяжелой. А все вместе...

Пижон! Геракл велосипедный...

Раздумывать было некогда. Надо было что-то решать, пока еще ребята не ушли далеко.

Лезть с таким мешком на перевал?

Данька открыл было рот, но снова в глаза ударила Нелкина ровная, будто плывущая, походка. Она что-то хотела там, еле слышное, и Данька сделал вторую глупость. Он пошел. Впрягся. Назвался груздем.

Идиот!

Собственно, выбора у него теперь не было.

* * *

Дважды, нет, четырежды идиот!

Данька с усилием откачнулся от ствола. Нет, так лучше не отдыхать. Одна мука.

Ну, так пошел!
Если бы вся дорога состояла только из первых шагов!
Пошел...
Данька с трудом поплелся по глинистой обочине.

...Так вот. К первому привалу он отстал от группы метров на сто. По уму, надо было дойти до ребят, бросить мешок и сказать... Что-нибудь. Ну, мол, хотел помочь, ну, перебрал, не могу больше. Посмеялись бы да и все.

Так нет же. Попала шлея под хвост.

Он достал их на привале, когда Володя уже шел к нему навстречу, и двинул дальше.

Тогда Данька еще не знал, что будет так плохо.

Он достал их и, даже не глядя ни на кого, ощущил, как что-то изменилось в их взглядах. С самого начала похода Данька чувствовал, что к нему присматриваются. Благожелательно, по-доброму, но присматриваются. Что за человек? Новичок!

Данька старался держаться так же: дружелюбно, но независимо. Ему нравились эти ребята. И сразу захотелось почувствовать себя среди них своим. Странно. Он давно не испытывал ничего похожего. Со временем его первой велокоманды.

И вот сейчас он почувствовал, как что-то изменилось. Почувствовал, но не осознал.

Двинул дальше, не останавливаясь. Молча, глядя под ноги, только бы не оступиться, не упасть.

Данька знал, упадет – сам не поднимется.

Кто-то окликнул его. Кажется, Володя. Он шел навстречу, и посторонился, пропуская его.

Кто-то сказал:

– Стой, покурим!

Кто-то удивленно присвистнул:

– Во дает!

Данька не обернулся. Не то, чтобы не хотел. Скорее, не мог.

И все же увидел: лежа в траве, Нелка смотрела на него. На смуглой щеке пыльца, в зубах травинка. Смотрела недоверчиво, с тенью былой насмешки.

– Чечако!

Да, тогда Данька не знал, что будет так скверно.

Солнце. Оно выкатилось неведомо откуда непрошено зачем. Громоздкое, яростное. Вскарабкалось над горами, сгостило воздух, накалило лес. Где-то позади под его кронами гулко раздавались голоса. Влажный дух чащобы как раскаленное марево над шоссе. А пелетон, похоже, отстал...

Вперед!

Следующий час он держался на злости. Тело – комок боли и усталости.

Солнце теперь было в спину, в кинжалную прорезь дороги, и черная Данькина тень качалась перед ним по ее бурой перевитой корнями поверхности. Уныло-нелепая тень на тоненьких ножках. Она сгибается, дергается в мучительном ритме. А чертова дорога восходит, наверно, к самому небу...

Шоссе. Какое, к черту, шоссе! Тренер как-то обмолвился, что с его данными можно стать неплохим "горником". Сух, жилист, ни грамма лишнего веса. Надо только работать.

"Горный король"! Это он-то – король? Выжатая в лимон сосиска...

Эти, у Лондона, уродовались из-за золота. И все их понимали. И до сих пор понимают.

А он? Он, видите ли, так отдыхает!

Чечако.

Не-ет, пора выбрасывать патроны...

* * *

Данька остановился.

И тень остановилась, распласталась у ног черной тряпкой.

Последний подъем – каменистые осклизы, искрошенные тракторными гусеницами глыбы – выжали из него все.

Уже не думая о том, что может и не подняться, Данька повалился на обочину. Рюкзак тупо ударился в землю, потянул назад, с хрустом подминая кусты.

С мстительным наслаждением Данька вытянул плечи из лямок, отполз в сторону, растянулся поперек дороги.

Все. Он сдох, спекся. Что угодно, но с него довольно. Больше он не делает ни шагу.

Пусть забирают свои фунты-килограммы! Он будет крутить педали. Там хоть не ломит плечи.

Он не верблюд, не выночное животное.

Данька со скрипом сел. Дорога была почти сухая.

Водички бы...

Стянул с головы шапочку, вычистил из глаз соль. Проморгался, глянул по сторонам и – не поверил.

– Постой, постой...

Цепляясь за кусты, Данька, как мог быстро, встал.

Посмотрел назад – дорога шла вниз.

Посмотрел вперед – там, в полусотне шагов, дорога исчезала, проваливаясь в просветлевший лес. Еще не веря, он проковылял эти полсотни шагов и тупо уставился вниз, куда убегала, срываясь на скат, дорога.

Перевал?

Данька сделал несколько шагов назад к своему чудовищному рюкзаку. Будто летел! Ноги подпрыгивали, освобожденные от давящей тяжести.

Вот ведь, а? Данька – мог бы – пустился в пляс. Что – взяла? То-то.

Перева-ал!

Ладно. Дальше-то что?

Он в раздумье замер, уставясь на дорогу, и тень покорно замерла у его ног.

Здесь, на перевале, было прохладнее, и ветерок, налетая, ворошил листву и разом просохшие Данькины волосы.

Ой, как все боли-ит!

Ничего. Сейчас он оклемается и пойдет им навстречу. Все же девчата там...

Интересно, какой получился отрыв?

Данька вдруг ясно-ясно представил ее прозрачные черненые ресницами глаза. Что бы такое сказать?

Он ничего не скажет. Он подойдет, молча возьмет у нее рюкзак, молча потянет в гору.

А она... Она будет идти и мучиться. Потому что с каждым шагом будет приближаться перевал.

Вот так.

– Раскатал губищу! – Данька весело усмехнулся.

Шутки – шутками, а время идти. Может, и правда, кому помочь надо.

Все-таки перевал! Яман-тау.

Хм! Я мотаю...

Пора двигать.

Данька косо глянул на свою тень.

– Ну? Чё разлеглась? Че-ча-ко!

1981-1984 г.г.

В оформлении использована гравюра из книги А.Голубева «Никто не любит Крокодила»

ПАЧКА ЧАЯ

Ах, дорогами, дорогами
Уходили мы домой.
Оставляя не проглоченным
В горле горечи комок.
Оставляя недокуренной
Горстку с крошками махры.
Оставляя след запутанный
От горы и до горы.

"Сумганская баллада"

Мы вышли с фермы только часам к двум. Да мы и не ставили себе больших задач. Ночевать решили на Ташильгане, чтобы на следующий день уйти через перевалы в Сергушкино.

Нас было трое, и мы были сухие и звонкие, как березовые полешки, какими в то утро мы в последний раз затопили печку старенькой избушки на Сумгане.

Месяц экспедиции выжал из нас все: начиная с веса и кончая силами.

Нас оставалось трое, ребята давно уехали в город, а вот теперь уходили и мы.

И было немного грустно, потому что за этот месяц, выходя из Пропасти на непостижимо меняющуюся за время нашего отсутствия Землю, мы привыкли видеть все это: посеревшие нахолленные домики фермы среди расхристанных покосившихся загонов, ручеек под ними, выступившие из полегшей травы белые скалы и карры вдоль тропы.

И раздвоенную, будто распятую на фоне дождливого неба, сосну над фермой.

А еще выше, в туманной полумгле – курчавящиеся далекими лесами хребты.

Мы уходили, а урочище все так же таинственно хмурилось нам вслед.

И где-то слева, вон – пойти по логу, остался Кутук-Сумган, наша Пропасть.

Две недели провели мы в его недрах, в хаосе величественно мрачного мира, имя которому – Пещера, пытаясь разобраться в нем, проникнуть в самое сокровенное. Две недели подземной жизни, поиска, риска и тяжелейшей работы.

Но Пропасть не сдалась и на этот раз.

И вот мы уходим, а ее чудовищное жерло все так же бесстрастно смотрит в бегущие над ним и над нами облака.

Как смотрело тысячи лет до нас...

До свиданья.

Мы еще вернемся.

* * *

Дорога вела нас через просторные поляны, уже присыпанные тонким снежком. Но был только конец сентября, и травинки не хотели сдаваться – то тут, то там пробивались сквозь снег. Мы шли совсем недолго, а рюкзаки уже начинали давить плечи. И это несмотря на то, что акваланги и часть снаряжения – килограммов сто тридцать, пришлось оставить в тайнике около фермы. Даже будь мы не так выжаты экспедицией, нам не унести всего этого втроем.

Да и оставшегося хватило, чтобы уже на первом подъеме тонко, тягуче заныли ноги и спины. Мы слишком устали за эту экспедицию. Но идти было надо, и мы уже разматывали не первый километр, когда солнце, весь день прятавшееся за тучами, начало садиться за горизонт.

Пошел снег. Невесомый, густой, он кружился над березовыми перелесками, засыпая непокорно зеленую траву.

Это было красиво и грустно.

И вдруг с далекого горизонта в узкую щель под облаками ударило солнце. Оранжевое, золотое, алое – все перемешалось в его ослепительных, низко стелющихся над землей лучах.

Мы оторопело замерли не в силах объять эту красоту.

Снег все летел, плотно, густо, а сквозь его ватную круговерть алыми спицами настилом было солнце.

Потом на нас нашло безумие.

И позабыв про двухпудовые мешки, мы кричали и кружились, такие же невесомые, как эти снежные вихри.

Мы были счастливы, как дети.

Мы так давно не видели Солнца в своих подземных лагерях, а после – в пасмурных днях на пропитанной дождями Земле.

* * *

Потом мы шли по лесной дороге, – сумерки догнали нас, но в глазах все стояло нечаянное чудо снега и солнца, налетевшее и так же вдруг умчавшееся, словно в далекую сказочную страну.

Мы шли по лесной дороге, и постепенно земные заботы снова овладевали нами, потому что надвигалась ночь, а у нас не осталось ни грамма сахара и ни одного сухаря. Лишь несколько банок кильки да тщательно собранная в мешочек мелкая, как пыль, сухарная крошка.

И еще – пачка чая, чудом уцелевшая в глубине рюкзака: большая пачка индийского – со "Слоном".

А впереди была ночь, день ходьбы через перевалы и, может быть, еще одна ночь.

* * *

На Ташильгане оказалось полно народу: пастухи, ветеринары, еще кто-то с отдаленных ферм. Под навесом уютно фыркали и шелестели соломой расседленные кони, и нам на мгновение снова стало грустно. Все-таки мы здорово рассчитывали провести эту ночь в тепле.

Но оказалось, что мы рано расстраивались. Бродя по здешним горам, мы уже не раз убеждались в гостеприимности и доброжелательности местных людей. Их жизнь так же, как и наша сейчас, был лишена городских условностей и предрассудков. Нас приняли, как своих, и когда мы, отводя глаза от давно не виденного хлеба, полезли в рюкзаки за консервами, – без лишних слов усадили к общему столу.

Потом в полутьме, разгоняемой лишь притушенной соляровой лампой, курили все вместе ароматную махорку, слушали сквозь налетающие волны сна горянные башкирские фразы.

Спали кто на чем, густо, вповалку.

Какая разница?

Главное – в тепле.

* * *

Пастухи встают рано, и утром, чуть свет, мы уже шагали по хрустящей, взявшейся за ночь ледком дороге, унося с собой тихую благодарность к этим людям. Они встретили нас вчера, совершенно незнакомых, накормили, а сегодня дали в дорогу целую четверть – четверть! – круглого душистого хлеба.

Ледок весело хрюстал под ногами, и мы спешили пройти как можно больше, пока догоняющий день не превратил его звонкую корочку в слякотную дорожную глину.

Дорога петляла по вдруг просветлевшему прореженному осеню лесу, а в глазах все еще стояли домики Ташильгана: полуразрушенные, лишь один – с дымком, банька над ручьем и круглая, как шар, сенокосная сопка за ними.

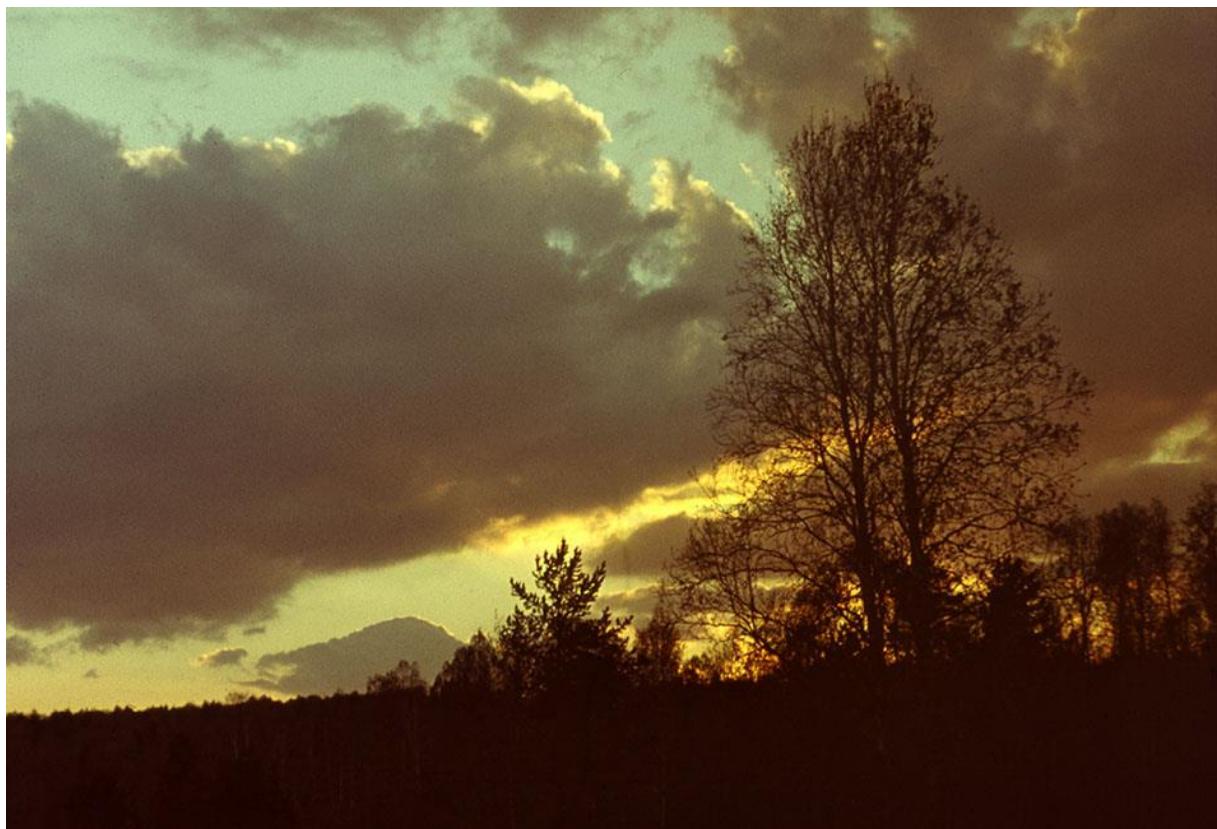
И там, за и над всем этим, совсем уже далеко, – лесистые контуры Яман-тау – нашей вчерашней дороги.

Лес был засыпан снегом, но дорога не хотела замерзать надолго.

Двое из нас были в сапогах, но у третьего после месяца экспедиции уже не оставалось ничего, кроме тяжелых отриконенных горных ботинок. Мокрые, буквально пудовые, они мешали идти.

Дорога была нам в радость. Мы давно уже перешли в себе тот барьер, за которым мало обращаешь внимания на боль и усталость. Звонкие и легкие, почти бежали мы по заснеженным перелескам, но нашему товарищу становилось все труднее. Он стер ноги, к тому же его была неведомо где приставшая жестокая простуда. И что хуже всего – разболелся зуб. Беда никогда не приходит одна...

Он шел молча, он умел терпеть. Мы знали это, и наши сердца разрывались от невозможности помочь, облегчить ему эту ставшую пыткой дорогу.

Погода портилась. С утра было ясно, но к полудню потеплело и захмарило.

И вдруг, вместе с порывистым ветром, с хребтов потянуло холодом. Ветер продувал насеквоздь, и мы, довольно легко одетые, согревались только на ходу и шли почти без привалов.

Ну, кто мог подумать, что будем уходить уже зимой?

Но с каждым часом нашему товарищу становилось все хуже. А мы не могли взять у него вес, потому что каждый из нас нес столько, сколько мог. И еще потому, что без рюкзака он просто замерз бы на пронизывающем ветру, сотрясающем лес.

И все же мы шли, не сбавляя темпа. Только потом, когда на подходе к последнему перевалу и второй из нас вдруг не выдержал и тяжело оперся на ледоруб, мы узнали, что у него всю дорогу болело выбитое в Пропасти, а теперь раздерганное дорогой колено.

Мы перекусили километрах в семи от Сергушкино, у старой брошенной здесь кем-то борони. Коченея на ветру, съели последний кусочек сала из НЗ и половину заветной горбушки.

Очень хотелось закурить, но ветер и холод гнали нас дальше. И только зайдя в сосновую чащу, мы поняли, какую глупость сделали, остановившись на ветру.

Здесь было тихо и сравнительно тепло, и мы торопливо скурили на троих свернутую из последней махорки тонкую самокрутку.

* * *

А на перевале, когда подъем уже почти сдал, из низких туч вдруг ударили снежный заряд, и все вокруг потемнело.

Это было что-то невообразимое. Плотная крутящаяся белая масса в один миг поглотила, засыпала нас. Мир исчез в неистовстве снега. Мохнатые хлопья таяли на лицах, на штурмовках, талые струйки текли за воротники. Видимость упала до двух-трех метров, и мы, растянувшись на подъеме, уже не видели друг друга.

Мы кричали и шли через это белоснежное буйство, и наши голоса вязли, как в вате.

Кончилось все так же неожиданно, как и началось.

Мы стояли на перевале – ослепленные, мокрые, и не верилось еще, что горы позади, что теперь остается только вниз, вниз, вниз!

И так до самого поезда.

Впереди, за лобастой известняковой сопкой, уже серело непогожее Нукусское водохранилище с рассыпанными по берегу домиками Сергушкино. Здесь мы надеялись договориться о транспорте, чтобы сократить последние километры до поселка, откуда к поезду уходил автобус.

* * *

На спуске с перевала на нас навалился дождь. И чем ниже мы уходили от снежных затянутых облаками хребтов, тем гуще сеял этот серый промозглый душ. Мы уже свыклись с зимой, и дождь был нам странен, как будто мы вдруг отшагнули в прошлое.

С неба лило, а нам было уже почти все равно.

Главное: мы дошли.

Да к тому же у нашего товарища отпустил зуб, и это сразу добавило нам настроения.

Рюкзаки сбросили на площади, если можно было так назвать эту расчавканную поляну посреди Сергушкино. Сложеные у забора бревна приняли их вес, и мы – наконец-то! – расправили плечи.

Чувствуя непривычную парящую легкость, пошли к "работной избе", как про себя, не сговариваясь, назвали большой дом на краю площади. Здесь вразброс стояли телеги, и понурые лошади тоскливо жевали мокрое желтое сено.

Мы вошли и сразу поняли – не ко времени. Изба, полная подвыпивших мужиков, курилась табачным дымом.

Но нам очень нужна была лошадь, потому что у нас на троих оставались ровным счетом три здоровые ноги, и последние километры обещали стать пыткой. Их было немного, этих последних километров. По ровной дороге вдоль озера. Но мы настроились, рассчитали себя только до Сергушкино.

Мы выложились, и теперь ни у кого не оставалось сил, чтобы пройти еще и эти, последние, километры.

Нам очень нужна была лошадь, и потому мы все же попытались заговорить.

Но водки у нас не было, за подслеповатыми окнами шел дождь, а деньги в этих краях, да еще при такой погоде, стоили мало. Поэтому разговор, прерывистый и продырявленный, на сложной смеси русских и башкирских восклицаний, междометий и покачиваний головой, принимал явно затяжной характер.

Мы стояли, измученные долгими горами, насквозь пропитанные дождем и усталостью, и чувствовали, как поднимается изнутри безнадежная тусклая злость.

Надо было идти, потому что все равно идти было надо. Но трудно было вот так, когда уже думали, что все, – снова приниматься за рюкзаки.

Мы повернулись было к дверям, когда из толпы сытых в тепле и водке телогреек поднялся сухощавый башкир и окликнул нас:

– Эй, погоди. Я повезу.

Недоверчиво, сдерживая робко зародившуюся в груди надежду, слушали мы, как загомонили мужики, залопотали что-то предостерегающее. Но наш неожиданный друг молча протолкался к выходу и вслед за нами вышел под дождь.

* * *

С серого неба сочилась непогода. Вслед за башкиром мы пересекли пропитанную водой площадь.

– Забирайте, – он с интересом окинул взглядом наши здоровенные рюкзаки. – В дом пойдем.

Стараясь не хромать, мы прошли вдоль окраинных домов и по одному втянулись через калитку в небольшой дворик.

– Бросай сюда, – хозяин поправил солому на дне телеги. – Сзади ближе бросай.

Мы положили три рюкзака – и места в телеге не осталось, будто его никогда и не было. Погрузили, замерли в нерешительности, широко расставив залитые грязью ноги. Хозяин поднял глаза:

– В дом пойдем, однако.

Мы в замешательстве переглянулись. Страшны мы были: грязные, мокрые до ниточки, оборванные. В дом?

– Айда, айда! – не слушая возражений, хозяин первым вошел в сени, снял сапоги.

Неловко толкаясь, мы втиснулись следом, загромоздили сапогами и триконями весь пол. Вошли в комнату.

– Жена нету, – хозяин поставил на узкий столик самовар и впервые улыбнулся, будто извиняясь. – Жена в город уезжал. Садитесь. Чай будем пить.

Ребятишки, одетые разношерстно, но чистенько, вовсю таращились на нас, сверкая бойкими глазенками из углов опрятной горнички.

* * *

Самое трудное было – не спешить. С мазохистской медлительностью мы брали толстые куски хлеба, намазывали их маргарином, посыпали сахаром. Потом надо было сделать так, чтобы вся эта роскошь не исчезала мгновенно.

В простых некрашеных пиалах чуть не кипел заваристый чай, а мы лили в него густое молоко, сыпали сахар, наслаждаясь разливающимся изнутри теплом.

За месяц экспедиции мы потеряли в весе по несколько килограммов, а в этот день и вовсе ничего не ели, если не считать скромного перекуса у борона на Юрмаше. Мы изо всех сил старались не дать прорваться наружу голодному блеску глаз и жадности движений.

Наш хозяин сам почти не прикасался к еде. Прихлебывал из пиалы и молча смотрел на наши осунувшиеся, почерневшие лица.

Мы съели по два куска хлеба с маргарином и выпили по две пиалы чая. Мы могли бы съесть и выпить в пять – да что там! – в десять раз больше, но, не сговариваясь, поставили чашки на стол.

– Спасибо.

– Ешьте еще.

Мы обняли глазами еще полный стол.

– Нет, спасибо! Сыты уже.

– Ну, что ж...

Хозяин быстро сказал что-то девочке лет девяти, видно, убрать со стола. Встал.

– Что ж. Поедем.

В дверях задержался.

– Вы на них не смотрите, – он кивнул в сторону площади. – Пьяные они – худо. Так – ничего.

Мы вышли во двор, унося в себе волшебные запахи гостеприимного дома.

Хозяин уже запрягал лошадь. И дождь, точно отчаявшись остановить наше возвращение, тоже стих, притаился в насыпанных над водохранилищем тучах.

* * *

Дорога вилась берегом. Мы то отставали, то снова догоняли наши рюкзаки, неспешно влекомые понурой лошаденкой. Возница был по-прежнему молчалив, лишь изредкаронял ничего не значащие фразы.

Как быстра налегке дорога! Вот замаячил впереди, приблизился, обступил нас Нугуш.

Последние метры. В конце этой улицы, наверно, уже ждет автобус.

Но странное дело! С каждым шагом все муторнее становилось на душе. Невольно мы все думали об одном. Вот сейчас приедем, сгрузим рюкзаки, и надо будет расплачиваться.

Но чем? Сунуть деньги? Или попросить подождать, и кому-то бежать за водкой?

От этих мыслей становилось неловко, противно как-то.

Вот сейчас мы заплатим за все это: за чай, за лошадь, – за все.

Что же делать?

– Приехали.

Он подвез нас почти к самой автостанции. Отсюда до автобуса оставалось и вовсе рукой подать.

Спокойно, как-то даже чересчур спокойно смотрел, как мы, не глядя друг на друга, вытаскивали из телеги рюкзаки.

Сбросили, выпрямились...
Будто почувствовал наше замешательство, протянул руку:
– Ну, счастливо.
– Спасибо!
В душе еще металась неловкость.

Посмотрел, будто удивленно:
– Вам спасибо.
– За что? – мы оторопело смотрели на него.

– А мне за что?
Наш спаситель уже разбирал вожжи, как один из нас, будто вспомнив нечто важное, вдруг кинулся к рюкзакам, достал что-то, протянул ему.
Это был чай.

Большая пачка индийского – со "Слоном".

Мы совсем забыли о ней!

– Держи.

– Зачем? – он чуть отстраненно взглянул на наши расстроенные лица.

– Так чай же... Пить. У вас ведь нет тут... Со "Слоном".

– Ну... Спасибо! – он взял чай и вдруг улыбнулся.

Впервые за все это время.

* * *

Мы смотрели ему вслед.

Смотрели... Будто камень упал с души.

Будто только что могло, но так и не свершилось нечто тусклое, постыдное, чуть не омрачившее нашу память об этом удивительном человеке, о тяжелом и все же таком добром дне!

Мы смотрели до тех пор, пока возница, телега и лошадь не скрылись за поворотом.

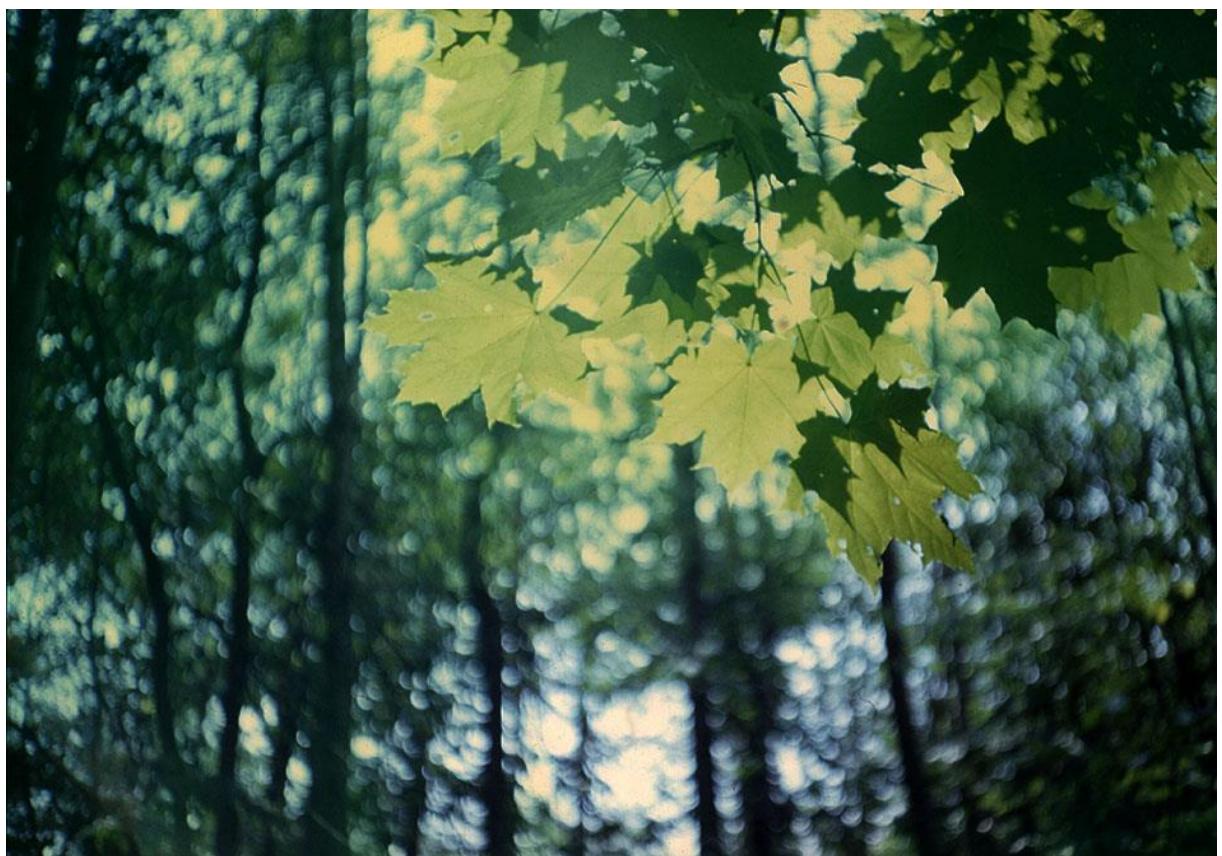
И только тут обнаружили, что не спросили даже как зовут нашего неожиданного друга.

Но делать было нечего, и мы обреченно повернулись к сваленным в кучу рюкзакам.

Их надо было тащить еще целых полста метров!

До самой автобусной остановки...

октябрь 1977 - январь 1981 - июнь 1994 года.

ГЛИНЯНЫЙ ЭТЮД

Если смотреть на эту засыпанную снегом, съежившуюся от холода землю сверху, скажем, с самолета, ее вид вряд ли кого-нибудь поразит. Пологие холмы и увалы, покрытые серо-белыми пятнами леса: темные ветвистые полосы – лога, светлые – взгорки. Лишь изредка мелькнут внизу прихотливо петляющая ленточка дороги да два-три зарывшихся в снег домишкы. Сверху людей не разглядеть, да и есть ли они сейчас тут, в этом сверкающем зимнем опустении?

Хорошо сидеть в теплом уютном кресле самолета, слушать задумчивое гудение двигателей, думать о разном, глядя сквозь толстое стекло на медленно ползущую под крылом заледенелую ленту реки, плавно изгибающуюся меж крохотных обрывчиков-прижимов. Если смотреть сверху, никогда и не подумаешь, что земля эта, мирно дремлющая под толстым снежным одеялом, изнутри больше похожа на огромный голландский сыр.

Промытая, пробуравленная неугомонной разрушительницей и созидающейницей водой, она только снаружи прячется в белый халат благообразности. Внутри же – хаос вертикалей и горизонталей, глины и камня, льда и воды. Внутри – мрак.

Но даже представив себе это, Вы, летящие в морозном сиянии дня, сидя в комфортабельных креслах, глядя вниз и морщась от прощальных лучей заходящего Солнца, Вы не пойдете дальше по зовущей тропе воображения. Вам и в голову не придет, что там, внизу, в толще скалы, в каменном сердце укрытого снегами сыра, имя которому – Пещера, в эту самую минуту горит свеча...

* * *

... Они сидели в Нижнем лагере, у колодца Вейса. Тусклое пламя догоравшей свечи роняло багровые отсветы на исцарапанные каски, измазанные глиной комбинезоны, тяжелые – тоже в глине, ботинки. Рядом – протяни руку – деловито пыхтел примус, упорно борясь с промозглым холодом пещеры.

– Гнилая штука – спелеология, – сказал первый, в который раз выпуская из примостиившегося на примусе котелка облако пара. – Особенно, зимой. Не кипит, зараза!

– Попробуй смотреть на вещи философски, – сказал второй, склонившийся над грудой грязного металла и веревок. – Например, то, что я ни черта не вижу, может указывать либо на недостатки нашего аппарата видения... – он осторожно почесал чистым кончиком пальца свалившуюся под ремешком каски бороду и тем же пальцем поправил на носу очки. – ...Либо – на скудность освещения.

Первый покосился на него:

– Не будь скрягой и зажги вторую свечу. У нас полвагона стеарина.

– Братишка Рустик, – проникновенно сказал бородатый, – я всегда утверждал, что у тебя светлая голова. Жаль только, что она не годится для освещения...

Порывшись среди разложенных у стены банок и мешочков, он извлек новую желтую свечу, очистил фитилек и зажег.

В лагере сразу стало светлее, и отчетливо простили вокруг поблескивающие влагой черные стены.

– Расточитель, – сказал бородатый. – Расточитель, но – голова! И куда этот чертов карабин подевался?

– Во! – сказал Рустэм. – Белые ночи!

– Рыжие, – буркнул бородатый, роясь в своей куче. – В черную крапинку...

– Можешь задуть, – с готовностью согласился первый и снова взялся за крышку котелка. – А, черт!

Бородатый с интересом оглядел дующую на пальцы фигуру.

– Поцелуй Фортуны! – констатировал он. – Готово, что ли?

– Готово.

Басовитое гудение примуса стихло, и выпукло пропустила из наступившей тишины бьющая с невидимого свода капель.

– Интересно, сколько уже натикало? – Рустэм разлил по кружкам дымящуюся жидкость.

– Сейчас произведу раскопки.

Очистив с пуговицы засохшую глину, бородатый расстегнул манжет комбинезона, оттянул влажную шерсть свитера, отодвинул рукав рубашки и только тогда добрался до циферблата.

– Ого! – сказал он. – Однако, полдесятого.

– Двадцать один тридцать, – уточнил Рустэм, вспарывая ножом пачку рафинада. – Нормальные люди уже спят.

– Нормальные люди сидят дома, – отозвался бородатый, устранив беспорядок, произведенный раскопками.

– Пей, философ!

Запах горячего чая приятно щекотал ноздри.

– Твоя правда, – бородатый потянулся за кружкой. – Пьем и идем на связь. Полчаса осталось.

* * *

Приближалось время связи. Тоненькая жилка телефонного провода пронизала толщу скалы. Дважды в сутки она объединяла их всех, разбросанных работой по причудливым лабиринтам Пещеры. И перебивая друг друга, летели вверх и вниз по проводу голоса: радостные и тревожные, звонкие и хриплые, шутливые и озабоченные. Приближалось время связи, и каждый внутренне торопил его приближение. Потому что все труднее было сдерживать в себе этот единственный и емкий до бесконечности вопрос: как там?

Как там, на Земле, все также холодно? А снег? Или на небе звезды?
Как там, на Верхнем ярусе? Что дала топосъемка?
Как там, в сифоне? Много ли воздуха в аквалангах?
Как там?

* * *

– Ну, как там? – Рустэм, переминаясь с ноги на ногу, гулко хрюстал щебенкой. – Не слыхать?

– Тихо пока.

Бородатый поудобнее пристраивал к уху коробочку телефона.

От колодца на Верхний ярус противно тянуло холодом. Ажурные сплетения инея серебрились на промерзших стенах.

Рустэм зябко передернул плечами.

– Нашли mestечко! – сказал он. – Ни отопления, ни печки, ни даже камина паршивого...

– Вот тебе "камин", – не отрываясь от телефона, сказал бородатый. Луч его фонаря уперся в уходящую куда-то вверх черную каменную трубу. – Грейся, пожалуйста... О! – он еще ниже склонился над телефоном. – Кажется, идут.

– Не стучи зубами, – посоветовал Рустэм. – Здесь можно без морянки.

– Нет, показалось, – пробормотал бородатый. – Спят они, что... Да! Да! – вдруг закричал он в микрофон, – Да! Я – Нижний, я – Нижний!

Рустэм вздрогнул и уперся лучом в скрюченную у стены фигуру. Сумасшедшее эхо закувыркалось под сводами.

— Ну, что, есть?

— Ага. Слышно что-то плохо... Эва, Верхний! — снова заорал он — (Побереги технику! — забеспокоился Рустэм), — Верхний! Плохо вас слышу! Давай громче! Во, теперь хорошо. Кто на связи? Радик? А где Ветров? Чего, чего?

По лицу бородатого поползла тень. Не отрывая телефона от уха, он резко выпрямился.

— Потише, — сказал Рустэм. — Жалко пещеру.

Бородатый свободной рукой вернул на место съехавшую от удара в потолок каску.

— Хреново... — сказал он.

* * *

— Хреново, — сказал бородатый, и его черная лохматая тень колыхнулась на стене. — Они не вернулись.

— Кто? — спросил Рустэм.

— Тройка Ветрова.

— Откуда?

— С Большого кольца.

— Давно?

— Только что! — сказал бородатый. — Слушай, не работай, как компьютер. Что — "давно"?

— Контрольный срок давно вышел?

— Два часа как, — бородатый зло сплюнул. — Они там все думали, что вот-вот. Ну, и вот!

Белая мыльница телефона подрагивала в его руке.

— Так, — сказал бородатый. — Отставить север. Климат резко меняется на субтропический.

Старик, давай бегом к Вовчику, а я полез на Верхний. Саня меня подстрахует.

— Вовчик сейчас в сифоне... — удаляющийся лязг триконей заглушил слова Рустэма.

— Связь через каждые полчаса! — крикнул вдогонку бородатый и загрохотал к колодцу.

* * *

Пот заливал глаза.

– Потише, – прохрипел Саня, падая рядом на холм рыхлой от сухости глины. – Еще немного, и нас самих придется спасать...

– Англичане сдохнут от зависти, – выдохнул бородатый, размазывая глину по мокрому лицу. – Через "Эверест" – галопом на карачках! "Голос Америки" уже охрип. А, Раф? Сдохнут англичане? Давай рюкзак.

Рашид молча соскреб с плеча мокрую лямку. "Эверест" – эта сорокаметровая, скользкая от жидкой глины, гора на Большом кольце Пещеры - в компании с рюкзаком, в котором несли веревки, не оставила ему сил на разговоры.

– Пошли!

Пудовые ботинки сотрясали своды. Галерея покатилась вниз. Теперь можно было бежать в рост, без риска стесать каской многочисленные выступы потолка. Три человека, три перемазанные до неузнаваемости фигуры мчались по упругому полу просторной галереи, их черные тени сплетались в бешеной пляске под гудящими сводами, и эхо грохотало им вслед.

Три человека – спасотряд.

Еще трое в оставшемся за спиной Верхнем лагере кипятили на примусах воду, то и дело поглядывая на часы. А в пятидесяти метрах под ними, на Нижнем ярусе, прирос к телефону Рустэм, чтобы, если все-таки – случилось, поднять по тревоге аквалангистов Вовчика...

* * *

– Все! – сказал бородатый. – Пришли. Это подъем в Глиняную систему.

Они стояли на узенькой полоске расчавканной бурой глины. С низкого свода текло, и капельки мелко сыпали в обширную глинистую лужу у стены.

– Морду набью, – сказал Саня. – Если они просто зарвались, набью морду.

– Хорошо бы, – бородатый оценивающе щупал лучом круто уходящий вверх ослизлый каменный желоб с расклиниенным поперек бревном. Оттуда, сверху, свешивался конец мокрой веревки.

Из темноты надвинулся Раф, тяжело перепрыгнул на их островок.

– Осторожнее, – сказал Саня, уцепившись за стену. – Ковчег перевернется.

– Борьба за место под душем, – пересохшими губами Рашид поймал каплю со свода. – Сколько мы уже идем, Костик?

– Тридцать пять минут, – сказал бородатый, растирая глину по запотевшим очкам. – Как говорит Леха: тридцать пять минут и семисот метров – как не бывало!

– В жизни так не бегал, – сказал Саня. – Хорошо, что ты с Нижнего вылез – я бы не нашел эту "катушку"...

– Вперед, бокоплавы, – сказал бородатый и заскрежетал триконями по желобу.

* * *

Ленька с трудом отодрал комбинезон от перегиба и выполз из колодца. Полудохлая лампочка – последняя их надежда – папироным окурком тлела на исцарапанной каске. Папироный окурок и – километр Пещеры. Силы были явно не равны, но там, внизу, на дне этого проклятого Глиняного колодца, сидели без света двое...

Что будет, если потухнет и это жалкое подобие фонаря, Ленька старался не думать. Оставалось только молиться, чтобы этого не произошло. Молиться и ползти.

Расширенными зрачками Ленька нашаривал опору. Надо было спешить, но он твердо уяснил одну старинную японскую мудрость:

– Нэторопыза! – сказал Ленька, поскользнулся и боком съехал по жирному от глины откосу.

Их контрольный срок истек уже два часа назад, но ни звука не доносилось оттуда, куда брели непослушные от усталости Ленькины ноги.

– Где-то в этом погребе должна быть дверь... – пробормотал Ленька, озираясь.

Галерея вывалилась в зал, против мрака которого его фонарь был бессилен. Откуда-то слева издевательски громко булькала капель, но идти надо было вправо – это Ленька помнил хорошо. И он пополз вдоль стены, для верности ощупывая ее руками.

Сколько времени прошло?

Где-то далеко приглушенно грохнуло и мягкими крыльями зашуршало под сводами. Идут? Ленька замер. Нет, показалось.

— Спят, собаки, — сказал Ленька. — Эва-а! — наудачу заорал он и поразился, насколько разбуженное криком эхо исказило его голос. — Спят, не иначе... — горько прошептал он и встал на четвереньки.

* * *

— Тихо! — сказал Саня. — Раф, не скреби когтями... Орут?

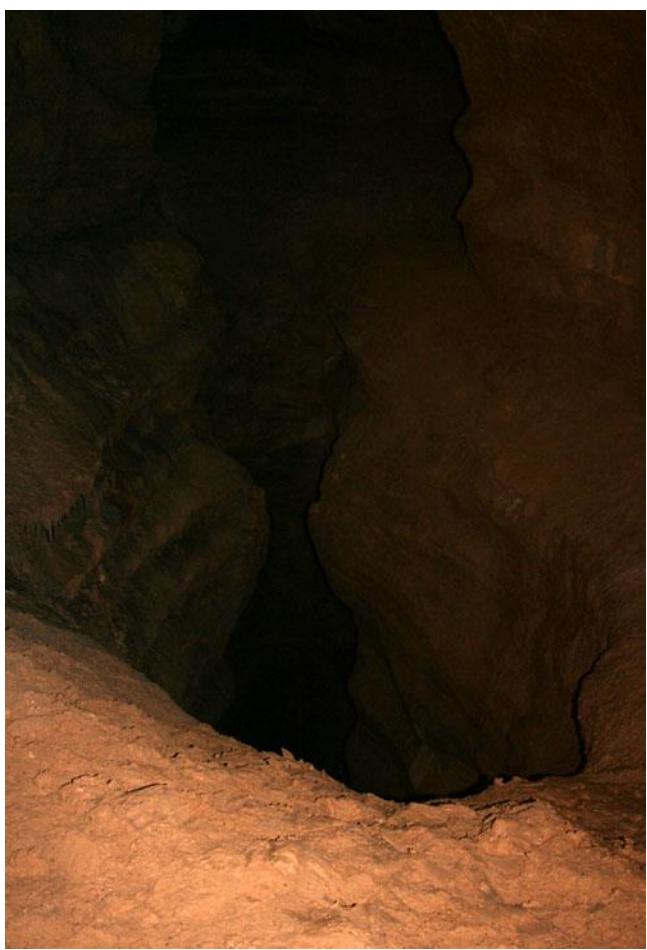
Трое замерли на краю трехметрового уступа с круглой лужей на дне. В воду с бульканьем били сверкающие капли.

— Эва-а-а! — приглушенно донеслось из-за поворота.

— Это Ленька, — сказал Саня, примериваясь к уступу. — Я прыгаю.

— Не спеши, — сказал бородатый. — Наши похороны без нас не начнутся... Раф, доставай веревку.

* * *

Прошло уже почти четыре часа с тех пор, как Серега Ветров получил от Судьбы сразу три подарка.

Выход получился удачным. Втроем они выскочили в незнакомую систему ходов, пробрались руслом белоснежной речушки, хрупкой чистотой бросавшей вызов своему глянциальному окружению, но, спустившись в сорокаметровый колодец в ее конце, уперлись в сифон. На подъеме из колодца они потеряли ось самохвата (*112) и угробили кучу времени. А время поджимало. До контрольного срока оставался всего час, а над головой все еще нависал карнизами Глиняный колодец.

И что хуже всего — они стремительно теряли свет. Два оставшихся невредимыми фонаря выжимали последние соки из подсевших батарей.

Проклиная на чем свет облепленную глиной веревку, Серега с ходу начал подъем в Глиняный, но тут измусоленный и измочаленный своей тяжкой работой репшнур, которым он привязал к ноге последний оставшийся у них самохват, с громким щелчком лопнул, и Ветров повис на самостраховке.

До стены колодца было не очень далеко, но руки! Жгут грудной обвязки лишал их крови. И уже не было сил, чтобы вцепиться в эти проклятые стены, и не было сил, чтобы подтянуться по осклизлой струне веревки.

Боль от обвязки туманила мозг, и поэтому Ветров не смог сразу оценить всей щедрости Фортуны, видимо, по оплошности сделавшей Сереге сразу три подарка.

А первый ее подарок заключался в том, что злополучный репшнур лопнул не в десяти, не в семи и даже не в четырех, а именно в трех метрах от дна колодца. Благодаря этому подарку, оставшимся на дне колодца парням, к этому времени перепробовавшим все средства, пришла в голову мысль, взгромоздившись друг на друга, попытаться дотянуться до Ветровских ног.

Второй подарок Фортуны состоял в том, что Леньке удалось взобраться по Ветрову ровно настолько, чтобы обломком стекла их предпоследнего фонаря (ножа, как водится в таких

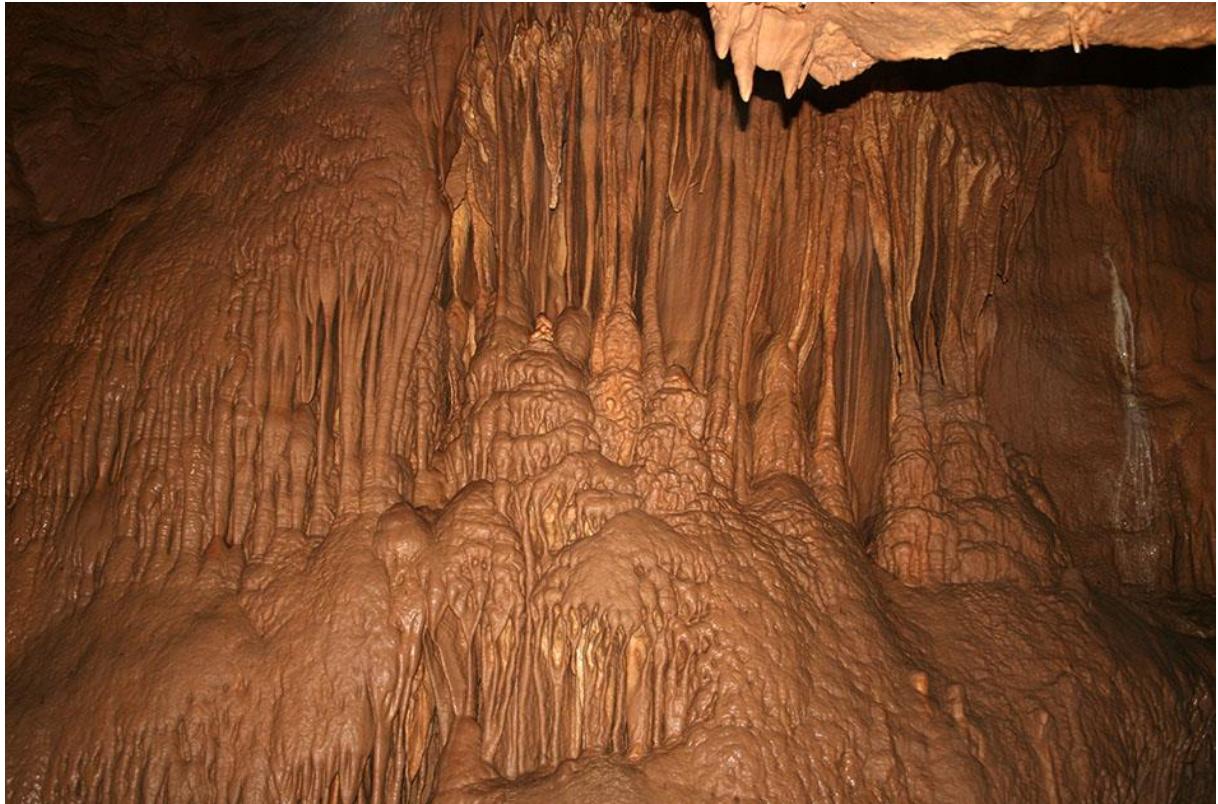
случаях, ни у кого не оказалось) перепилить дрожащий под двойным весом шнур Серегиной самостраховки.

И третий – что на все эти манипуляции им понадобилось всего лишь немногим более получаса. Чего, однако, хватило, чтобы налитые болью Серегины руки, особенно правая, объявили полную забастовку и неспособность к дальнейшим действиям.

Ту мелочь, что, пролетев три метра, они упали не на ребристый выступ скалы, а в мягкую, удивительно слякотную жижу, – тоже можно было бы считать приятным сюрпризом...

Но не слишком ли много хорошего на один только день?

* * *

Они работали молча, вкладывая в каждый рывок веревки всю накопившуюся ярость скрученных в пружину нервов.

– Живы, – хрипло сказал Ленька, щурясь в трех дымных лучах, вместе с набегающим топотом ног с поразительной легкостью разметавших вокруг него мрак и тишину.

И в ту же минуту эта пружина, взведенная до отказа долгими, как ночь, мгновениями ожидания и вопроса – пружина их нервов, начала распрямляться, заливая неосознанной еще радостью сердца, заледеневшие в схватке с неизвестностью.

Полиспаст подавался легко, и Серегина каска уже слепо маячила на подходе, рывками приближаясь.

– Ленька! – пыхтел Саня, вместе с Рафом оттаскивая Ветрова от края Глиняного колодца.

– Ленька, если и второй с такой же рожей – уволюсь! Пусть Синникова летучие мыши поднимают. Слышишь, Синников?

– Что-о? – донеслось со дна колодца. – Не понял! Повтори!

– Интересуется, – удовлетворенно хмыкнул Саня. – Ну-ка, Ветрыч, дай-ка я на тебя посмотрю!

– Красавчик! – восхитился бородатый, ощупывая взглядом исцарапанную Серегину физиономию. Кровавые ссадины вперемешку с грязными потеками украшали его круглое лицо замысловатым орнаментом.

– Это мы его о скалу, – хмуро пояснил Ленька. – Пробовали подкачнуть, а у него уже руки были того...

В коренастой фигуре Ветрова, в его нелепо растопыренных руках, в скрюченной улыбке было столько непередаваемого юмора, что даже выжатый в губку Ленька не удержался – фыркнул.

Они стояли на краю колодца, давясь неудержимо рвущимся наружу смехом, до сих пор еще слабо соображая, до чего же все здорово обошлось.

– Ой, мамочка! – трясся Саня. – Серый, тебя же Москва не примет! Мы тебя в рюкзаке домой повезем – ты ж иначе всех пассажиров распугаешь!

– Сфотографируйся и набей морду фотографу, – всхлипывал Раф.

– Нет, ты сознайся, за что они тебя? – бородатый в изнеможении прислонился к стене.

– Черти... – хрюпал Ветров. – У человека горе, а они!

И все силился сдержать лихорадку нервного смеха, сотрясавшего его от каски до бесформенных в глине ботинок.

Но в колодце тосковал и изнывал от ожиданья Синников, и Саня уже снова распутывал бурые кольца страховочной веревки.

– Валерка, цепляй конец! Сейчас мы тебя вспорхнем!

– Покурить оставьте, ангелы! – донеслось из колодца, и четыре согбенные тени разом вцепились в неподатливую струну полиспаста...

* * *

Позади давно остался каменный желоб "катушки", по которому, поделив оставшиеся рукавицы, чтобы не ссадить и без того истертые руки о глинистый рашиль веревки ("Мне рукавиц не надо, – сказал тогда Синников. – У меня все равно руки грязные!"), долго спускали Ветрова, и, наконец, спустились сами.

Уже почти час назад "убежал" – черепахи умерли бы от зависти – Рашид, торопясь сообщить оставшимся в лагере, что все в порядке и наконец можно стряхнуть с плеч комбинезоны, а с души – тревогу.

А они все брали, спотыкаясь, по нескончаемому километру Большого кольца – два фонаря на пять человек. Впереди, в лагере за Эверестом, горели примусы и вкусно пахло, а они все шли, шатались под грузом вдруг навалившейся усталости...

* * *

– Ну, живой? – Рустэм, улыбаясь, приплясывал на белом от снега дне нижней шахты. – Дубак тут страшенный!

– Было б толку! – отозвался бородатый, отстегиваясь от заиндевевшей веревки. – Я, между прочим, только что совершил затяжной прыжок... Ты почему один? Где репортеры?

– Вымерзли, – сказал Рустэм. – Я скоро тоже.

– Жаль, – сказал бородатый. – Прыжок-то был без парашюта, на одной рогатке. Веревка, понимаешь, обледенела – я и поскользил... Несет, зараза!

– Вон что! – сказал Рустэм, помогая ему отцепиться от страховки. – Я-то думал, что ты спешишь в объятья восхищенной толпы. Как там Ветров?

– ...Еще сказал этому парню, чтоб страховал помягче, – не слушая его, бормотал бородатый. – Не держи, говорю. Ну и пошел... Метров десять, считай, падал. Он, понятно, не держал: думал – я спешу... Еле затормозил.

У него слипались глаза, и фразы получались скомканными. Словно путались в бороде.

* * *

Скользя, они с Рустэром пересекли огромный обледенелый зал. Справа возник и, нарастая, повис в ушах могучий шум невидимого потока.

– Умыться не хочешь? – кивнул Рустэм. – У тебя вся личность в грязи... пардон, в глине.

– Мою личность, хоть выжимай, – передернулся бородатый. – Ты никогда не задумывался, сколько пакостного смысла заключено всего в четырех буквах: в-о-д-а? А здесь, кстати, сквозит.

– Забыл сказать Сысоеву, чтобы закрыл у себя наверху форточку, – сокрушился Рустэм. – Но выбора у тебя нет – в спальник не пущу.

– Изверг, – сказал бородатый. – Черт с тобой, показывай рукомойник!

* * *

У "Ниагары" они остановились.

– Покурим, – сказал бородатый. – Слышь, братишко, давай немножко подымим.

– Ты ж на ногах не стоишь, – сказал Рустэм. – В лагере какао стынет.

– Покурим, – упрямо сказал бородатый и сел на корточки у стены. – Смотри, красота-то какая...

С невидимого в ночи пещеры свода тек бело-голубой каменный каскад. Гигантский, он приковывал взгляд, завораживал своей фантастической красотой.

– Так как там Ветрыч? – спросил Рустэм. – По связям передали, что все в порядке.

– Обошлось, – кивнул бородатый. – Обошлось, но мы опоздали. Он везучий, Ветрыч. Он провисел всего полчаса. Если бы Ленька его не срезал, то к нашему приходу он провисел бы все три. В лучшем случае потерял бы обе руки. Хотя, говорят, мало кто может сам рассказать, что выдержал три часа. Понимаешь?

Они курили, а каменная Ниагара в великом безмолвии качала перед их глазами свои застывшие струи.

– Пойдем, – сказал Рустэм. – Я позаимствовал у Вовчика часы, а на них сейчас шесть. Догадываешься, чего?

– Утра, – усмехнулся бородатый. – Нормальные люди уже начинают лупить по будильникам.

– И, кстати, делают это дома, – заметил Рустэм.

* * *

Они тяжело брали к лагерю, а где-то высоко над ними, над скованной морозом и сном белой землей, летел самолет...

февраль 1978 года

ГОЛУБОЙ СТАЛАГМИТ

Он вырос между двумя танками – емкостями для жидкого хлора, потому что где-то наверху проржал паропровод. Капельки конденсата все летели и летели вниз, а над городом уже зажелтела осень. Каждый раз, проходя мимо лужи, Муромцев вспоминал, что надо бы поставить хомут на паропровод, потом привычно думал, что это не его хозяйство, есть, в конце концов, сантехники, – пусть Литвинов сам и занимается. Надо только не забыть сказать... И он привычно забывал.

Муромцев обходил эстакады, проверял вентили, бегло щурился на манометры и, зябко поеживаясь, возвращался в щитовую. Ну что у него за хозяйство! Нагромождение емкостей и трубопроводов, в которых сам черт ногу сломит. Все течет само по себе – крути вентиля да посматривай на приборы. Тоска.

Он никому не говорил (как такое сказать?), что единственное захватывающее в его работе – это аварии. Вот так – аварии! Редкие минуты, насыщенные полнокровным действием.

Да-а... Так вот, он вырос под трубой между двумя танками. Зима взъярилась морозами, и сталагmit удался на удивление. Муромцев даже глазам не поверил. Высокий, с полметра, и толщиной в руку, сталагmit был прозрачен и чист.

В Пещере! Ну да, вот такие они с Вовчиком видели на стенах Актового зала. Как они радовались тогда! Тут же, вот – под боком! – растет такое чудо, а все ходят и не замечают.

Муромцев машинально оглянулся. Перед глазами невольно, непрошено, вновь разворачивалась Пещера. И голос, записанный на пленку:

"Ух, ты-ы!.. А прозрачный-то!"

Они носили тогда по Пещере магнитофон и записывали. И грохот шагов, и звон ледяной капели, и гул подземной реки. А эхо...

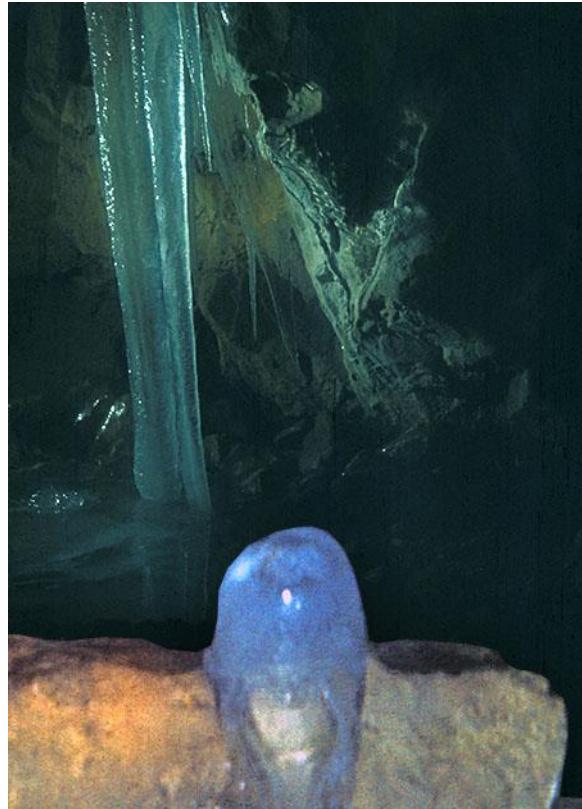
Какое там было эхо!

Муромцев мотнул головой, отгоняя непрошеные видения. К черту! Он же сказал себе, что все. Он больше не поедет в Пещеру. Хватит. Пора, наконец, браться за ум. Лена права – это не профессия. Много ли толку, что он знает почти все об этой работе и может спуститься в глубочайшую пещеру страны? Кому это надо? Кому нужны месяцы изнурительного труда в вечном грохоте воды, кажущихся бездонными колодцах?

Он не профессионал. В том смысле, что – Лена права – денег за это не платят. И вообще, поглядишь вокруг – нормальные семьи, нормальные отцы. Приходят домой, не торчат на тренировках. В отпуск – на дачу, в дом отдыха..., неважно – с семьей. И никакой нервотрепки.

Все правильно, он уходит, а дома в тревоге. Он возвращается, худой и черный, измотанный нечеловеческой работой. Урывает, правда, недельку-другую, едут с Леной куда-нибудь отдохнуть. Только отойдешь, пора на работу. Отпуск, называется. Нет. Есть нормальные семьи и нормальные отцы.

Муромцев усмехнулся, поймав в себе отзвук былых словесных баталий, представил разгоряченное спором лицо жены. О чем спорить-то... Все и так ясно. Пора кончать, вешать на

стенку карабины. В конце концов, у него семья. Надо бы, наконец, выбраться куда-нибудь всем вместе. Махнуть, например, в Крым. Или на Кавказ. Купить панаму, шорты, лежать на песке и щуриться на волны. Подумать только! Он десять лет на Кавказе, а моря толком и не ощущал.

Какое там море! Едва приедешь – заброска. Хорошо, вертолет, а то на горбу в несколько ходок тащишь в небо, продираясь сквозь облака, немыслимые мешки.

Потом – пещера. Потом... Потом галопом вниз, на самолет, на поезд, на что угодно – лишь бы скорее домой. Вот тебе и море...

С черного неба неслышно порхали, падали снежные мотыльки. Муромцев продрог и по скользкой железной лестнице вернулся в щитовую. Ребята сгрудились за столом, о чем-то гомонили. Ребята... Яковлевич давно на пенсии, а вот работает. Заколачивает деньги. А может, просто невмоготу ему в океане свободного времени? Да и другие. Все в детях, в машинах. Он в смене по возрасту самый младший. Начальник, слушай, мастер! Не хухры-мухры...

Муромцев сел за стол, привычно уперся взглядом в диаграммы приборов.

В общем, ничего работа. Времени хватает, платят прилично, работы нет... Час ночи. Ох, и время ползет!

* * *

За зиму Сталагмит вырос. И когда с крыш и арматуры забила первая капель, стал просто красавцем. Двухметровая ледяная колонна, вся в оторочках ванночек с кристальной водой.

Всю зиму Муромцев последовательно остепенялся. Обзавелся первоклассным инструментом, дома пилил, строгал и соорудил-таки сносную прихожую. Писем не писал. Само собой и получать их стал совсем редко. Да оно и к лучшему! Зашвырнул на антресоли каску и другое железо. Соорудил сыну подобие турника. Андрюшка с полу до него не доставал, но висел охотно. Ничего, лиха беда – начало!

И на душе, вроде, не свербило.

Но Сталагмит! Стоило Муромцеву его увидеть, перед глазами вновь оживала Пещера. Он ничего не мог с собой поделать. Курил, мрачнел и... смотрел зачарованно. Однажды он даже забрался на ограждение, чтобы взглянуть на Сталагмит сверху. Капли пробили во льду глубокий колодец, и там, в его глубине, морщилось кругами озерко.

В последнюю экспедицию они вот также вышли на уступ. Вода уходила ниже, и где-то глубоко с гулом била в котел. А под ногами, в дымных лучах фонарей, купоросно синело озеро. И они, мокрые и прорвавшие, не могли сдержать восхищенных возгласов. Они не знали еще, что вот за этим отчаянно красивым озером Пещера кончится.

А она кончилась. Река ушла в завал. Напрочь. Каменная пробка запечатала проход.

Французы, наверно, радовались! Их рекорд глубины устоял. Ну и черт с ним. Его это больше не волнует.

* * *

Весна накатила яростно. Снег еще лежал, но все больше чернел, съеживался, наконец, отступил, сметенный плотными атаками дождей.

А Сталагмит стоял. Всему наперекор. Он потоньшел, стал меньше ростом и теперь поражал своей отмытой прозрачностью. Его вершина, изглоданная водой, расщепилась короной. Сталагмит таял и становился еще прекраснее.

И Муромцев вдруг затосковал. Приходя на работу, он нет-нет да и подходил к Сталагмиту, с тревогой ловя глазами разрушительную работу весны. Все вокруг оживало, и остро пахло землей, прошлогодней листвой, еще чем-то до боли знакомым, но позабытым за зиму. Тело тосковало по работе. По настоящей: до боли в руках, до кругов перед глазами! Он как-то обмолвился об этом жене, но Лена очень серьезно предложила поехать на дачу к маме, вскопать огород, и Муромцев замолк.

А потом накатилось лето. Он хотел было рвануть с семьей к морю, дикарями, пожить в палатке, пошататься по побережью. Но Андрюшке "оказалось" всего два года и вообще...

Поспорив, он согласился, что все это пока рано, что хлопотно.

Были и другие проблемы. Муромцев и сам чувствовал, что разленился. Он переболел своей тоской, сумел загнать ее в угол. И добил..., когда, еще где-то в апреле, пришел на работу

и увидел, что его Сталахита больше нет. Кто-то старательно срубил лед, сгреб в серую кучу и оставил таять на асфальте.

На Кавказ они не поехали. В месткоме обещали Ялту. И все получалось, как он когда-то мечтал: шорты, море и потрясающее безделье.

А за месяц до отпуска пришло письмо. Оно оглушило Муромцева скучными Вовчиковыми строчками.

... Зимой экспедиция Окорокова нашла проход в последнем завале. Они нашли проход... Муромцев долго бессмысленно смотрел на прыгающие завитушки. Они нашли проход! Пробились сквозь завал к реке. Откуда-то сверху. Набрав метров девяносто по высоте, а потом снова зарывшись вниз. Окороков вышел на реку и остановился перед водопадом. Ревущий каскад. Сил и веревок больше не было, но Пещера шла!

Муромцев ворвался домой – по привычке он брал письма на работу – оживленный, какой-то взвинченный. Лена встретила его удивленно, а он все рассказывал ей об их фантастической удаче, тряс Вовчиковым письмом, метался по кухне. Но жена заговорила о другом, что пора бы подумать об отпуске. В месткоме все обещают, а ему надо взять и сходить. И нажать. А то остался месяц.

Муромцев потух. Спрятал письмо в карман, поддакнул, ушел в комнату. Все правильно. Чего он, собственно, разошелся? Ну, прошли завалы... Ну и что?

Он знал – что. И на душе было тошно. Если бы не эти последние строчки!

* * *

Прошла неделя, а Муромцев все никак не мог сесть за письмо. Он понимал, что надо сесть и написать, но не мог. И все-таки написать было надо. Вовчику нужна определенность. Это же не пикник. Они планировали штурм новой части на конец лета, сентябрь. В это время в пещере меньше всего воды.

Муромцев до боли сжал пальцы. Ручка хрустнула. Он шепотом выругался. Ну что он, как сопляк, сидит над листом бумаги?

Вовчик написал в конце: "Старик, будет трудно. Я на тебя очень рассчитываю".

Вот так. Нет, это невозможно. Ведь они с Ленкой собрались в Крым. Будет ужасный разговор... Он представил себе сердитое обиженное лицо жены. Нет сил на это!

А ведь он так знает Пещеру! Шесть экспедиций! Эта, седьмая, конечно, на весь отпуск. Может, удастся выпросить у шефа лишнюю неделю за свой счет? А впрочем, что с нее толку? Ерунда! Вот если бы взять Ленку с собой... Опять же, Андрюшка. Да она и не поедет. Резонно! Он будет под землей в своей пещере, а она сиди у телефона и волнуйся? Моря там нет.

Как это она сказала: "Лучше сидеть у моря и смотреть на гору, чем наоборот?"

А может, все-таки поговорить? Чем черт не шутит!

Муромцев усмехнулся.

Моря там нет. Но зато цветы! Он представил себе заросли рододендронов, их пьянящий запах. Впрочем, какие там рододендроны! Когда они выйдут, в горах уже будет бело...

Нет, это невозможно!

Муромцев встал из-за стола, вышел на площадку. Смена гомонила в щитовой – никаких забот! Он поймал себя на том, что тупо смотрит на асфальт между двумя танками. Здесь когда-то рос его Сталагмит. Огромный, сияющий голубизной, искрами капель в этом ржавом царстве труб и арматуры. Он рос, теперь его нет. И мир стал беднее.

Капли летели, падали, бесплодно бились об асфальт.

Слишком тепло. Слишком спокойно...

Муромцев круто повернулся. Лист бумаги, ручка. Всего несколько слов: "Участвовать не смогу, зашиваюсь..."

Подумал, сгреб написанное в ладонь. И расчеркнул размашисто, по-муромцевски:

"Буду в срок. Возможно, с семьей. Шли информацию. Привет мужикам. Муромцев".

Будто вздохнул полной грудью.

* * *

...Искрился в глазах Голубой сталагмит...

1983 год

УЗЕЛ

– Эрик, – Коста послал луч фонаря вдоль полого уходящей вниз галереи. – Вы на Нижний ярус собираетесь?

– Обязательно, – тень Эрика, еще более долговязая, чем он сам, прыгнула под своды. – Завтра. А что?

– Как думаете спускаться?

– Посмотрим, – Эрик ссунулся, расстегивая на себе снаряжение. – Вот поставим лагерь, и пойдем смотреть.

Коста отвел луч, посмотрел на шевелящиеся тени ребят. Даже не верится, он снова здесь, в Сумгане...

... Если пойти вот так, по утрамбованной под паркет галерее, через полсотни шагов выйдешь в Актовый зал. Странно подумать, они с Любой только что ходили туда. Спускались с уступа "Трибуны" в засыпанный битым камнем, опускающийся к каменной трубе Туманного колодца зал. Это налево. А тут... капель, озеро справа и капель. Все, как полгода назад, как два года назад, как тысячу лет...

– Эрик, – сказал Коста. – Я не советую идти через Туманный. Я смотрел – в колодец идет вода.

– Через Основной идти нельзя, – Эрик, наконец, разделился с ремнями подвесной системы, звякнул о камень карабином.

– Нельзя, – Коста кивнул. – Август все-таки. Залетим под ледопад. В семьдесят седьмом, помню, там по два раза на дню громыхало...

– У нас есть четыре гидрокостюма, значит, пойдем через Туманный.

– Баловство это, однако. Гидрокостюмы, вода... Бр-р-р!

Эрик посмотрел на него:

– Что ты предлагаешь?

Кто-то из ребят зажег свечу, и в галерее сразу стало будто теплее.

– Я знаю третий колодец на Нижний ярус, – сказал Коста, закуривая. – Колодец Вейса.

* * *

В маленькой спиртовой кухне созревал кофе. Парок, поднимавшийся над помятой крышкой котелка, щекотал ноздри. Они расположились вокруг каменного стола – шесть человек: три девушки, трое парней.

Сколько встреч подарил ему Сумган? Не перечесть.

Шли сюда вдвоем с Любой, ни на что особенно не рассчитывая. Давно обещал показать жене Пропасть, хотя бы вход. А когда увидел сегодня утром у их одинокой палатки в Каньоне парней в комбинезонах, радостно забилось сердце – быть им с Любой в Сумгане!

Хорошие ребята, из далекого Каунаса – на Урал впервые...

Что ж, он покажет им Пропасть. Коста не мог сказать, что знал тут все от и до. Но – шесть экспедиций, сотни часов под землей. Что-то он все-таки знал. Вот колодец Вейса, например. Самый безопасный колодец.

На камне было холодно. Коста зло покачал головой:

– Кто-то лавки спер. Столько лет стояли, и вот – понадобились кому-то!
– Лавки? – удивился круглолицый рыжий паренек.
– Лавки, Вася, – Коста понимающе усмехнулся. – Самые настоящие, деревянные. Это же Сумган.
– Значит, так, – Эрик присел к спиртовке, будто сложился. – Сейчас попьем, и вы с Ангелой сделаете навеску на колодец Вейса. Чтобы завтра без задержки. Вдвоем справитесь?
– Чего не справиться? – Коста посмотрел на Ангела.
Девушка с виду крепкая. Спра-авятся. Дел-то – навесить веревки на колодец! Лучше б, конечно, с кем-нибудь из парней, ну, да выбор небогат.
Ангела что-то лопотнула на своем, каунасцы рассмеялись.
Коста отставил пустую кружку, встал:
– Пойдем, что ли?
Ангела, бренча снаряжением, выпрямилась.
– Это... надо? – она с трудом подбирала русские слова.
Коста ни слова не знал по-литовски. Нет, одно знал – герэй! "Хорошо", значит. Ну, ничего, как-нибудь разберутся.
– Нет, – он прихлопнул себя по обвязкам. – Сбрую можешь не брать, моей хватит.
– Вы надолго?
Люба смотрела на него из-под каски: на заострившемся лице ночные глаза – пещерница!
Первый раз в Пропасти, а ничего, не робеет.
– Через часок-другой управимся, – он ласково обнял жену за плечи – Ты не мерзни, двигайся, герэй?

* * *

Шаги гулко бухали, отдавались высоко под сводами, катились впереди. Коста светил по сторонам, улыбался.

Он помнил тут все. До камушки, до выемки в стене. Ночами в городе, закрой глаза – и вот они, подземные дороги и перекрестки. Сколько здесь хожено! Последний раз – каких-нибудь полгода назад. Сейчас бы парней сюда. Его парней: Вовчика, Леху. Сколько еще недоделанного осталось в Сумгане! Тьма.

Коста покосился через плечо на фонарь Ангелы. Идет. Для нее это что – пещера. Громадная, конечно, впечатляющая... Но и только. А для него?

Для него – это Узел. Узел всего, что было, есть, будет. По воле Судьбы завязавшийся здесь.

Пропасть. Она дала ему друзей, дело, самого себя. Теперь она встречает его жену. Скоро ли придут дети?

Узел.

Как летит время!

У Руты – двое детей, у Вовчика – двое, у них с Любой – один. Пока. Сын. Лешка. Мал еще. Пока... У Эрика с Ангелой тоже кто-то есть. Или нет?

Да-а...

* * *

Коста чиркнул светом по стене, поправил на плече бухту веревки. Вот и первый уступ.

– Однако, сюда. Ну-ко!

Веревки, лестницу забросил на самый верх четырехметровой стенки. Он помнил на ней каждую зацепочку.

– Ангела, слышь? Ты смотри, как я пойду, и давай следом. Герэй?

– Герэй! – Ангела белозубо засмеялась.

Вроде, ничего девчонка.

Он упруго взял стенку, выбросил послушное тело на глинистый пол уходящей отсюда вверх спиралевидной галереи.

– Давай!

На всякий случай скинул вниз репшнур, забился в угол, подстраховал. Кто его знает! В семьдесят шестом он едва не грохнулся с этой стенки, Птер тут слетел, Леха чуть не спрыгнул... А внизу камни.

Ангела выбралась тяжеловато, а впереди еще "камин"... Хм!

Пока шли по поднимающемуся вверх ходу, жадно смотрел по сторонам, показывал памятные сталактиты:

– Вон, гляди, "морковка" висит. А вон "штопор"!

Местами стены блестели, одетые кальцитом.

– Красиво! – Ангела радостно оглядывалась. – Куда дальше?

Коста вышагнул из-за поворота, бросил веревки к стене:

– Смотри.

– Вот это о-го-го! – Ангела всплеснула руками. – Сталагми-итище! Да?

Действительно, штука! Сталагмит – метр в высоту, зато в поперечнике метра три-четыре. И ванночки-гурь на белоснежных боках. Накапало! Тысячи лет ведь...

– "Слоненок" его зовут, – Коста запрокинул голову, пошарил во мраке бессильным лучом.

– Во-он откуда натекло. Ну, да поднимемся – посмотришь. А теперь займемся акробатикой.

Коста оценивающе мерил глазами камин. Там, над ними, метрах в восьми, чернотой зияла ниша. Все так и думали, видно, что ниша. А в семьдесят пятом Вовчик взял да и прошел этот камин – полуоткрытую трубу в стене. И вышел в галерею.

Дальше... Дальше был колодец Вейса.

* * *

Из колодца, как всегда, сифонило холодом и паром. Коста невольно поежился. Самый безопасный колодец. Но уж самым уютным или удобным его не назовешь. Во-первых, подступы.

Дьявольский камин занял кучу времени. Сначала он хотел пустить первой Ангелу. Подсаживал, подсаживал, но так и не смог впихнуть ее в каменную трубу. Что было делать? Первые три метра этого камина без помощи снизу еще не проходил никто.

Коста усмехнулся. Всякое бывало, но вот ногами по женщине еще не ходил. Делать-то было нечего! Ангелка – молодец. Выдержала, пока он не заклинился в камине, подсадила. Давно надо было сюда бревно притащить...

Он вылез, сбросил репшнур, потом веревку, пробовали и так и этак, но пока не спустил в камин тросовую лестницу, Ангела вылезти не смогла. Выбралась, распаренная, жаром пышет. А он едва зубами не стучит. Ветер тут...

Перекурили.

– Герэй?

– Герэй!

И вот – колодец. Коста по-хозяйски осмотрелся.

Ох, и знакомо же тут все! Помотал из них силушек проклятый колодец. И нервов.

В прошлый раз, три года назад, уходил от колодца, думал: все, не вернусь. Баста! Так нет же, вот он. Снова нарисовался.

Коста покачал каской, задумчиво окинул взглядом кучу веревок.

– Ну, что, начнем?

* * *

Хуже всего было то, что у них не хватало снаряжения. Собрали все, что могли, но все же пришлось на первую, пятнадцатиметровую, ступень колодца навесить для страховки вместо веревки тонкий шестимиллиметровый репшнур. Толку от этой страховки было немного, но все же. Оставив Ангелу в узкой щели устья колодца, Коста начал спуск, но метрах в трех от дна уступа обнаружил, что страховка кончилась. Коста завис над полкой, размышляя.

– Ну, что? – голос у Ангелы звонкий.

– Страховки не хватает. Спущусь, перевешивать будем.

Отстегнувшись от шнура, он мягко соскользнул по рабели вниз, встал.

– Кидай веревку!

– Куда-а?

Снизу, из колодца, несло холодом и туманом. Мерзнет, небось, девчонка.

– Прямо вниз кидай! Дойдет.

Коста на всякий случай отошел в нишу. В воздухе басовито прожужжало, плюхнулось в камни площадки.

— Есть!

Наклоняясь за веревкой, неожиданно увидел: что-то блеснуло под ногами. Будто подкова на дороге. Коста озадаченно ковырнул пальцем, выцарапнул "подкову" из утоптанной глины, осветил. И не поверил: рогатка! Их рогатка. Ну да! Вот и краска. Красная. Значит, Лехина. А может, Вовчика. Тогда, в 77-м, они тут были втроем. Уходили последними, и кто-то обронил. Кто-то из них троих. Больше некому.

По сердцу теплом повело. Коста даже рассмеялся. Три года прошло! А здесь время будто остановилось. И вот — он получил подарок из прошлого!..

— Костья, дошла?

Мерзнет девчонка. Скорее надо.

Коста с удовольствием прищелкнул найденную рогатку на карабин.

Рогатка, наверно, тоже рада — подумалось. Надоело, небось, без работы!

* * *

Теперь ему оставалось сделать навеску на вторую, главную, ступень колодца Вейса. Колодец метров тридцать. Семьдесят метров нового прочного капрона. Если спустить веревку вниз вдвое — должно хватить. По одному концу спускаться, по другому — самохват самостраховки. Железно.

Не спеша отыскал в глубине полки проушины в скале, скрутил узлы, закрепил веревку. Все, как полагается: рабель отдельно, страховку отдельно. В гулкой тишине колодца карабины щелкали звонко, даже весело. Теперь сбросить концы вниз и — точка. И бегом домой. Ребята, наверно, уже ужин готовили. Должны. Они с Ангелой тут долго провозились.

Коста прицепил к одной из веревок свой самостраховочный зажим, поднял обе бухты и осторожно двинулся вперед. Туман, черт! Не видать ничего. Тогда, осенью семьдесят седьмого, он, помнится, так зашвырнул в тумане веревку, что карабин на ее конце застрял на противоположной стене колодца. Еле сняли...

Грохоча осыпью, Коста приблизился к краю колодца. Камни, срываясь из-под ног, гулко били в воду где-то глубоко внизу. В озеро. Веревка отсюда приходит точно в его середину. Опять придется покачаться, пока выберешься на край этого круглого и глубокого — по пояс, не меньше, озерка.

Он собрал веревку кольцами, примерился. Бросил. Веревка ушла с характерным шелестом-свистом.

Плюх-х-х!

Значит, дошла до озера. Вон как плеснула концом!

— Есть!

— Костья?

Коста вздрогнул от неожиданности. В неспешной своей работе, один на один с пещерой, он успел позабыть о терпеливо ожидающей наверху Ангеле.

— Костья! Ты на конце веревки узел завязал? Вдруг не дойдет до дна?

Видали вы ее!

— Дошла уже, — Коста собирая кольцами второй конец. — Ты чего тут стоишь? Дует же!

Иди в галерею.

— Да ничего...

— "Ничего", "ничего"... — ворчал Коста, чувствуя себя уязвленным. — "Узел завяжи!" Ишь, учительша...

Его почему-то разозлил этот, разумный, в общем-то, совет.

Идя в неизвестный колодец, завяжи на концах своих веревок узлы. Чтобы не соскользнуть, не слететь с конца веревки, если она случайно не достанет до дна.

Это для нее, Ангелки, он неизвестный. А для него — сто раз проклятый колодец Вейса. Проклятый сто раз и пройденный не меньше.

Узел завяжи!

Коста придержал руку, почесал бороду. Психуй или нет, а завязать надо. Для классу хотя бы. Завтра здесь пойдут ребята Эрика – народ, в принципе, малознакомый, чужой. Надо держать марку.

Он быстро выудил из бухты конец веревки, затянул узел, размахнулся. Вж-ж-ж-плюх!
Дошла.

Ну, все, теперь домой, в лагерь. Коста плонул в туман и загрохотал осыпью к верхнему уступу.

* * *

Они лежали с Любой в их теплом двуспальном мешке, согревая теплом друг друга. Лежать на надувных матрацах было, спору нет, мягко. Но уложенные поперек, надувастики отзывались на малейшее движение. А на девчонок, как назло, напал смех. В итоге подпрыгивала и тряслась вся палатка.

Коста был не против посмеяться, но в мелодичном сплетении литовских фраз не улавливал ровным счетом ничего смешного.

Наконец, угомонились, притихли. Только тоненько звенела где-то рядом (он знал – где!) капель, да все еще всхлипывали со смеху девушки.

– Завтра на Нижний ярус пойдем, – он покрепче обнял жену. – Не боишься?

– Немножко, – она уже потеплела, а то холодная была вся – жуть.

– Ох, там и красота! Река одна чего стоит. "Niagara", зал "Ворота", "Ледяной"!..

Черт возьми, неужели правда, они завтра увидят все это?

Даже не верится.

Спать надо. До завтра-то часов шесть осталось, не больше...

* * *

...Он падал стремительно, и в то же время будто в замедленном рапидом кино.

Несущиеся вверх вместе с мелькающими у лица стенами мгновения, вдруг растянулись, стали удивительно емкими.

И сознание работало четко, наполняя их резкими, остро входящими в мозг картинами.

Первое, что, подобно взрыву, ворвалось в привычное скольжение спуска по колодцу, была щемящая пустота в руке, за секунду до этого еще сжимавшей шершавую тяжесть веревки.

И в тот же миг, уже падая, он услышал над собой гулкий щелчок освобожденной рабели о невидимый уступ. Будто бичом в тишине.

Он успел посмотреть вниз, потом – на стену перед собой.

Стена безмолвно стремительно мчалась вверх.

Снова глянул вниз.

Озеро, мутное, серо-свинцовое, в тошнотной зыби, стремительно приближалось.

На миг захватило сердце высотой.

Он еще подумал, что хорошо летит: ногами вниз и от стены далеко. И еще успел подумать, что хорошо бы попасть в центр озера – там илу больше, выше колен... как вдруг неведомая тягучая сила, будто по пологой дуге, осадила губительную прямую его падения.

Сильно рвануло левую руку, и он, еще не веря, еще весь в полете, весь напружиненный в ожидании близкого удара, упруго и стремительно сел в обвязки, подпрыгнул, подброшенный все той же спасительной силой, и закачался у стены на ремнях подвесной системы.

Время сжалось, обрело реальность.

Коста глянул вверх.

Там, на конце веревки, намертво вбился в узел самохват его самостраховки. Так вот почему рвануло руку...

Значит, он падал, намертво вцепившись в зажим самостраховки.

Стоило ему разжать кулак, и устройство сработало бы, вцепилось в страховочную веревку, остановило бы падение еще задолго до узла. Но он...

Мало того! Успев так много заметить и подумать, он ни разу даже не вспомнил про самохват.

Готовился к встрече с дном колодца и, если бы не узел, так бы и слетел с последней веревки...

Так бы и дошел до озера.

Если бы не узел...

Узел?

Его спас узел, который он вчера завязал для блезиру, для формы, просто так.

Но почему веревки не дошли до дна?

Коста медленно покачивался в нескольких метрах над свинцовым овалом озера. Грудная обвязка больно сдавила ребра.

Спокойно!

Он постарался устроиться поудобнее. Надо было собраться с мыслями и что-то предпринять.

Узел! Сам залетел, сам и выпутывайся...

Коста прислушался. Сверху приглушенно доносились голоса: высокий – Любы, низкий грудной – Изольды. Чирикают, птенчики, и не заметили, что он слетел...

– Эва-а! – прозвенело сверху. – Что у тебя-а?

Нет, заметили. Еще бы! Веревки, должно, дернулись, будь здоров!

Коста поднатужился – мешали обвязки – крикнул:

– Нормально! Завис на самостраховке, выпутываюсь.

* * *

Собственно, все дальнейшее труда не представляло. Достать из-за спины запасной репшнур, привязать к веревке выше самохвата, вставить нижнюю часть шнура в рогатку и, намотав на ее рожки, заблокировать от непроизвольного проскальзывания. Затем сделать стремя, приподняться на нем, выстегнуть зажим самостраховки...

Зажим отстегнуть удалось не сразу: здорово сел на узел! Со всего размаху, считай.

Узел... Его не оказалось на рабели. Не завязал, не подумал, понадеялся на свой опыт...

А то не упустил бы рабель из рогатки – узел засел бы в ладони, а?

Коста осторожно перенес вес тела на подвязанный репшнур, тихонько заскользил на рогатке к озеру.

Ого! Метров пять не дошел. Вот бы булькнуло!

Он весело усмехнулся. Все тело наполняла нервная радостная дрожь. До озоба.

Все вокруг воспринималось исключительно ясно, сочно, отчетливо! Будто пелена с глаз...

Вот же черт! Сколько ж он пролетел? Конца рабели так и не видно. Метров восемь, не меньше...

Коста завис над самым озером. До края-берега рукой подать, а, поди, дотянись! Грудь распирало озорное.

Э-эх! Он лихо перевернулся вниз головой, зацепился кончиками пальцев за ребристый, будто шоколадный, край озера, качнулся.

Е-ще!

Набирая амплитуду, качнулся сильнее. Теперь пора!

Выпрямился на веревке, нацелился и выпрыгнул на шоколадный берег, со свистом проплавив репшнур сквозь рогатку.

Все!

* * *

Кровь сильно, толчками, мчалась по жилам.

Коста огляделся. Каменная бутылка!

И он.

Жив!

Как же так получилось?

Он явственно слышал плюханье сброшенных веревок. Почудилось?

Значит – вот ведь! – каждый раз вместо веревки долетал до озера один единственный камень... Или, может, так обманчиво хлестали концы по влажным гладким стенам? Да-а...

Он ошибся, но в чем?

Ну, ясно. Не учел расход веревки от точек закрепления до отвеса, узлы опять же. Да и семьдесят ли метров было в конце? Мерил он ее? Нет. Сказали – семьдесят: взял и пошел. Умник. Опыт у него...

Коста отошел к стене, присел на корточки, уперся лучом в муть озера.
Вот сюда бы... Ну, дела...

Не доходило.
Если бы не узел!
"Костья!" – вспомнилось.
Ах, Ангелочка-Ангела, выходит, тебе обязан. Лежал бы сейчас...

Люба там, наверху... Кричат что-то... А-а, Эрик подошел.
Люба и не знает. Узел... Вот тебе и узел!
Ладно.
Коста пружинисто встал. Руки, ноги, грудь, упругие мышцы. Хорошо-то как!
Полоснул лучом вверх по от светно гаснущим в тумане сумрачным стенам. Захватил побольше воздуха – запеть бы!
Не запел – заблажил могучей глоткой – гулом по колодцу:
– Э-ге-гей! Э-ва-а-а! Слушай меня-а! Будем менять навеску.

1980 год

ЕЩЕ ОДНА ДОРОГА ДОМОЙ

Когда стучит за окном дождь, тарабанит по веранде, и туманятся непогодой сизые горы, на память приходят дороги. Давние и близкие, веселые и трагические,очные и раскаленные полуденным солнцем – они выступают вдруг в мельчайших подробностях.

И будто окунешься в мир запахов и оттенков, отзвуков и полутонов.

В них, как далекая музыка в шорохах вечернего эфира, волнами проступают видения прошлого.

Было все? Нет ли?

В стуке колес и гуле двигателей, в суматохе погрузок и выгрузок, в хриплом дыхании перевалов, в дымной тесноте ночевок – катится вперед время.

Все стремительнее его бег! Будто только еще думалось и мечталось, и ложились на бумагу четкие цифры раскладок, и вот она – Дорога!

Вот! Ты на пороге. Ты жадно вглядываешься в Судьбу.

Ты на пороге, на пороге, на пороге...

И хочется под ногами Дорога. Что это? Где промелькнул этот нежданный поворот?

Ах, как странно все кончилось! Все исчезло, кануло. Все ли?

Нет, не все.

Просто ты снова вернулся домой.

А Дорога осталась.

Там... в прошлом.

В памяти.

В запахах и улыбках.

Помнишь?

* * *

Первым к Солнцу ушел Техник. Он долго клацал металлом, ввинчиваясь вдоль веревки в туманную вертикаль последнего колодца.

Где-то наверху сиял день, и на дне Пропасти было голубовато светло.

Фотограф не утерпел, выскочил прямо на снежный конус, вскинул объектив:

– Во, кадр!

– Камень поймаешь, – предостерегающе сказал Съемщик.

Фотограф "не услышал", но тут из Южного портала появился Командор, и Фотограф, ворча, отступил в нишу.

Вслед за Командором из портала вылез Новичок. Вдвоем они снимали веревки с Нижнего яруса. И теперь за долговязой фигурой Новичка тянулась спутанная многометровая кудель.

– Не сматывается? – сочувственно покивал Съемщик, приподняв кудель двумя пальцами до уровня носа.

– Факт! – обрадовался Новичок.

– А как мы этот факт поднимать будем? А?

Командор покосился на них, лязгнул о камень цепочкой карабинов:

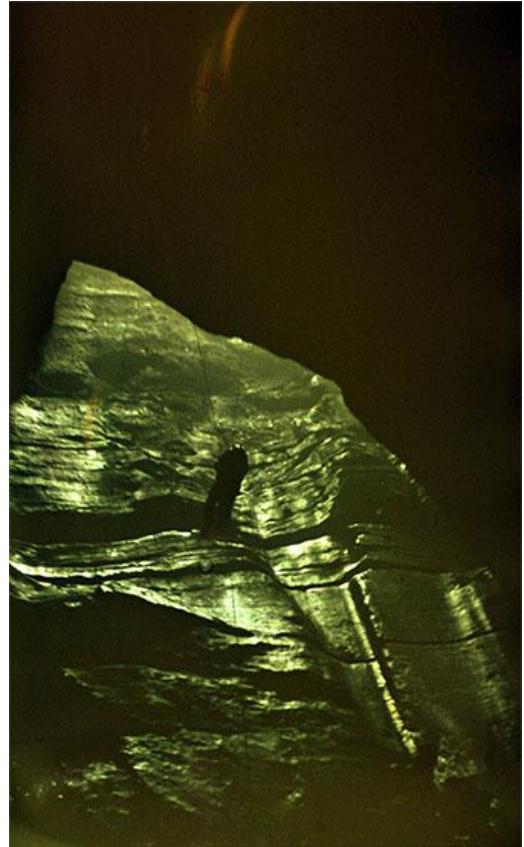
– Кто-нибудь уже поднялся?

– Техник идет, – сказал Съемщик.

– ...О-о-одна! – ватно дошло сверху.

– Свободна веревка, – перевел Фотограф. – Дуй, Съемщик, я тебя запечатлею.

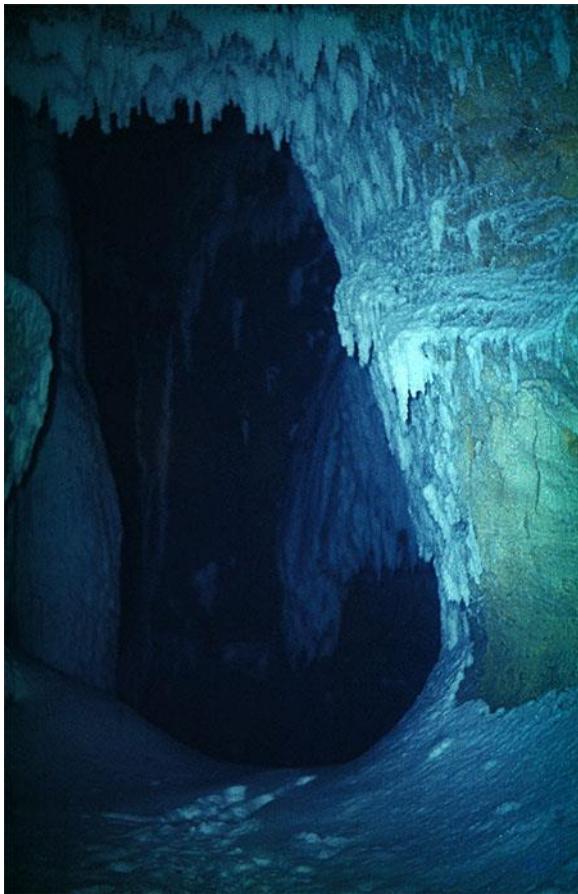
– Шустренько это Техник, – Съемщик неуклюже полез на снежный конус, забречтал железом. – Сейчас и мы попробуем.

Новичок с отвращением ел глазами облепленную глиной веревку. Здесь, на снегу, она казалась еще более мерзкой.

Новичок с надеждой взглянул на Командора. Тот отрешенно, как-то заворожено смотрел вверх на исполинские влажные стены. Новичок вздохнул, взялся было за осклизлый конец веревки, но тут из Южного портала показались еще две фигуры. Звон щебня под их ногами вывел Командора из задумчивости.

— Выпłyва-ают расписные! — заскрипел с бугра Съемщик. — Дывись, Фотограф, кадр: Завхоз в обнимку с имуществом!

Завхоз пересек снежный конус, уложил на камни лохматый тюк, зл олюхнулся сверху.

— Мешок разлезся, — сказал он. — Мы шмутье в палатку завернули. Пойдет... С пивом.

Фотограф галантно подал руку шедшей последней Девушке, отобрал у нее транспортник:

— Медведь ты пещерный... Заставляешь даму носить тяжесть!

— Одно слово — Завхоз! — гулко хохотнул с конуса Съемщик. — Ну, счастливо оставаться. Я пошел.

Завхоз хотел было возмутиться, но только махнул рукой:

— Давай, счастливо!

— Там мешок остался, — сказала Девушка. — С примусом и котлами.

Новичок встрепенулся:

— Я схожу?

— Ты наверх готовься, — сказал Командор. — Вот веревочку смаркируйте с Завхозом, и давай. А я пока принесу.

Проходя мимо Фотографа, кивнул:

— Проверь.

— Обязательно.

Новичок снова понуро взялся за веревку.

— Что ты к ней привязался? — скучно сказал Завхоз, когда Командор скрылся в сумраке портала.
— Она тебе что, жить не дает?

— Так смаркировать надо...

— Не бери в голову. Давай сюда — так прицепим.

Новичок с готовностью сгреб кудель. Вдвоем они смотали ее в ком, привязали к тюку:

— Наверху разберемся.

— Что-нибудь брать надо? — Новичок посмотрел вверх, в туманное жерло Пропасти, оглянулся на Девушку.

— Ты так вылези, — сказал Фотограф. — Хоро-оший колодец!

— Чего "так", — Завхоз поднял цепь, оставленную Командором. — Вон карабины есть — цепляй.

Новичок снова оглянулся на Девушку. Та что-то привязывала, сидя на мешке. Повертел увесистую карабинов в двадцать — цепь.

— Пойдет. Куда ее?

— А ты по французской системе, — невозмутимо посоветовал Завхоз. — На хвост цепляй.

— Куда?..

Завхоз деловито обошел Новичка и ловко прищелкнул карабины к его беседке сзади, чуть пониже спины.

Фотограф фыркнул, будто закашлялся.

— Годится!

Ожидая своей очереди, Новичок бродил по нише. "Хвост" закинул за плечо, и все равно цепь волочилась по земле.

Съемщик начал подъем хорошо, но на самом верху колодца что-то застрял. Оттуда, из золотого венчика скал, щелкали камни, с шипением взрывая снег.

* * *

Командор, прихрамывая, вышел из Южного портала, сбросил с плеча транспортный мешок:

– А вот и я. Как у вас?

– Смотри...

Командор поднял глаза и остолбенел: над ними, на фоне далекого выхода, позвякивая длинноящим извивающимся хвостом, корячилась нелепо черная, будто наклеенная на голубизну неба, фигура.

– Французская система! – Фотограф, сотрясаясь, пытался совладать с объективом. – Кадр века!

* * *

Горы встретили их ласково. Удивленно шумели янтарные сосны, глядя с окружающих Пропасть отвесов на бурые от глины каски. И пронзительный воздух вливался в разбухшие от подземной сырости легкие. А вот трава пожухла, заржавела и прилегла, уступая солнце красочной мозаике лишайников – выплеснутая на белые камни палитра.

– Здравствуй, солнышко! Здравствуй!

Девушка стояла на краю пропасти еще вся во власти подъема. Она стояла и вдыхала солнечные запахи, а вокруг нее уже сутились ее закованные в потрепанную броню рыцари – отцепляли, отвязывали, щелкая карабинами, снаряжение. Лица в двухнедельной щетине хмуры, а глаза уже оттаявшие, улыбчивые.

Вышли!

– Ой, мальчики! – Девушка, пошатываясь, отошла в глубь площадки, медленно опустилась в золотистое шуршание прошлогодней хвои.

– Эва-а! Внизу! Свободно.

Как нереальны голоса, теплые запахи, небо!

Она пробыла в Пропасти всего три дня. А каково сейчас им, вернувшимся на Землю после двухнедельного отсутствия?

Девушка перевернулась на спину, стащила с головы каску, платок. Волосы освобожденно хлынули на хвою, будто стосковались. Посмотрела на парней. Они столпились у края, держась за растяжки, смотрели вниз. Веревки, будто выбеленная солнцем паутина, дрожа, уходили в Пропасть. Техник оглянулся, весело подмигнул, но тут кто-то сказал: Вот он! – и все пришли в движение. Засуетились, потащили веревку.

Покачиваясь, к краю колодца плыл Командор. Он висел над стометровой каменной трубой, улыбался устало, радостно. Командор всегда выходил последним.

Все ближе чумазые лица...

Край. Белые, истертые временем плиты.

Солнце!

Его подхватили, оттащили подальше от края – вместе с тяжестью набухших влагой веревок.

– С приездом!

Где-то глубоко внизу гулко ухнула запоздалый ледопад.

Пропасть прощалась с экспедицией.

* * *

– Однако, можно закурить!

Не снимая комбинезонов, собрались в кружок у старой березы.

– Доставай, Техник.

Техник похлопал по карманам, развел руками.

– Страдальцы! – засмеялась Девушка. – Неужели все выкурили?

Фотограф артистично щелкнул красной войсковой аптечкой:

– Обижашь!

– Мать честная, "Прима"!

— Приберег же!

Курили смачно, бережно, до жгущего пальцы огонька. Соскучились на махорке.

Потом собирали веревки. Глинняные, мокрые, они, будто удивленно, выползали из колодца на свет, нехотя свивались в кольца и восьмерки. Съемщик с Завхозом полезли снимать растяжки с солнечного венца скал над Пропастью, и пока они распутывали узлы, Фотограф не отрывался от фотоаппарата.

Краски! Зелень сосен, небо — от лазури у скал к бездонному кобальту в зените, и — среди березок — эти уверенные фигуры в подсыхающих комбинезонах. После черно-желтой гаммы Пропасти, после тьмы, обилие красок настораживало — не может быть! Как жалко, что кончается день!

Солнце лизнуло русые волосы на плечах Девушки. Фотограф ахнул, заторопился. Она смеялась белозубо, шутливо отворачивалась, пока Фотограф не рассердился: кадр пропадает! Но все же щелкнул и тут же полез повыше на склон, чтобы охватить всю Пропасть — огромный сумрачный провал на дне крутоскальной воронки.

* * *

— Прощаемся...

Они стояли на самом краю, обнимая глазами уходящие вниз стены.

Прощались.

И каждый думал о своем.

Техник вытащил из кармана старый чуть поржавевший крюк:

— Тихо!

Послушный его броску, крюк бесшумно канул, ушел в Пропасть.

И вдруг удивительно чистая нота возникла в ее глубине.

Тонкая, щемящая.

Отскочив от стены, крюк пел прощальную песню.

* * *

Когда шли по тропе среди берез, унося снаряжение, Командор поймал в себе тревожное чувство. Оно смешивалось с облегчением, наполняя душу неосознанной еще грустью.

А потом понял, будто прозрел — ведь они возвращаются!

Да... Дорога близится к концу. Где-то там, в беззвездных ночных пещерах, она незаметно повернула назад.

Завхоз еще ломал голову над остатками продуктов, Техник латал снаряжение, и Съемщик, ворча, перелистывал испачканные странички пикетажных журналов, а Дорога уже шла к концу!

Потом, когда на последние три дня с Земли в подземный лагерь спустились Девушка и Новичок, ему на какое-то время вдруг показалось, что все еще только начинается: в лагере стало шумно и весело.

А между тем экспедиция заканчивалась.

Да-а...

И вот, собственно, кончилась.

Теперь их ожидало возвращение домой.

* * *

Перед возвращением им оставалась ночь в Избушке.

Избушка стояла в километре от Пропасти, и сосны заботливо прикрывали от дождей ее потемневшие стены.

И когда на горы упала ночь, они подняли над дощатым столом оббитые кружки:

— За Удачу! — сказал Съемщик.

— За людей, открывших для меня Пропасть, — тихо сказала Девушка.

— И за Пропасть, которая открыла для меня людей, — добавил Фотограф.

— За наше пещерное братство! — сказал Новичок.

— За тех, кто с нами, но кого нет среди нас, — сказал Завхоз.

— За новую экспедицию! — сказал Техник.

— Да. За то, что мы еще вернемся, — сказал Командор.

* * *

Утром собрались неожиданно быстро. Будто только еще Техник считал карабины, и возился с примусами Завхоз, а Новичок осторвлено терзал не желавшую распутыватьсь веревку — и вот: уже сложены рюкзаки.

Их вынесли из сеней, поставили у порога, и Избушка как-то разом опустела.

И простили по углам обрывки упаковок, старые батарейки, пара заскорузлых рукавиц на печке да дровяной мусор у дверей.

Батарейки поставили на окно рядом с пачкой соли, мусор вымели, остатки дров сложили в сенцах.

И заторопились. Солнце едва выкарабкивалось из-за хребтов, а они уже шагали вниз мимо знакомых до удивления скал, выстроившихся вдоль тропы.

— Дня через три будем в городе, — сказал Командор. — Сегодня переноочуем на Реке. Отдохнем. Места там!

— На Озеро сходим? — Девушка радостно блеснула зелеными глазами, замедлила шаг.

— Конечно.

— А правда, в Озере появляется подземная река, что мы видели в Пропасти? — Новичок подобрался ближе, тянул шею из-под рюкзака.

— Там река-а! — сказал Техник, не оборачиваясь, — Мы ныряли два года назад. Красота! Помнишь, Командор?

— Река-а!..

— Прошли?

— Пройдешь ее... Метро на глубине сорок метров.

— Ничего себе!

— Рыбки половим, — мечтательно отозвался спереди Завхоз. — Страсть по рыбалке соскучился!

Тропа легко скользила под ногами, и на душе было звонко, даже весело.

Все сложное и опасное осталось позади: глинистые колодцы, камнепады и грохот подтаивающего в Основной шахте льда, скользкие щели и узкие лазы. Все было, все прошли. Сделали процентов пятьдесят того, что намечали, и это нормально. Всегда поначалу планируешь больше, чем можешь. Потом пещера вносит коррективы.

А теперь впереди целых три дня дороги.

До Реки, по Реке и где-то там, в конце этой дороги, — Город, откуда уходят в разные концы их поезда.

* * *

...К Реке вышли к полудню. Даже раньше, чем думали.

Хорошо сегодня шлось, на удивление. Пока пробирались Ущельем, Фотограф все крякал и вертел объективом. Солнечные лучи лизали бока каменных великанов, краски отдавали ранней осеню.

Командор хотел сразу же заглянуть на Озеро. Вот она — тропинка к нему — вправо по осыпи вдоль исполинской золоченой солнцем стены. Всего-то метров сто пятьдесят.

Но Техник отговорил. Бросим рюкзаки — сходим налегке, заодно дровишек соберем. На том и сошлись.

А через полчаса, сгибаясь, уже протискивались в узкую дверь приречной Избушки. Она одна и сохранилась от давно опустевшей пасеки.

Скинув рюкзаки на нарты, вывалили на откос. Река бежала синяя, как небо, искрилась на близких перекатах, плескалась в скалистые прижимы внизу по течению.

Командор улыбался. Как невесомо было на душе!

Сегодня утром, укладывая рюкзак, он совсем случайно обнаружил в его клапане сверток. Там оказалось повидло! Вкуснейшее черничное повидло в пластиковых упаковках – целых две коробочки. Командор совсем забыл о нем. И не вспомнил даже к традиционному "банкету" по случаю успешного выхода из Пропасти.

Зато сегодня! Командор представил, как обомлеют мужики: "Ну, даешь! Зажал!" И как вспыхнет восторгом лицо Девушки. Она больше всех стосковалась по сладкому, а последний сахар они усидели вчера на банкете – пить, так пить!

Командор оглянулся. Парни разошлись кто куда.

И Техник исчез. Последний раз они с Техником были тут два года назад. Тогда их лагерь стоял прямо в лесу. Вон там – за поворотом тропы.

Пойти посмотреть?

Когда вернулся – понял: что-то случилось.

Все были в сборе, деловито вытаскивали из домика рюкзаки.

– Везуха, Командор! – Новичок размахивал нескладными руками.

Командор ускорил шаг, почти взбежал вверх по тропинке:

– Вы чего? Что случилось?

– Мы с Завхозом зафрахтовали трелевщик! – Фотограф радостно улыбался. – Представляешь?

– ...?

– Там ребята из бригады лесосплавщиков, – сказал Техник. – Берутся подбросить вниз по реке до Хутора. Семь верст. Оттуда будет машина. Надо ехать.

Командор почувствовал, как тяжелеет в груди:

– А как же... – не договорил, махнул рукой: Поехали!

* * *

До трактора было с километр, и пока бежали вдоль Реки, Командор все пытался перебороть себя. Но на душе было горько, будто не сбылось обещание чего-то прекрасного.

Он настроился на эту ночь у Реки, она была нужна ему. Чем, он и сам не мог бы сказать, но было горько.

Славщики, бородатые мужики, споро обвязали тросом бревно, подтянули лебедкой, закрепили поперек наклонной платформы трелевщика. Сверху увязали рюкзаки.

– Садись, ребята!

– Ты чего, Командор? – Девушка заглянула в лицо, будто кольнула.

Она похорошела, сбросив черную глину комбинезона. Красивая девчонка, он не замечал этого раньше.

Так...

* * *

Трелевщик кромсал лесную дорогу. Один из фрикционов барахлил, и, разворачиваясь, машина сначала хрустко вламывалась в кустистую массу обочин, затем по дуге сдавала назад, дробя кормой растительность, и снова устремлялась вперед.

Дорога дыбилась в небо, но неба не было. Вместо него, над головами со свистом проносились оттянутые кабиной ветки, проплывали сплетенные кроны, раскачивались замшелые стволы. Заросли цеплялись за сталь машины и со скрежетом и стоном уступали, не в силах сдержать грохочущую мощь.

Яростная тряска пути разогнала тоску. Было что-то первобытное в натужном реве двигателя, лязге металла, треске раскрошенного гусеницами дерева.

А потом "сгорел" Новичок. Он стоял у кабины, лицом к дороге, в своем стареньком ватнике. Когда понесло жженой тряпкой, никто сначала не понял – откуда. А когда разобрались, от телогрейки Новичка уже оставалась одна дымящаяся прореха – угораздило же прижаться к выхлопной трубе!

Лес кончился неожиданно. Трелевщик, отчихиваясь соляровым дымком, легко выкатился к Реке и остановился перед Хутором. Горохом попрыгали на землю, с наслаждением расправмляя утомленные дорогой тела.

Здоровались – здесь были люди: ждали машину сплавщики и пастухи с близлежащих ферм.

Разминали затекшие ноги. Похояхтывали над злополучной телогрейкой.
Горы уже отступили, но все еще горбились по-сентябрьски радужными увалами.
Сплавщики угостили "Севером", и Фотограф бережно упрятал обратно в аптечку последнюю –
куда пошло все: от остатков махорки из карманных швов до сухарной крошки – самокрутку.
Мало ли...

* * *

От Хутора до Села оставалось верст семьдесят. На машине – сущий пустяк.
Но, наверно, они могли и не доехать. Потому что шофер, во всю прыть погонявший их лязгающую
на ухабах бортовушку, на одном из перевалов встретил знакомого. Встречный "УАЗик" встал с
грузовичком борт о борт, водители обосновались на залитом закатным солнцем бугорке, и пока друзья-
приятели не прикончили за встречу потертую под сиденьем поллитровку, транспорт дальше не пошел.

Командор привык к таким дорогам. Поездили они с Техником по этим местам.

Новичок выразился кратко:

– Чтоб я сдох!

А Девушка округлившимися глазами молча вопрошала по очереди всех подряд:

"Что же это делается?!"

– Закон дороги, понимаешь, – за всех отозвался Съемщик.

Но тут предмет общения иссяк, и они ринулись дальше.

Вопреки ожиданиям, грузовичок шел на удивление справно. А когда появился лось – выскочил из
чаши, замер на мгновение и с треском канул обратно в заросли – отвлеклись и вовсе успокоились.

– Мне б такие ноги! – рванувшись за фотоаппаратом, мечтательно сказал Фотограф.

– И рога! – буркнул Съемщик.

День догорал, выполаживаясь, как дорога.

* * *

– В Город, ребята? – щетинистый мужичок, как и все, в телогрейке и кирзе, пытливо щурился –
глаза, как прицелы.

– В Город сегодня вряд ли, – сказал Завхоз.

– Почему? – мужичок улыбнулся.

И Командор поразился, как мгновенно преобразилось его лицо. Улыбка была добрая, не по
обличью.

– Поздно.

– Успеете. Мы вас до трассы подбросим. К автобусу должны успеть.

Новичок присвистнул, но плечистый парняга-сплавщик кивнул:

– Бригадир скажет – успеете.

– Фантастика! – шепнула Девушка.

Все остальное осталось в памяти обрывками ночи, белого света фар, убегающими за бортом
кузова редкими огнями.

И ощущением гонки: успеют – не успеют?
Успели. На минуту позже – и ночевать бы на дороге.
Но когда грузовичок распорол светом фар перекрестье шоссе, справа, нереальный, как призрак
Удачи, выплыл автобус.

Остановился.

– Бегом, ребята!

– Спасибо! Огромное!

– Чего там. Счастливо!

Торопливые жесты, тени с рюкзаками, заспанные пассажиры автобуса.

И еще – фотоаппарат. Чуть не забытый, он одиноко лежал в опустевшем кузове и запечатлелся в памяти вместе с обрывками той ночи – как возможность Потери, как счастливая находка, как облегченный вздох.

* * *

Оставшийся до города час спали в автобусе. Завалились прямо на рюкзаки, измученные тряской и впечатлениями. Благо, автобус был полупустой.

Неимоверно длинный день изорванным калейдоскопом уходил в прошлое.

Командор боролся со сном. Как никогда раньше, ему не хотелось, чтобы кончалась эта Дорога. Подумать только – еще сегодня они были у Пропасти!

С щемящей нежностью смотрел на расправленные сном лица. Вот они, его ребята. Они уже дома во снах.

Уткнулся в рюкзак Съемщик. Трудяга с адским терпением. Как они разозлились, когда Съемщик заставил переснимать Готическую галерею! Нашел в пикетажке пропущенный, не записанный по случайности азимут. И был прав, чего было злиться? Топосъемка – наука точная и не терпит халтуры. Пришлось снова лезть в глину, отсчитывать пикеты, замерять азимуты. Закончили, и всем стало хорошо. Прекрасно ощущение на совесть сделанной работы!

Завхоз. Притулился на сиденье. В состав экспедиции вошел, чуть ли не перед самым отъездом. Все раскладки и закупки делались без него. Проверил, раскритиковал. Есть такой принцип: можешь лучше – сделай. Завхоз не дрогнул. Оставшиеся дни сам носился по магазинам, откопал где-то килограммов десять копченой колбасы. А тушенку, с руганью, все же оставили. Дороже? А воду в банках таскать?

Сопит Фотограф. В обнимку – драгоценный фотоаппарат. Пижон и поэт. Умница. Любит потрепаться, но это пустяк. Нынче в пещере пошел поснимать и пропал. Сначала пошучивали, потом

забеспокоились. Наконец, отправились на поиски. Район, куда он ушел, был несложный, но кто его знает?

Нашли Фотографа логическим путем. Вычислили. Припомнили все красивые места в районе и принялись их прочесывать. В конце концов разъяренный Техник нашел на полу галереи перед неприметным боковым "шкуродером" сумку Фотографа и, продравшись сквозь узкий лаз, обнаружил объект.

Забыв о времени, Фотограф трудился. Заткнув спиной выход из небольшого грота, он ловил в объектив осатаневшую от бесплодных попыток удрать летучую мышь. У Фотографа оставалось мало пленки, и поэтому он хотел действовать наверняка.

Мышь в полете – кадр! Но летучка сниматься не желала. Категорически.

Выползший сзади Техник сладострастно пнул заиндевевшего Фотографа.

От неожиданности тот вскочил, попытался таранить каской потолок и с проклятиями повалился на Техника. Правда, даже тут он успел нажать на затвор.

На следующий день у Фотографа пропал голос. Простыл-таки. Техник утверждал, что маэстро уграбил связки, уламывая натурщицу. Фотограф шепотом отругивался.

Глаза слипались. Стекла автобуса – черные зеркала.

Взгляд невольно задержался на Девушке. Девушку привел Фотограф. Съемщик, ярый поборник суровых коллективов, было взбунтовался, но Командор считал, что хотя бы одна женщина в экспедиции быть должна. Для облагораживания чувств и поступков. Техник его поддержал, а Завхоз к тому времени еще не приехал. В общем, включили.

– Чудак ты, Съемщик, – говорил Фотограф в передышках между сборами. – Представь, просыпаешься утром, а рядом щебечет ласковый голосок. Симфония!

– Да, – ворчал Съемщик. – На третье утро рука непроизвольно нащупывает ледоруб...

– Не понимает, – констатировал Фотограф. – Скажи, несчастный, ты хочешь прилично питаться?

– Кто еще кого будет кормить! Знаю я их. Фигли-мигли и косметичка на три кило.

– Командор! – Фотограф перевоплощался в отчаянья. – И этот тип вскормлен женщиной!

Девушка появилась, подала каждому теплую крепкую ладошку, и через день казалось, что они знали ее всегда.

Даже Съемщик был сражен.

Во-первых, Девушка знала компас.

Во-вторых, была в ладах с примусом.

И в-третьих, волшебно готовила обожаемую Съемщиком селедку под шубой.

Новичок всего этого не умел. И сразу честно признался. Его приход в группу для всех долго оставался загадкой. Просто однажды вечером раздался звонок в дверь, и перед удивленными взорами возникла долговязая фигура.

— Я все знаю, — сказала фигура. — Вы идете в пещеры. Хочу с вами. Куда и кем угодно. Берете?

Только потом выяснилось, что один из приятелей Новичка — старый знакомый Фотографа, однажды сказал:

— Ну, чего ты бездельем маешься? Вон у меня друг — все по пещерам лазит, псих. Сходи к нему. Как раз для тебя дурака занятие.

Так или иначе было сказано, история умалчивает, но Новичок пришел.

Надо отдать ему должное — схватывал он быстро. Сачковал в меру. На удочки попадался исправно. На подначки не обижался. Так что в компании пришелся к месту. А как он изменился за экспедицию!

Техник завозился рядом, кутаясь в штормовку. Прямые волосы выбились из-под шапочки. Исцарапанные ручища примостились на коленях. Карманы оттопырены. Как обычно!

Командор вспомнил, как однажды (дело было на маршруте) они долго думали, что попросить у Техника такое, чего бы не оказалось в его бездонных карманах. Решили спросить тиски.

Командор невольно усмехнулся. В ответ на подначку Техник невозмутимо выложил из кармана тиски и спросил, не нужны ли пассатижи. Тисочки были маленькие, детские, но это были тиски!

Все металлическое снаряжение изготавливалось либо самим Техником, либо при его участии и руководстве. Стоило прозвучать вскользь брошенной идее, Техник пропадал дня на два — на три.

Появлялся с заговорщицкой миной, но долго не выдерживал, выкладывал на стол очередную конструкцию:

— Вот. Сделал! — его пальцы гнули металл, как пластилин.

Командор любил ходить в паре с Техником. Командор всегда шел первым. В колодец ли, на стенку, в скользкий полукамин... И вообще хорошо шел, но в два раза увереннее, если на страховке монолитно высился Техник. С ним было надежно.

* * *

От автобуса до ночного поезда оставалось часа полтора. Пока таскали рюкзаки на вокзал, удалось разогнать сон. Но измученные дорогой мышцы гудели, и все чувствовали себя разбитыми — такой денек!

На вокзале оказалось неожиданно по ночному времени людно.

— Давайте груз на перрон, — сказал Командор. — А я пока за билетами.

* * *

— Держи, — Командор протянул билеты Технику. — Проверь. Шесть штук. Кажется, четвертый вагон. Прямые до Москвы.

Техник машинально взял картонные квадратики с квитанциями доплаты:

— Все верно... шесть. Стоп! Почему шесть?

— Так я же не еду, — сказал Командор. — Родня у меня здесь. Голову отрежут, если не появлюсь. Я говорил, помните?

Молчали обескуражено. Фотограф крякнул.

— Ой, как жалко! — тоненько сказала Девушка.

— Я себе на послезавтра взял, — будто извиняясь, сказал Командор. — Скоро увидимся.

— Увидимся, — сказал Завхоз. — Не пройдет и полгода.

— Черт! — сказал Командор. — Я забыл, что ты у нас дальний теперь. Все хотел расспросить, как ты там устроился, на новом месте?

— Чего там, — сказал Завхоз. — День какой-то сумасшедший.

— Вот блин, — сказал Съемщик. — И покурить нечего на прощанье. Все киоски закрыты. Жизнь!

— Как так нечего? — сказал Фотограф.

Достал аптечку, бережно извлек припрятанную самокрутку:

— По кругу, мужики.

Закурили.

— Ты пиши, стариk, — сказал Командор. — Не забыл адрес-то?

Завхоз кивнул.

— Ребята, неужели поезд? — сказала девушка.

Тяжелым гулом, моргая красными зрачками заслоняемых семафоров, наплывал состав. Лязгнув, остановился. На перроне засуетились.

Подхватив рюкзаки, побежали к своему вагону.

– Ну, давай!
– Грузись, народ. Потом!
– Рюкзак подкинь! От дьявола толстый...
– Лапу держи!
Они сбились в тамбура, выглядывая друг из-за друга, становились на цыпочки, махали руками.

Вагон дернулся, покатился плавно, будто сомневаясь.
Командор, непривычно маленький, шагал следом. Он что-то крикнул, неразличимое в железном гуле, потом вдруг повернулся назад, к своему рюкзаку. Исчез в темноте.
Поезд катился все быстрее, но тут в освещенный круг ворвалась вдогон знакомая фигурка.
Какой-то сверток в руке:
– Держи!
– Взял!
Перрон оборвался, канул в ночь.

* * *

Купе подслеповато желтело ночной лампочкой.
Пока Фотограф разворачивал сверток, окружили столик, навалились плечами.
Что-то выпало из газеты, увесисто стукнуло по пластмассе.
– Ой! – сказала девушка. – О-ой!
Это было повидло. Черничное повидло в пластиковой упаковке – целых две коробочки.
– Ну, дает! – сказал кто-то. – Зажал!
– Командо-ор...

Поезд уходил в ночь.

август 1982 – июнь 1994 года

(фото летучей мыши в полете Шынгыса Габбасовича Дюйсекина (Старик), Сумган, зима 1982 год)

ЛЕГЕНДА О ГРЕЗЕ

ПРОЛОГ

– Вы слышали что-нибудь о Двуликой?

Сидевшие у костра переглянулись.

Красные отсветы огня дрожали на закопченных сводах большого грота в основании известковой скалы, в глубине которого в зыбких багровых тенях угадывались расстеленные для ночевки спальные мешки.

За освещенным кругом тяжелой стеной стоял ночной дождь.

– Во льет! – парень в потертой штормовке потянулся за котелком.

– Весь день собирались, – на улыбчивом лице девушки, что сидела рядом с ним, играло заинтересованно-серъезное выражение, светлые волосы выбились из-под шапочки. – А что там за Двуликая, Стас?

Парень хмыкнул.

– Слышал от спелеологов, не помню уже когда... Серега, у тебя курить есть?

Сергей бросил в огонь пустую пачку.

– Понял, – сказал Стас.

– Перебьетесь без курева, – усмехнулась девушка. – Дымите бесперечь.

– Погоди, – сказал Серега. – В рюкзаке посмотрю.

Он поднялся и принялся на ощупь шарить в глубине грота.

– Страда-альцы! – нараспев протянула девушка и вдруг насторожилась. – Слышите?

– Ты чего, Ир?

– Кажется, идет кто-то.

– Кого в такую темь...

За шумом падающего на лес дождя теперь явственно слышались приближающиеся шаги.

Ждать пришлось недолго. Из темноты в освещенный круг вступили двое. По пластиковым накидкам, укрывавшим их вместе с рюкзаками, стекали струйки воды.

– Добрый вечер!

– Добрее некуда, – усмехнулся Стас. – К нашему огоньку! Серега, у нас гости.

– Ва-ах! – Серега выбрался из сумрака грота. – Откуда будете, люди добрые?

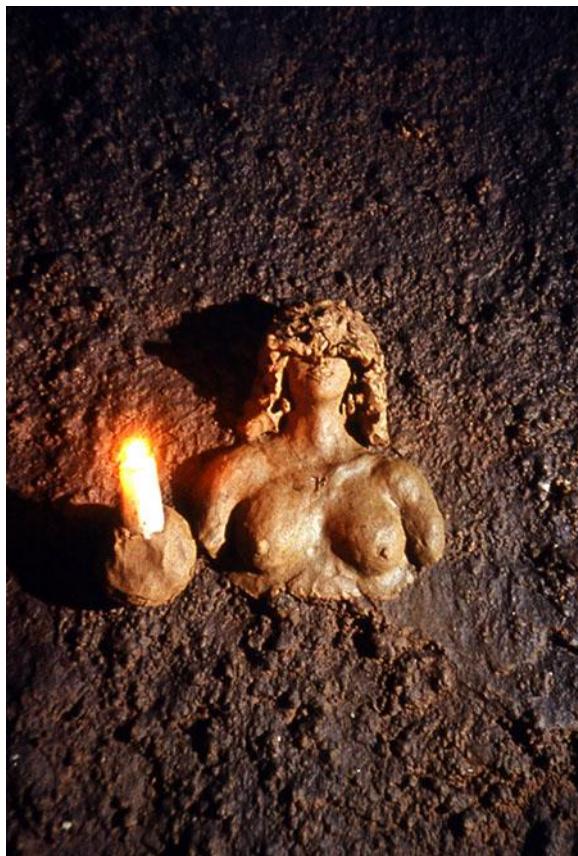
Один из пришедших, высокий и бородатый, скинул на землю здоровенный рюкзак, помог освободиться от груза своему более изящному спутнику. Присел к костру, зябко протянул к огню мокрые руки.

– Благодать! К Провалу идем. Тут экспедиция москвичей должна работать. Может, знаете?

– Провал-то? Его тут все знают, – сказал Сергей, рассматривая гостей. – И ребята ваши там. Вчера у них были. Вы спелеологи, что ли?

Бородатый покосился на прицепленную поверх своего рюкзака исцарапанную каску с полу-стершейся красной летучей мышью.

– Да вроде того. Думали, сегодня там будем, а тут дождь.

Его спутник тоже приблизился к костру. Он откинул с лица блестящий от воды пластиковый капюшон, и по плечам скользнула тугая струя черных волос. Темные в ночи глаза, точеный профиль.

Парни у костра красноречиво переглянулись.

Девушка опустилась на бревно рядом с бородатым, и ее глаза наполнились мерцающими красными искорками.

– Нашего полку прибыло! – Ира пододвинула к огню котелок. – Вот, чайку попейте. Горячий!

– Спасибо! – сказал Бородатый и потянулся за кружкой. – Чай – это хорошо. Ну что, будем знакомиться? Похоже, ночевать нам вместе придется.

– Места всем хватит, – отзвался Сергей. – Тут у нас проблема одна... Куревом не угостите?

Бородатый спелеолог развязал кисет, достал железную коробочку.

– "Прима".

– В самый раз, – Стас выудил из огня пунцовую веточку. – О-о, "Дукат". Спасибо.

* * *

– Ты о какой-то легенде говорил, Стас, – Ира ближе подвинулась к угасавшему костру. – Расскажешь?

– Вон, у спелеков спроси, – Стас покосился в глубину грота. – Они должны лучше знать...

Бородатый спелеолог привалился спиной к рюкзакам. Голова его спутницы лежала у него на коленях, пряди черных в красноватом сумраке грота волос рассыпались по отвороту желтого спальника.

– Отдыхают они, – Ира неотрывно смотрела на Стаса. – Ума-ялись. Так что не томи, рассказывай.

– Спать потом не будешь...

– Ну, Стас, ну, пожалуйста! – Ирка даже зажмурилась. – Ужасно люблю страшные истории!

– Если женщина про-осит... – пропел Серега. – Давай, правда, расскажи. Ты мастер на это дело.

– Ладно уж. Вы и мертвого уговорите. Такое, значит, в народе сказывают...

* * *

Бородатый спелеолог сквозь усталую полудрему слушал приглушенные голоса у костра. Они сплетались с шелестом все не стихающего над лесом дождя.

– Люди зовут ее Двуликой, – донеслись до него слова. – Никто не знает, какой явится к нему Двуликая, если вечная ночь пещеры поглотит свет его фонаря, – безобразной старухой с горящими глазами или прекрасной девушкой. Горе тому, кто увидит зловещий оскал Старухи – грохот обвала или черная пасть колодца навсегда отрежут ему дорогу к солнцу...

Бородатый спелеолог осторожно положил руку на теплое плечо спящей у него на коленях девушки, и странная улыбка дрогнула на его губах...

ГРЕЗА СУМГАНА

Когда становилось особенно плохо, Коста накидывал старенькую болоньевую куртку и выходил на начинающие сереть осенними сумерками улицы. На работе, хоть и не дающей радости, ЭТО отступало. Он копался в боксе лаборатории, слушал шутливую перебранку механиков, старался сосредоточиться на пульсирующих замысловатыми кривыми экранах осциллографов.

Вечером...

Над осенней Москвой подсвеченное ярким заревом улиц сочилось дождями серое небо. Он любил смотреть на цветные блики огней в черном зеркале мокрого асфальта. Но в мелькании лиц – веселых, озабоченных, усталых – ЭТО подступало снова, и он, невольно ускоряя шаги, выходил на остановку трамвая. После той экспедиции, сознавая всю нелепость своего поведения, он мог часами бродить по оживленным московским улицам, жадно взглядываясь в волны незнакомых лиц. Заходил в ярко освещенные подземные переходы, по несколько раз спускался и поднимался по эскалаторам метро. Лица, лица, лица...

Один раз, кажется, это было на Курском, ему показалось, что он увидел ЕЕ.

Сердце, вздрогнув, заколотилось, он бросился вниз по эскалатору, перебежал, проклиная перегородки и толпу, на восходящий, и только высокочив на гомонящий пригородный перрон, вдруг понял, что нет. И ЭТО навалилось снова.

За окном трамвая качались праздничные брызги огней, в мокрых тротуарах сияли витрины...

Потом он перестал шататься по улицам, и когда ЭТО становилось невыносимым, ехал к Вовчику.

– Станция "Октябрьское поле", – проникал в сознание искаженный динамиками голос.

Он выходил на перрон и, проходя мимо последнего вагона, слышал: "Осторожно, двери закрываются, следующая станция "Щукинская", обрезанное коротким металлическим гулом закрывающихся дверей.

Все ускоряя шаги, спешил он по пустынной улице, спешил, как к спасению, ибо только там ЭТО, обнажаясь, как-то стихало.

Свернув через залитую водой калитку во двор, он сильно рвал на себя дверь подъезда. И сейчас, поднимаясь на второй этаж, Коста вспомнил, как в первый раз долго бродил вокруг в поисках входа – дверь и сейчас поддавалась неохотно, а тогда явно не желала его пускать, претворяясь запертой.

Коста звонил коротко: "Динь-бом" мелодично пел звонок, и Коста, уже заранее улыбаясь, вслушивался в шаги за дверью. Щелкал замок, дверь широко распахивалась.

– Ха-а! Костик!

– Здорово, Вовчик!

– Здоро-ово!

Они с размаху жали друг другу руки, и Коста с радостным волнением, которое сохранил с того, первого, раза шел за Вовчиком в комнату, стараясь рассмотреть из-за него – кто из ребят сегодня здесь.

– Проходи!

В коммунальной квартире на Маршала Бирюзова, в маленькой комнатке Вовчика почти каждый вечер было полно народу. Каждый ехал сюда, как домой, ехал к своим, неся "в толпу" все свои радости, огорчения и планы.

Даже когда у Розалии родилась Женяка и Вовчик стал первым папашей в их спелеогруппе, традиции не изменились. Часам к восьми на столе появлялся видавший виды зеленый чайник, выкладывалась из карманов и сумок снедь: колбаса, булки, сыр, помятые пакеты масла. Рассаживались кто на чем. Иногда кто-нибудь доставал из-за пазухи бутылку вина, и тогда из массивного серванта, до отказа забитого сверкающими образцами каменьев со всего света, извлекались старые фужеры с отбитыми ножками.

В девять маленькую Женяку укладывали спать, и вся толпа вываливалась на лестницу покурить.

Здесь, у Вовчика, обсуждались планы будущих экспедиций и штурмов, сюда стаскивались веревки, палатки, "украины" – как в обиходе называли шахтерские аккумуляторы, словом, все то, что на их языке определялось емким словом – "снаряга".

Костя любил смотреть на оживленные лица ребят, на тронутую ранней сединой шевелюру Крестина, на всегда взъерошенного Вейса, на "атласную кожу и черные глаза" Лехи. Любил слушать спокойный голос Вовчика и звонкий смех Татьяны, ловить затаенную грустинку в глазах Ольги, выпутываться из сумбурного потока идей Игорька.

Это были Его ребята. И он был Их.

И потом, шагая по пустынным ночных улицам под шелест колес одиноких машин, когда ЭТО надвигалось снова, часто думал: кем бы он был без них, без своих ребят?

Иногда приходила мысль, что не будь их, он не поехал бы в эту последнюю экспедицию, так резко перевернувшую все в его жизни. Он никогда бы не увидел ЕЕ, и никогда не пережил бы того, что с ним сейчас происходило, того, что он, не находя слов, коротко называл – "ЭТО".

* * *

Костя вошел в комнату и по оживленным взглядам понял – что-то опять затевается. Через стол потянулись руки. Здороваясь и отвечая на шутливые слова, Костя с трудом протолкался в угол комнаты, устроился на стуле. Кто-то протянул фужер, кто-то пододвинул тарелочку с салатом.

Прислушался. Он оказался прав – разговор шел о новой экспедиции.

– Смотри, Костик, – Вовчик развернул на столе новеньющую кальку. – Крестин чего принес. Свердловская съемка! Достали таки. Здесь кое-что отличается от нашей схемы.

Преодолевая себя, Костя склонился над картой. В извилистых линиях ходов перед глазами отчетливо проступала Пропасть, ее галереи и колодцы, залы и ледники. Вот и река, сифоны... Что толку смотреть?

На душе было тошно. Все смотрят на него так, будто он знает, но не хочет показать этот проклятый обход сифона!

– Ребята, нам пора спать, – Роза улыбнулась. – Жень, скажи дядям спокойной ночи!

Вышли на лестницу.

– Что скажешь? – Вовчик протягивал ему пачку "Примы". – Возьми вот, покрепче...

Что он мог сказать? Рассказать все, и пусть его сочтут сумасшедшим?

– У кого там есть закурить? – Лёха "незаметно" подмигивал с подоконника.

Костя невольно улыбнулся.

"Знаешь, как надо подмигивать незнакомым девушкам? – говорил Лёха. – "Незаметно. Вот так!"

Далее следовало непередаваемое Лёхино действие, состоявшее из яростного подмигивания с одновременным устрашающим перекосом физиономии в сторону высунутого языка.

Со всех сторон потянулись за куревом. Спичка пошла по кругу.

Костя чувствовал, что надо сказать ребятам все.

Именно сейчас.

Потому что сегодня разговор снова, в сотый, наверно, раз зашел про ту экспедицию.

Потому что назревала новая экспедиция, и ЭТО мучило его все сильнее, не давая дышать. Кое-что он все-таки рассказал. Тогда, еще в Пропасти, после падения с ледника.

Он сказал, что видел, знает, как и что за сифоном. Описал точно, невероятно точно, также, как только что повторил сейчас. И больше не сказал ничего. Не мог.

Хотя, что значит – точно, когда за сифоном, кроме него, никто толком-то и не был?

Мужики курили, перебрасываясь словами.

– Он видел, это безусловно, – Вовчик пошире расставил ноги. – Таких совпадений не бывает. Это не придумаешь. Он видел... Только вот – как?

– Галлюцинация, – сказал Крестин.

– А почему нет? – Леха спрыгнул с подоконника. – Даже в литературе пишут: "Имели место случаи галлюцинаций у спелеологов, которым пока не найдено объяснений". Так?

– Погоди, Леха. Мы уже тысячу раз об этом говорили, – Вовчик повел плечом. – Я могу поверить в галлюцинации, в провидение, это и у меня бывает... Я про нож понять не могу. Как у Костика оказался нож, который я потерял в сифоне? И еще что-то... вертится вот, не могу поймать...

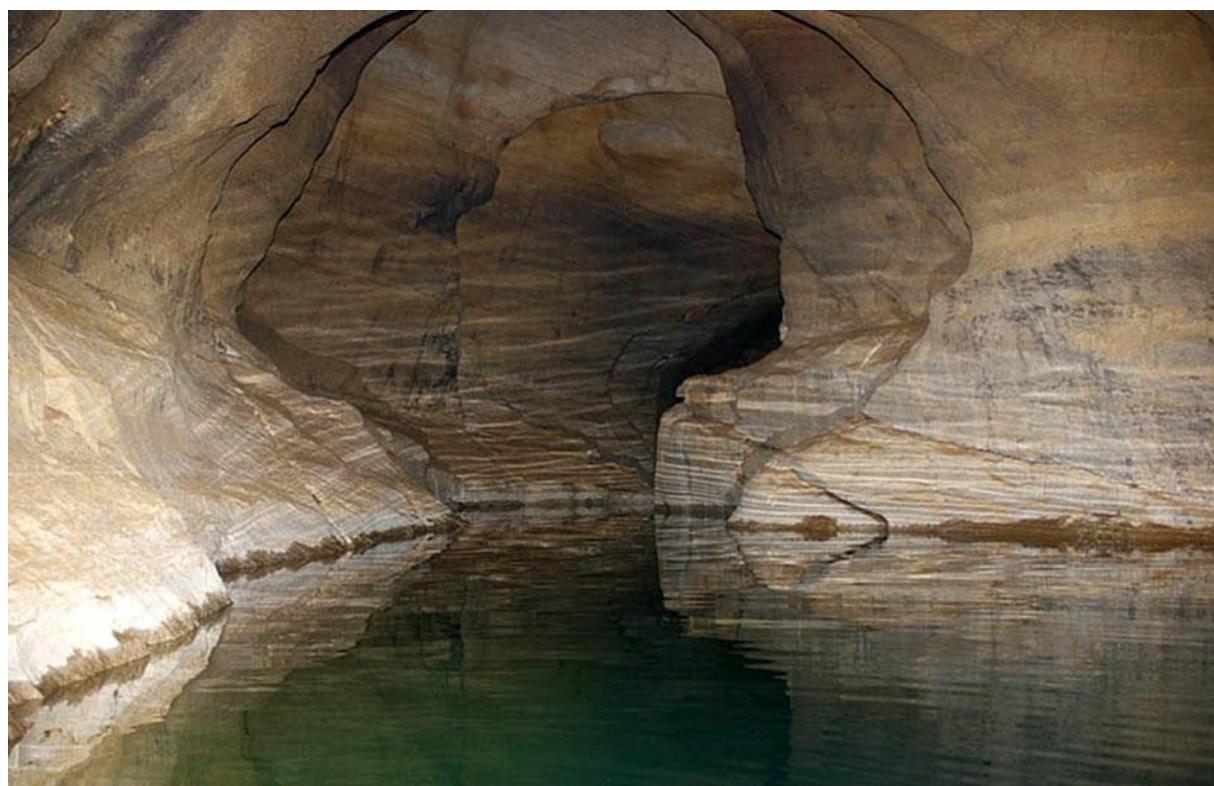
– Ножи, – сказал Игорек. – Ножи ваши – это гвоздь проблемы. Хотя, скорее всего, вы просто случайно ими поменялись. До сифона еще, а?

– Ты помнишь, как я из сифона вышел? – Вовчик отрешенно смотрел куда-то внутрь себя, и Коста почувствовал, как в глубине поднимается непреодолимая внутренняя дрожь. – Я с ножом в руках вышел. А знаешь, почему? Потому что Костиков нож в мои ножны не входит. Напрочь. У него вон какая сабля! Но чего-то я не то хотел...

– Это факт, – сказал Боб. – Мы это дело экспериментально установили. Его нож для твоих ножен велик. Так ведь и у Костика нож-то твой... Чудно как-то, помнишь? С одной стороны, его в Костиковых ножнах рукой держать надо, чтобы не потерять, – велики ножны. А с другой, – Костик с ледника навернулся, а Вовкин ножик у него в ножнах как прилип! Не чудно? Это я путано сказал... Но факт.

– Да не менялись мы ножами до сифона – сказал Вовчик. – Ну, ты, Боб, сам посуди. Ну, на кой ляд нам ножами меняться?

– А тогда остается только одно! Вы с Костиком где-то там, за сифоном встретились, нажрались чего-то от радости и теперь не помните ни хрена.

Коста зажмурился и глубоко затянулся сигаретным дымом.

— Короче, — сказал Леха. — Зимой ехать надо, разбираться. Тогда у нас слишком мало времени было.

— И воздуха, — сказал Игорь.

— И воздуха..., — как в полусне отозвался Вовчик и вдруг замер. — Подожди, подожди... Кажется, поймал. Кто помнит, сколько у меня оставалось в баллонах атмосфер? Вот сразу, как вы меня из сифона выдернули?

— Около восьмидесяти, — сказал Игорек. — Скажи, Леха.

— Точно. Мы их потом на ферме выпускали. В чем дело-то?

— Вот оно что! — сказал Вовчик и обвел всех глазами. — Вот, что меня все это время мучило. Неувязочка получается, мужики. Я почему тогда назад повернул?

— Почему?

— Воздуха у меня было мало! — четко, почти по складам, произнес Вовчик. — У меня на манометре было тридцать. Предел у меня был, понял?

— Ни фига не понял, — сказал Игорек.

— А когда я веревку обрезал, и того не оставалось. Зашкалило манометр. Да если б у меня восемьдесят было, я бы так не испугался. Еще вперед бы двинул, как...

— Ты просто забыл, — уверенно сказал Боб. — Задергался и забыл.

— Я не забыл. Я просто только сейчас вспомнил. Да будь у меня хоть полсотни атмосфер!..

— Вовчик усмехнулся. — Это я потом задергался.

— Бред какой-то! — Вейс взъерошил и без того взъерошенный чуб. — Ножны, ножи, атмосферы... Может, нам в психушку пора? Построимся все, и хором.

— Двуликая, мужики! — Леха весело присвистнул. — Не иначе!

Костя так сильно вздрогнул, что чуть не выронил сигарету. Он не все рассказал тогда ребятам. Не мог рассказать. Потому что в глубине души сам считал происшедшее с ним невероятным. Но он не мог больше носить в себе этот груз.

Костя обвел взглядом задумчиво куривших вокруг него парней.

Это же его ребята! Они поймут. Они не могут его не понять.

— Тут вот какая штука, — трудно сказал он и потянулся за новой сигаретой...

* * *

Та последняя экспедиция осталась в его памяти отрывочными, но предельно яркими картинами.

... Они с Лехой распутывали телефонный провод. Красной спутанной грудой он лежал на снежном конусе дна Первой шахты Пропасти. Голубоватый свет угасающего наверху дня слабо струился по уходящим на недосягаемую высоту гигантским стенам каменной "бутылки". И где-то там, вверху, в голубой груше неба, золотились закатным солнцем паутинки растяжек.

Сквозь монотонную музыку бьющей с тающих ледников капели иногда прступали доносящиеся сверху далекие звуки Земли.

— Слышишь сегодня хорошо, — наматывая провод на крестовину, Костя посмотрел вверх.

— Похоже, радуются чему-то, — Леха сплюнул на снег. — Дернул же их черт провод упустить! До ночи теперь провозимся.

Сегодня их четверка выходила на поверхность. Шесть суток под землей сделали свое дело. Ребята устали. Это чувствовалось по тому, как сильно затянулся подъем с Нижнего яруса Пропасти. Торопились. Не хотелось выходить в ночь, все смертельно соскучились по солнышку.

И вот тут, когда Ольга с Сорокиным уже вышли, и пристегивался на подъем Леха, раздался свист падающего с семидесятиметровой высоты провода. Что было делать?

Через час проклятый провод, наконец, был распутан. И когда его, прицепленный к концу веревки, конец, медленно пополз вверх, они с Лехой с трудом распрямили налитые усталостью спины.

— У тебя курить осталось? — Костя из-под каски провожал взглядом уходящую в туманную высоту красную ниточку.

— А как же, — Леха выпир руки о комбинезон, полез за пазуху. — Славно потрудились. Теперь не грех и закурить...

Стукнувшись касками, они склонились над оранжевым огоньком спички, жадно затягиваясь теплым дымом.

Коста не слышал свиста падающего камня.

Они успели разойтись метра на два: Коста – к Телефонному ходу, Леха – к Северной галерее, когда в мокрый снег конуса беззвучно вошел камень, и снег под их ногами едва ощутимо дрогнул.

"Как раз, где мы стояли..." – мелькнула мысль.

Коста коротко глянул на Леху. Леха только покрутил головой:

"Дураки, мол, совсем страх потеряли – на конусе закуривать!..."

Передернув плечами, Коста припал к телефону:

– Земля, Земля, я – Сумган, как слышите? Прием.

Он прижал к уху динамик, а сам все косил глазом на дырку в снегу.

"И на этот раз пронесло, – подумал он. – Хорош подарочек! Устали и забыли осторожность..."

В наушниках затрещало. Ага, значит, провод подняли.

– Сумган, я – Земля. Все в порядке. Прием.

– Отлично! Все. Мы поднимаемся. Сейчас идет Леха.

* * *

... Стены медленно ползли вниз.

Огромные, влажно-черные, они раскачивались перед глазами в такт пульсациям веревки.

"Клац-клац" – лязгали металлом самохваты.

Коста чувствовал, что очень устал. Он старался не смотреть на окружающие его стены, ибо тогда казалось, что он вообще не движется. Хрипло дыша, Коста старался держать ритм подъема, попеременно выкидывая вверх руки с зажимами и уже не ощущая боли в сраженных пальцах.

Венчик окаймляющих Пропасть скал постепенно расширялся, качаясь над ним в позолоте последних лучей заходящего солнца.

И странными казались несущиеся над головой серо-белые облака.

– Эва! Костик!

Коста запрокинул голову влево.

Улыбающиеся лица на краю... Да вот он – край долгожданный! А это кто?

– Вовчик?!

Вовчик приехал!

Последние усилия, и Коста завис у края Пропасти, чувствуя, как все тело гудит от подъема. Бесконечные стены закончились, и Южная площадка, на которой деловито сутились ребята, качками, в такт рывкам вытяжной веревки, приближалась, обдавая полузыбтыми парными запахами уходящего осеннего дня.

Его вытащили на край, и еще не успев отстегнуться от веревки, Коста уже обнимал Вовчика, который, оказывается, приехал еще вчера.

– Вот и встретились на Сумгане!

– Теперь поработаем!

* * *

Вечером вся экспедиция собралась у жаркого костра. Коста наконец почувствовал, как отсыревшие в промозглом холде пещеры кости наполняются блаженным теплом и как распрямляются нервы, наполняя все его существо непередаваемой радостью.

Вовчик приехал! Теперь они могли перейти к своей главной задаче – штурму сифона подземной реки.

Подводная группа была в сборе, и Игорек, отставив в сторону кружку, развивал картину предстоящего штурма.

Коста слушал и не слушал. Оранжевые языки пламени плясали перед его глазами, обдавая жаром, и в них качались фантастические картины Пропасти: гигантские своды залов, белоснежные каменные каскады натеков, голубое сияние ледников, черное стеклянное спокойствие реки в жутковатом контрасте с гулом, идущем откуда-то из глубины затопленных рекой галерей.

Загадка этой реки давно не давала им покоя. Начинаясь на поверхности с уходящих в поноры разрозненных ручьев, река появлялась отдельными участками в вышележащих пещерах урочища. И лишь для того, чтобы во всей красе возникнуть в черных тоннелях галерей Нижнего яруса Пропасти. А дальше, уходя в сифон, через несколько километров никому не известного подземного пути, появлялась снова – на поверхности земли, в голубом озере у подножия серо-белой стены известняков.

Что там, под этими могучими плитами скал? Какие лабиринты хранит земля, отгородившись от света коварными дверями сифонов?

Четвертый год приходят они к Пропасти, но ни разу еще не посягали на скрытые за сифонами тайны. Что несут они им, спелеологам?

В костре кровенели догорающие угли.

Из-за далеких хребтов пробирался ветер, шурша пожелтевшими лесами.

Над урочищем нависло черное, набухающее дождями небо.

"Осень, уже совсем осень", – подумал, засыпая, Коста.

* * *

Утром он проснулся с чувством беспокойства. Но тревога была смутной, и он подумал, что это обычное волнение: сегодня вниз спускалась шестерка Вовчика, а они с Лехой, отдохнув наверху, через день тоже должны были уйти под землю.

Небо, затянутое тучами, время от времени роняло редкие капли. Они с шелестом ложились на пестрый ковер листвьев под ногами, звучно стучали по каскам стоявших на Южной площадке Пропасти парней.

Вниз осторожно спускали акваланги, тщательно упакованные в транспортные мешки.

– Да-а, погодка начинает портиться, – Вовчик, стоя на самом краю, провожал глазами уходящие в шахту мешки.

– На Нижнем будьте осторожнее, – сказал Коста, прислушиваясь к ровному шороху веревки. – Во вторую шахту падает лед. Особенно, когда дождь.

Вовчик кивнул.

– Земля, Земля, я – Сумган, – из динамика телефона слышалось дыхание Игорька. – Груз весь?

– Да, последний рюкзак, – Леха щелкал переключателями приемника. – Как у вас?
Прием.

– Нормально. Первые уже спускаются в колодец Вейса.

– Скажи ему, сейчас пойду я, – Вовчик в последний раз подтягивал узлы обвязки, позякивая карабинами.

– Эва, Сумган! Сейчас пойдет Вовчик.

– Поняли.

– Когда вы начнете работать в сифоне? – Коста распутывал грязную вытяжную веревку, изредка поглядывая, как Вовчик пристегивается на рогатку.

– Думаю, завтра.

– Во сколько связь?

– Давай, часов в одиннадцать. До одиннадцати должны успеть, – Вовчик уже садился на край, неуловимо напоминая чудовищного паука – весь в капроновой паутине веревок.

– Выспаться?

- Что выспаться? — Вовчик недоумевающе взглянул на него. — А-а! — он улыбнулся. — И выспаться тоже успеем. Страховка?
- Есть, — Леха замер на страховке у старой березы.
- Ну, я пошел, выдавай понемногу.
- Давай! Скоро увидимся.

* * *

Всю ночь бушевала непогода. Благо, что вечером они с Лехой перенесли лагерь на ферму в километре от Пропасти, и теперь, лежа на нарах, Коста прислушивался к шуму ветра за стеной.

Ветер ломился в окна, двери, гудел в трубе. Казалось, что избушка раскачивается от его порывов. Дождь косой стеной рубил грязь на почерневших дорогах, заливал стекла, струйками стекая с крыши.

— Весело сейчас было бы в палатке! — подумал он, засыпая.

Ночью он неожиданно проснулся: чего с ним давненько не бывало. Тревога возвратилась, но Коста заставил себя заснуть — надо было хорошенько отдохнуть перед послезавтрашним спуском.

Утренняя связь не дала особых новостей. Весь этот день, бродя по пасмурным логам — надо было нанести на карту входы двух новых для них пещер, Коста ловил себя на мысли, что с нетерпением ждет вечера. Только тогда они узнают о первой попытке штурма сифона подземной реки.

К вечеру над урочищем стих ветер. По логам потянулись сизые космы тумана, на черносинем небе проглянули одинокие пока звезды.

- Похоже, распогодится, — Леха, озаряемый рыжими бликами, совал в печку дрова.
- Хорошо бы. Сколько до связи, мужики?
- Сорок минут.
- Опять поужинать толком не успеем, — Ольга со стуком поставила на стол котелок с картошкой. — Ну, давайте по-быстрому.

Торопливо работая ложкой, Коста то и дело поглядывал на часы.

"Что же там, у ребят? — сверлила мысль. — Что за сифоном?"

Так и не попив чаю, они с Лехой вышли в ночь.

— Ну и темнотища! — смутная Лехина тень маячила рядом.

Ветер стих, и над урочищем нависла плотная тишина. Только шорох их шагов, да изредка лязг ледоруба о камень.

Ровно в установленное время они подключили телефон.

Из Пропасти несло холдом. Коста зябко поежился.

— Тихо что-то. Нет никого.

В приемнике слабо потрескивало.

Отступившая было, тревога снова заворочалась в груди.

Тихо...

— Сумган, Сумган, я — Земля. Как слышите? Прием.

И только шорох в приемнике.

Медленно тянутся минуты. Луч фонаря бесцельно бродит по черно-серым скалам, нависающим над Пропастью.

– Да что они там! Спят, что ли? Сколько мы здесь?

– Минут двадцать. Может...

– Подожди!

В шорохе и потрескиваниях телефона что-то изменилось. Далекий гул нарастил. Вот уже можно различить топот ног. Он все ближе!

Коста непроизвольно напрягся, вдруг стало жарко.

– Земля! Земля! – хриплый, задыхающийся от бега голос.

– Земля на связи! В чем дело?!

– Все нормально. Мы немного заболтались.

Леха за спиной с облегчением вздохнул.

– Ну, черти! Мы уже беспокоились. Как там сифон?

– Сейчас Вовчик подойдет, расскажет.

Через несколько минут они слушали чуть искаженный глубиной голос Вовчика:

– Сегодня провели разведку. Прошли двадцать метров предсифонного озера и тридцать метров сифона.

– А дальше?

– Дальше пройти не смогли. Страховка кончилась, да и холодно дико.

– Понятно. Завтра мы к вам спускаемся. С Лехой. Что у вас на завтра?

– Попробуем еще раз.

* * *

Проглянувшие было звезды снова задернули облака. Возвращаясь на ферму, Коста чувствовал, что за эти дни на Земле нисколько не отдохнул. Надоело низкое мокрое небо. Хотелось солнышка. И совсем не хотелось завтра спускаться.

А утром он проснулся с чувством какого-то радостного ожидания. Ребята еще спали, и Коста некоторое время все никак не мог сообразить, почему в домике так празднично светло. Выбравшись из спальника, он глянул в окно и не смог сдержать радостного удивления.

За окном мела метель. Снег валил густо, стремительно, огромными мохнатыми хлопьями.

– Ребята, снег!

Сна как не бывало.

Снег! А ведь только середина сентября.

– Все у нас было, – говорил Леха, отыскивая под нарами сапоги. – Шли сюда – умирали от жары. Лето да и только. Позавчера вылезли из Сумгана – я еще удивился, как все пожелтело. Вся Южная площадка в листьях.

– И трава полегла, – Ольга смотрела на ребят широко раскрытыми глазами, в которых отражались маленькие окна: за ними все валил и валил снег.

– Ну! А сегодня и зима пришла, – Леха забухал сапогами к двери. – Что-то будет, когда выйдем на Землю?

– По идее, весна, – Ольга уже гремела котелками на печке. – Леха, дровишек захвати!

– Оля, нам на связь, – Коста поверх двух свитеров натягивал порыжевший от пещерной глины комбинезон.

* * *

Метель приняла их в свои объятия. Снежинки таяли на разгоряченных ходьбой лицах, и Коста на ходу слизывал капельки, то и дело повисавшие на кончиках усов.

Вот и Южная площадка. Всюду: на пожелтевшей траве, на обнаженных стволах берез, на серых выступах скал – лежал снег. Метель утихла, и снежинки медленно, как будто нехотя, падали в темную пасть Пропасти навстречу поднимающимся из глубины облакам пара.

Оставив Ольгу у телефона, Коста поднялся на скалу, нависавшую над Южной площадкой – зрелице устья Пропасти всегда волновало его. А когда спустился, из телефона уже раздавался радостный голос Вовчика:

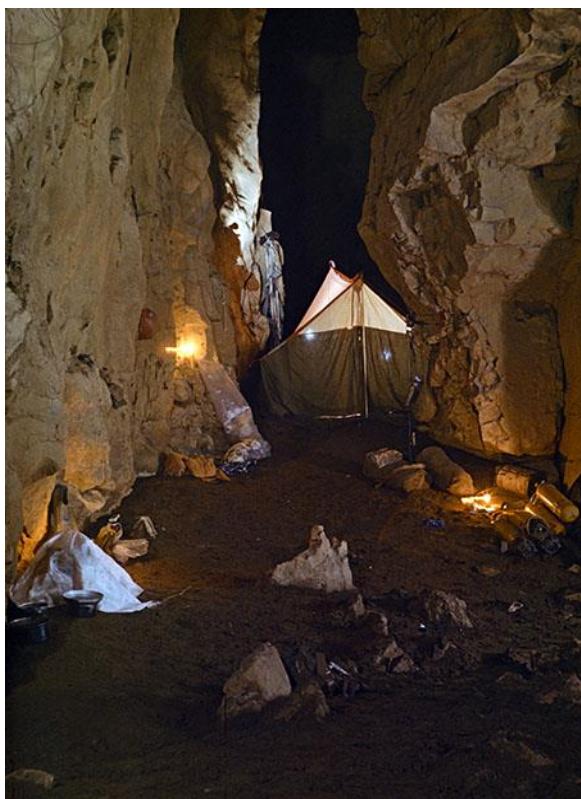
- Прошли сифон!
- Иди ты!
- Точно!
- Сколько?
- Тридцать пять метров. Дальше, метров на двадцать, просматривается галерея. Над головой метра три воздуха.
- А дальше?
- Похоже, поворот.
- Чего не пошли? Опять страховка?
- Да нет. Я потек здорово. Да и не вижу без очков под водой. Сейчас думаем еще нырять.
- Игорь уже готовится.
- Воздуха много осталось?
- До фига.
- Ну, удачи! Мы сейчас позавтракаем и к часу начнем спуск.

* * *

Пока бежали знакомой тропой обратно на ферму, в голове все время радостно пульсировала мысль:

"Взят сифон. Пройден сифон Сумгана!"

* * *

В лагере Нижнего яруса было шумно. На примусах закипала вода. По неровным стенам и потолку, по палаткам метались фантастические тени.

Во второй попытке Игорь не смог пройти сифон. Об этом Коста узнал, уже спустившись. И сейчас они сидели вокруг свечи – шесть перемазанных в пещерной глине фигур. В солидное гудение примусов мелодично вплетался говорок близкого ручейка, робкие строчки капели.

Молчание прервал Вовчик:

– Завтра надо пробовать еще раз. На раз воздуху еще хватит.

– Гидрики текут, – Сорокин, отходивший к примусам, снова присел на рюкзак. – Я сегодня замерз страшно.

– Так сколько ты в водеостоял, тут и не потечешь, замерзнешь.

Страховать уходящего в сифон приходилось стоя по пояс в воде предсифонного озера. Лодки у них не было.

– В следующий раз обязательно надо лодку, – Игорь сидел без каски, и огонек сигареты периодически разгорался у его губ. – Самое странное, что я не видел ни одного кармана с воздухом. Только отдельные пузыри, да и то, наверно, мы их надышали.

– Первый карман идет сразу метра через два от начала сифона. Ты вдоль потолка шел? – Вовчик полез за спичками. – Я в этот карман сразу выскочил.

– В том-то и дело, что и я шел по потолку. Там выступы, борозды, ребра какие-то. Я еще подумал, как бы страховка не зацепилась. Но – ничего не видел.

– Странно.

Они задумчиво замолчали, уставившись на пламя свечи.

После ужина, неожиданно для себя, Коста снова почувствовал себя неважко. Спуск отнял больше, чем нужно, сил. Да еще часа два потеряли в колодце Вейса, когда пришлось перенавешивать потертую веревку.

Пора было спать. Снимая комбинезоны и триконы, парни расползались по палаткам.

В палатке ему показалось тесно, и, поразмыслив, Коста устроился в спальнике на груде мешков, укрывшись пластиком.

В наступившей тишине где-то недалеко гулко била капель.

Голова гудела, все тело ломило.

– Не хватало еще заболеть, – подумал он, засыпая.

Перед глазами в непроницаемом сумраке пещеры поплыли знакомые голубоватые тени и исчезли.

* * *

Странно было смотреть на эту воду. Черная, матово застывшая, ее поверхность играла бликами фонарей. Желтые пятна света невесомо скользили по изборожденным коррозией стенам. И над всем этим – мощный, давящий на сознание, гул невидимого переката.

Штурмовая тройка – Вовчик, Игорь и Сорокин, матово поблескивала мокрой резиной гидрокостюмов. Стянутые обтюраторами лица трудно узнать.

– Мужики, пора нырять, – Вовчик неловко шевелил пальцами в толстых перчатках. – Я уже начинаю задубевать.

– Сейчас, – Игорь возился с легочником акваланга.

Его желтые баллоны резко контрастировали с черной водой и уходящими во мрак стенами.

– Значит, так, – Коста поудобнее перехватил треногу штатива. – Я буду работать в Ледяном зале. Кто у нас на связи – Леха? Если что – я там. Там же рядом Саня. Он уже ушел, что ли?

Леха молча кивнул.

– В общем, давайте.

Вовчик махнул рукой:

– Попробуем. Еще разок. Все равно, на большее не хватит воздуха.

Ловя слабеющие с каждым поворотом гулкие голоса у сифона, Коста направился к Ледяному залу. Миновав зал Ворота, он углубился в сеть галерей, на полу которых все чаще появлялись языки льда. Ледники на Нижнем ярусе Пропасти не таяли круглый год.

По крутыму обледеневшему ходу Коста поднялся в Ледяной зал. Луч фонаря голубымиискрами заиграл в мощных ледяных сталагмитах, в зеркальном льду пола.

Положив фонарь на выступ стены так, чтобы его свет охватывал как можно большую часть зала, Коста установил штатив фотоаппарата и, не спеша, принялся за работу. Поймав в видоискатель нужный кадр, он отвел фонарь в сторону. Теперь лишний свет дал бы только красные блики на цветной пленке. Открыл затвор фотоаппарата. Осторожно, стараясь не поскользнуться на гладком, как стекло, полу, почти на ощупь начал обходить зал, время от времени прорезая темноту блицами вспышки.

За работой время летело незаметно. Коста успел сделать несколько снимков, когда снизу, из-под уходящего во тьму ледника, послышалось буханье триконей. Кто-то бежал по направлению к Ледяному залу, и эхо грохотало по пещере, стократно усиливая гул приближающихся шагов.

– Эва! Костик! – голос Лехи тревожно заметался под сводами.

Коста почувствовал, как у него упало и бешено заколотилось сердце. Положив вспышку прямо на лед, он быстро, насколько позволял тусклый свет направленного в стену фонаря, приблизился к краю ледника. Внизу маячила звезда Лехиного фонаря.

– В чем дело?!

– Похоже, у Вовчика застряла страховка! Уже минут пять, как вышло время, а его нет. Давай к реке!

Мысли лихорадочно застучали в висках. Глубина небольшая, в аппарате было, кажется, около ста атмосфер, на сколько их хватит?

— Бегу! — крикнул он вслед уже удаляющемуся Лехе.

— Сейчас скажу Сане! — донеслось до него.

Машинально Коста рванулся было к выходу из зала, но, вспомнив, что у него нет фонаря — тот по-прежнему лежал на выступе стены, все так же тускло озаряя враз помрачневшие своды, — резко остановился.

Триконы скользнули, потеряв сцепление с предательски гладким льдом. Коста сделал отчаянную попытку удержать равновесие, но упал, и вдруг почувствовал, что неудержимо соскальзывает куда-то вниз. Он попытался перевернуться, выставив вперед тяжелые ботинки, чтобы хоть немного смягчить ожидающий удар. Но тут его резко дернуло вправо — он даже не успел толком испугаться — и оглушительным ударом в каску швырнуло в забытье.

* * *

...Потом он все взбирался по зыбкому коридору и снова скатывался вниз, взбирался и падал...

Один раз он почти поднялся на край невидимого уступа, за которым брезжил неясный ласковый свет, но оглянулся и увидел себя, лежащего далеко внизу среди дико искореженного камня и льда.

Потянулся к себе, и снова соскользнул куда-то в тошнотную яму и боль.

* * *

Сознание возвращалось медленно. Еще сквозь закрытые веки он увидел хоровод зеленых пятен и кругов.

Коста с усилием открыл глаза. Пятна и тени не отступили, но лишь слегка замедлили свой бег. Боли не было, и Коста попробовал приподняться. Вокруг плотной стеной стоял зеленый мрак.

— Фонарь, — подумал он. — Фонарь остался на полке.

Он пошарил вокруг руками, но стен не было. Тогда он резко встал на колени, и тут же резкая боль бросила его лицом на лед.

Очнулся он от мягкого прикосновения чьих-то рук.

— Ребята, — мелькнула благодарная мысль. — Наверное, Леха... — мысли путались, — ...или Вовчик... Вовчик... Что же Вовчик?

Он смутно помнил, что накануне его падения что-то было связано с Вовчиком. Но что?

Мысли, как расплавленный воск, тягуче плыли в воспаленном мозгу.

Коста медленно поднял веки и невольно вздрогнул, увидев склоненное над собой лицо. Большие, бездонной черноты, глаза — он раньше почувствовал, чем понял их красоту. Глаза смотрели на него, не мигая, чуть поблескивая из тени ресниц. Темные длинные волосы почти касались его лица, сливаюсь с вечной ночью пещеры. Тонкий прямой нос, чуть тронутые улыбкой красиво очерченные губы...

— Наверно, брежу, — подумал он и закрыл глаза. — Начинаются галлюцинации... Скорее всего, от удара. Здесь же дьявольски темно...

Память вернулась скачком.

— Вовчик! — забилась мысль. — Вовчик запутался в сифоне!

Он снова открыл глаза и...

Лицо не исчезло. Оно лишь чуть отодвинулось в темноту, и теперь он мог различить склонившуюся над ним фигуру женщины.

— Что с Вовчиком? — хрипло спросил он, совершенно не рассчитывая на ответ, и эхо его голоса взлетело под невидимые своды.

Костя смотрел на женщину, смутно ожидая, что сейчас она растает среди окружающих его зеленоватых миражей. Он смотрел на нее и вдруг понял, что женщина улыбается.

— Ты должен был умереть, — услышал он шепот чуть дрогнувших губ. — Ты жив. Ну, что ж...

— Что с Вовчиком? — снова спросил он, непроизвольно облизывая пересохшие губы.

— Вовчик? — медленно произнесла женщина, и Костя поразился ее голосу: он показался ему странно знакомым. — Почему ты о нем спрашиваешь? Это твой друг?

— Да.

Сознание как бы раздвоилось: одна половина успокаивала, убеждала, что все бред, наваждение. Другая — упорно цеплялась за эту, пусть невероятную, ниточку:

— Вовчик застрял в сифоне, наверно, запуталась страховка. Что с ним?

— Это тебя интересует больше всего? — глаза женщины замерцали зеленоватыми искрами.

— Все остальное все равно только бред, — подумал он и кивнул.

Губы женщины дрогнули, будто непрошеные слова вот-вот готовы были сорваться с них. Зеленые искорки в глазах вдруг погасли. Женщина гибко выпрямилась, и Костя еще раз удивился, как ясно он видит ее, когда вокруг, он знал это, — кромешный мрак.

— Тогда пойдем.

Маленькая рука скользнула над ним, как бы предлагая опору. Костя опасливо покосился на свои ноги, боясь необдуманным движением снова вызвать резкую боль.

— Пойдем, — голос женщины звучал повелительно, и в следующий момент он понял, что стоит. Боли не было. Рука женщины все еще была протянута ему, и он, прежде чем коснуться, невольно вытер грязную ладонь о комбинезон.

— Надо спешить, — в ее глазах снова вспыхнули зеленые огни, но тут же погасли, и Костя ощутил холод тонких пальцев в своей горячей руке.

— Но куда? Тут же ни черта не видно!

— Неужели?

Голос женщины прозвенел легкой иронией, и Костя понял, что... видит. Мягкий зеленоватый свет лежал на прступивших из мрака стенах, на обледенелых глыбах пола.

— Типичный мираж, когда долго сидишь без света, — подумал он. — Тронь эти "стены", и рука повиснет в пустоте...

Но все же отчаянно шагнул вперед.

Видимо, все эти мысли ясно проступали на его измазанном глиной бородатом лице, потому что ему почудился затаенный мелодичный смешок. Это почему-то разозлило его.

— Даже мираж смеется над тобой! — шепнула сомневающаяся половинка сознания, но другая уже вела его вперед, вслед за зеленоватым сиянием убегающей вперед галереи.

Его тяжелые шаги наполнили своды грохочущим эхом, и в то же время Костя поймал себя на том, что не слышит шагов быстро идущей впереди женщины. Она легко скользила перед ним, озаренная тем же призрачным сиянием, и теперь он мог лучше рассмотреть ее гибкую фигурку. Женщина была чуть выше его плеча. Темные волосы невесомыми волнами колыхались в такт шагам. Черный плащ, ниспадающий с плеч, сливался с черными тенями, залегшими у стен. В каждом движении женщины было столько неуловимой грации, что Костя невольно залюбовался ею. И вдруг ощутил в себе смутное беспокойство, даже волнение, вызванное призрачной незнакомкой.

— Этого еще не хватало! — сердито подумал он, но женщина, словно почувствовав его взгляд, оглянулась.

И снова ему показалось, что в ее бездонных глазах мелькнула искристая лукавинка.

Но тут же мысль о Вовчике заставила его прибавить шаг.

Стены галереи раздвинулись, под ногами вновь появился лед. Что-то знакомое почудилось ему в очертаниях этого гигантского зала. Вот и ледяной сталагмит-дворец. Где же он его видел? Белые полосы на стенах, аркой уходящие к сводам...

– Да ведь это Ворота! – Коста почти бежал, краем сознания удивляясь, что его спутница все также неслышно скользит впереди него. – Нам туда!

Отсюда он и в полной темноте мог бы добраться до выхода к реке. Вот и ее, неясный пока, гул доносится из темноты.

Но маленькая и неожиданно сильная рука женщины вдруг потянула его вправо, туда, откуда из сводчатого повышающегося входа сползал белый язык ледника.

– Там же тупик!

Они с Лехой несколько раз осматривали эту слепую галерею в надежде найти новый выход к реке и всегда натыкались на завал, а маленькая рука властно вела его именно туда.

Коста не мог потом вспомнить, как они проскользнули между готовыми обрушиться глыбами, как шли по лабиринту изгибающихся во всех направлениях ходов... Ему только показалось, что шли они довольно долго.

– Смотри! – женщина легко остановилась, и Коста, с трудом переводя дух, понял, что они стоят в окне сумрачной галереи.

Внизу черно блестела вода.

– Вовчик!!! – закричал Коста и, рванувшись вперед, наверняка упал бы в воду, но невидимая преграда сильно толкнула его в грудь.

Там, в черноте воды, то показывались, то снова исчезали желтые бока акваланга, и тогда на поверхности воды бурливо вскипали черные пузыри.

– Нож! – услышал он за спиной насмешливый голос, и торопливо выхватил из ножен на поясе свой старый клинок.

– Положи на камень!

Не совсем понимая, что делает, Коста высунулся из окна и положил нож на выступ скалы, около которой вспухали воздушные пузыри.

Через мгновение он, наконец, увидел лицо Вовчика, искаженное маской. Вовчик на секунду вынырнул, его взгляд метнулся по отвесно уходящим в воду стенам, задержался на ноже. Коста видел, как в напряженных глазах Вовчика мелькнуло облегчение. Рука в резиновой перчатке крепко схватила рукоятку, и голова Вовчика, выпустив из легочника бурлящий пузырь, снова канула в воду. Луч его фонаря зажелтел из-под воды, потом качнулся в сторону, мелькнули над водой концы ласт, в последний раз всколыхнув гладь озера, и все стихло.

И Коста вдруг почувствовал, что страшно устал. Он прислонился к стене, не испытывая больше никаких желаний и не имея сил к их осуществлению. Он ощупал карманы, достал помятую пачку "Примы", спички и машинально закурил. Несколько раз глубоко затянувшись, он почувствовал некоторое облегчение. Но в голове по-прежнему было пусто и тяжело. Мысли, словно нехотя, медленно возникали откуда-то из глубин сознания.

– Господи, – подумал Коста. – Ведь привидится же. Поразительно ясные галлюцинации...

Вместе с мыслями оживала и тревога.

– Есть спички, – появилась мысль. – Надо попробовать выбраться к ребятам... Они уже, наверно, хватились, что меня нет. Интересно, откуда же я свалился? Неужели с Большого ледника?

Временами на него наплывало смутное ощущение, что он лежит среди россыпи обломков льда и камня...

За его спиной прошелестел короткий смешок.

– Опять начинается, – обреченно подумал Коста. – Странно, но я совсем не волнуюсь за Вовчика...

Он тяжело повернулся и снова увидел Ее. Женщина сидела на покрытом натеком выступе и, как ему показалось, с интересом смотрела на него. В ее черных глазах дрожала усмешка.

Коста курил, молча глядя в эти притягивающие огромные в вечной ночи зрачки.

Вот шевельнулись губы.

– Ты доволен? Я выполнила твое желание.

– Если бы все было так наяву, – подумал Коста. – Странно, я ни капельки не беспокоюсь...

– А-а! – в голосе женщины мелькнула ирония, смешанная, как ему показалось, с плохо скрытым удивлением. – Я, кажется, догадываюсь... Ты просто не веришь в меня. Так?

Коста кивнул. Мысли текли в другом направлении.

– ...Меня должны скоро найти, – думал он. – Все зависит от того, куда я упал. Вот сейчас раздадутся голоса, и луч фонаря рассеет все эти видения.

Коста оглянулся, силясь взглядом проникнуть сквозь зеленоватое сияние, исходившее из того угла, где сидела...

Он вдруг подумал, что не знает, как ее зовут.

Спросить? Спрашивать имя у галлюцинации?

– Доходишь, старик! – подумал Коста. – А впрочем, почему бы нет?

– Как тебя зовут? – спросил он, внутренне махнув на все рукой, решив, что если он сходит с ума, то это не самая неприятная форма сумасшествия.

– Меня зовут по разному... – ее глаза блеснули. – Зачем тебе? Ведь ты все равно в меня не веришь.

– Тогда я буду звать тебя... Грэза Сумгана.

Коста глубоко затянулся и увидел, как в глазах женщины зажглись и погасли красные точки.

– Ты очень красивая, Грэза...

Грэза едва заметно вздрогнула.

– Мне никто никогда так не говорил, – промолвила она задумчиво. – Никто и никогда...

Почему?

Коста пожал плечами:

– Кто же мог сказать тебе это, кроме меня? Редко кому, наверно, видятся такие сны... – последнюю фразу он произнес уже мысленно.

– Их было много... Они все были чем-то похожи на вас, – по лицу Грэзы прошла легкая тень. – Они приходили кто зачем... Зачем пришли вы? Я знаю, вы здесь не первый раз. Что вам нужно?

Коста силился понять скрытый смысл ее слов, от которых веяло чем-то, несомненно, ему знакомым. Это что-то вертелось совсем рядом, никак не даваясь в руки.

– Наша задача была пройти сифон.

– А потом?

— Идти еще дальше.
— Ну и что? Для чего все это?
— Чтобы увидеть и узнать.
— Подожди, — Грэза нетерпеливым движением откинула на плечо густую волну волос. — Там, — она указала на едва видимые в зеленом сиянии своды, — там есть солнце, там тепло, там весной распускаются цветы, а осенью ветер роняет с деревьев листва... Неужели вам этого мало?

— Солнце... — Коста вдруг почувствовал, что страшно давно не видел солнца. — Когда выходишь отсюда, по-новому видишь все, ощущаешь..., это трудно объяснить.
— И ради этого вы уходите сюда... Что же вы ищете еще, когда там и без того прекрасно?
— Этого не объяснить в двух словах.

— Я хочу понять.
— Ну, хорошо, я попробую. Ты права. На Земле много прекрасного, — Коста тщательно подбирал слова. — Но мир стал бы беднее, не будь всего этого, — он обвел рукой мерцающие стены. — Здесь — мы тоскуем по солнцу, а на Земле мечтаем о том моменте, когда снова уйдем вниз. Мы уходим от Земли по разным причинам... Кто-то ищет себя, кто-то, напротив, бежит, но все мы идем за прекрасным. Не только эти стены, здесь познаешь другое — то, что дает право, если выдержишь, говорить вместо "я" — "мы". Понимаешь? А вся эта красота? Зачем она, если не найдется никого, кто осмелился бы взглянуть на нее и унести в себе туда, на Землю?

Коста чувствовал, что волнуется. Куда-то незаметно исчезла усталость.
Они замолчали, и снова налетело ощущение, что он лежит, уткнувшись лицом в холодные камни.

— Мне кажется, я понимаю...
Грэза вся сжалась на своем камне и теперь казалась совсем маленькой и беззащитной. Ее тихий голос звучал задумчиво и чуть грустно, и Коста почувствовал неведомо откуда возникшую нежность к этому призрачному существу.

И повинуясь этому безотчетному чувству, он сказал:
— Камень холодный.

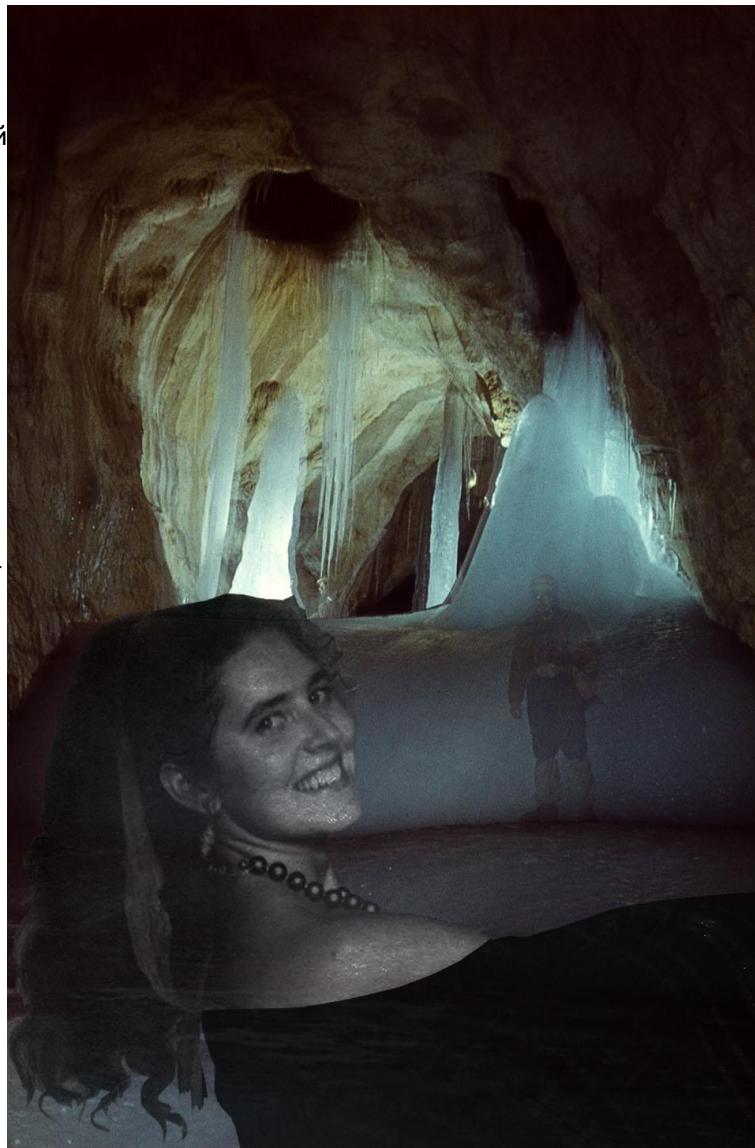
Простудишься.

Грэза быстро обернулась к нему. В глазах ее вспыхнули изумленно-недоверчиво-веселые — иначе он не мог бы назвать их — искры, и вдруг она звонко, будто струящийся по каскаду ручеек, рассмеялась.

Она была действительно необыкновенно хороша в этот момент, и Коста, не сводя с нее глаз, восхищенно подумал:

— Черт возьми, да она совсем еще девчонка, очаровательная девчонка, моя Грэза!

И тут же подумалось другое:
— Что-то долго не идут ребята. Неужели они еще не

поняли, что меня нет? Или не могут
найти?

Но следом вдруг неожиданно промелькнуло:

– Если это сон, то мне совершенно не хочется просыпаться...

– Ты странный... – на полуоткрытых губах Грэзы играла задумчивая улыбка. – Ты будишь
во мне необычные желания...

Она вдруг встала и сделала легкий шаг к нему:

– Хочешь... – Коста уловил мгновенное колебание. – Ты говорил о прекрасном. Хочешь, я
покажу тебе Прекрасное?

* * *

Коста никогда не смог бы описать словами то, что увидел.

Они шли по гигантским каменным дворцам, в гуле убегающей в неизвестность реки.

Потрясающей красоты натечные каскады, играя пеной струящейся по ним воды,
замирали в голубых озерах гуров, и там, в их синей прозрачности, цвели невиданные каменные
цветы.

Огромные мрачные залы с теряющимися в зеленом сумраке сводами, где навстречу
сверкающему перезвону капели тянулись вычурные башни сталагмитов, сменялись узкими
галереями, где было страшно дышать – такими хрупкими казались прозрачные иглы
кальцитовых друз.

Они переходили по каменным аркам мостов через стеклянную синь озер, взирались по
могучим натекам в маленькие гроты, где, презирая законы тяготения, прихотливо изгибались и
спутывались в клубки тончайшие нити гелектитов.

Коста чувствовал, что тупеет от всего этого каменного великолепия. Мозг утрачивал
способность воспринимать увиденное.

* * *

Потом они стояли на берегу большого синегурого озера. Где-то во мраке на разные
голоса звенела капель, и звуки ее сплетались в волшебную мелодию пещеры.

Греза присела у воды, и по застывшей поверхности озера от ее рук разбегались легкие
круги.

Коста видел ее плечи с разметавшимися по ним черными прядями.

– Ну, вот... – слова, сказанные почти шепотом, взлетели под невидимые своды, все
усиливаясь и многократно преображаясь, и весь зал зазвучал невиданным органом. – Ты видел
теперь. Что скажешь?

– Тут трудно что-то сказать, – Коста достал измятую пачку сигарет, в ней оказалось пусто,
и он, помедлив, снова сунул ее в карман. – Ты же знаешь, что об этом не скажешь словами.

– Ты видел теперь... Скажи, – Греза плавно выпрямилась и повернулась к нему. – Скажи,
если тебе удастся и в этот раз вернуться туда, на Землю, ты снова захочешь прийти сюда?

– Если удастся вернуться... – подумал Коста.

– Но зачем? Ведь ты уже видел!

– Именно поэтому.

– Но ведь ты не хотел бы остаться здесь навсегда! Смотри! – Греза взмахнула рукой, и по
стенам побежали зеленые сполохи. – Стоит тебе захотеть, и все это – твое. И не надо будет
уходить и возвращаться?

Коста медленно покачал головой.

– Здесь нет солнца. – В глазах Грэзы, они были сейчас совсем близко – зовущие и
обволакивающие, он уловил легкую насмешку. – Но зато здесь есть все Это. Ведь ради Этого вы
ходите от солнца!

– Дело не в солнце... Вернее, не только в нем. Там, на Земле, живут люди... Они ждут нас,
и мы не имеем права не вернуться.

Коста давно потерял ощущения времени. Он не знал, сколько его прошло... вечность или
мгновение.

– Ты будишь во мне странные чувства...

Греза чуть отстранилась, глаза ее, устремленные на него, подернулись мерцающим туманом, и Коста опять удивился охватившей его нежности.

— Хорошо. Ты сказал, что я... красивая.

Коста готов был поклясться, что уловил в ее прекрасных глазах смущенно-нерешительное движение.

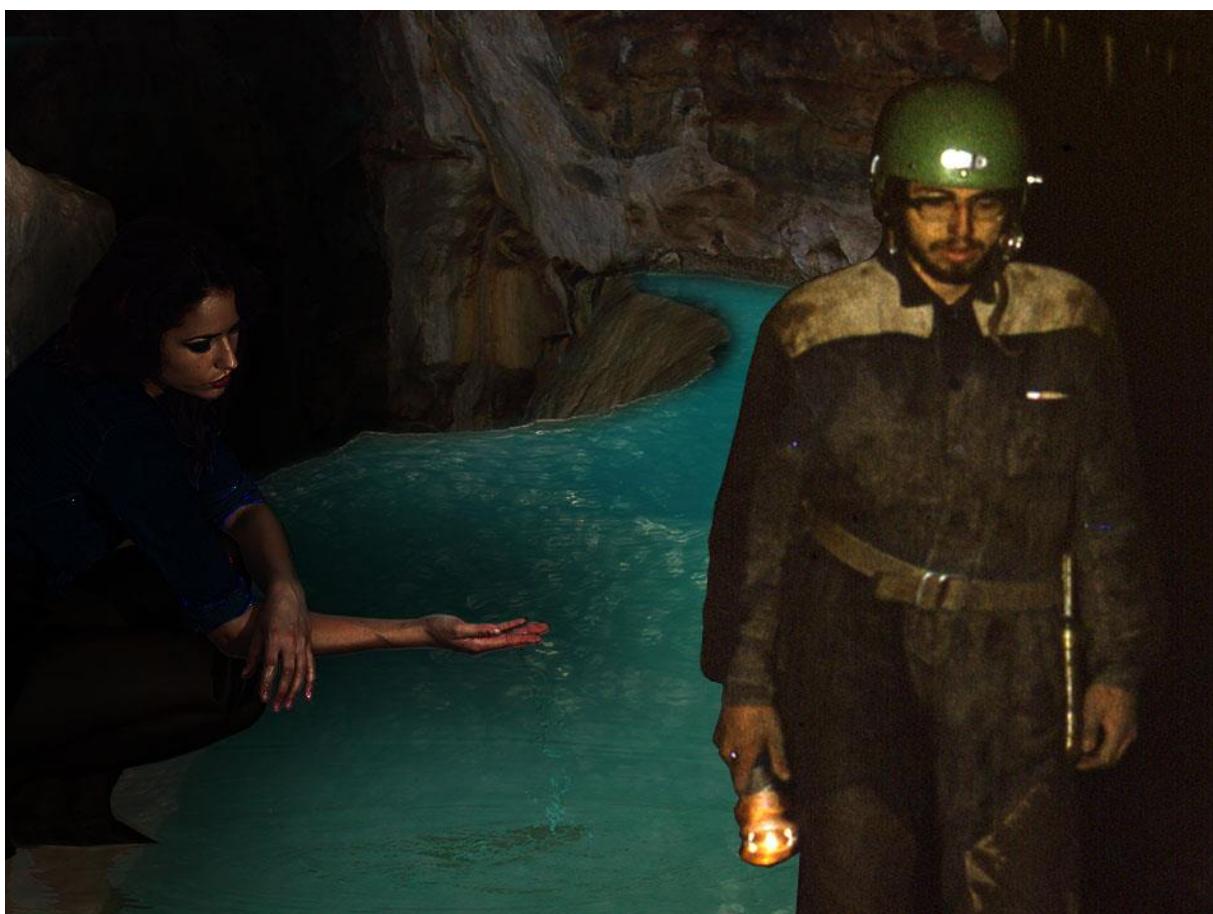
Она теперь была так близко, что ему даже почудилось прикосновение ее дыхания.

— Скажи, ты смог бы... — Греза сделала видимое усилие. — Ты... смог бы... полюбить меня?

Коста меньше всего ожидал этого вопроса и почувствовал, как вздрогнуло в груди сердце.

— Почему это не наяву? — подумал он — Милая ты моя Греза... Как жалко, что ты всего лишь мираж! Полюбить тебя? Да я никогда не видел существа более достойного любви...

— Тогда... — ее голос дрожал волнением. — Представь себе, что ты полюбил меня, и я... я — тоже. Тогда... Ты бы остался?

Коста чувствовал, что ему трудно дышать, что сердце его наливается мукой.

Перед глазами вспыхнуло и завертелось видениями солнце:

— вот идут, согбаясь под тяжестью необъятных рюкзаков, ребята — на перемазанных, залитых потом лицах угрюмая горькая решимость;

— вот какой-то человек, столы, много людей, слова глухо звучат: экспедиция..., безответственно..., запретить..., усилить контроль над работой групп...

— вдруг, закрывая все, надвинулось лицо мамы, и тут же исчезло, а вместо него из-под низко надвинутой каски в упор глянули спокойно-осуждающие глаза Вовчика.

Потом, в ореоле погасшего солнца, возникли Ее огромные черные зрачки, вспыхивающие зелеными искрами...

И вдруг погасли. По лицу Грезы прошла мучительная тень. Она быстро протянула руку, и Коста почувствовал на своих губах прикосновение ее холодных пальцев.

— Молчи, — прошептала она. — Я все поняла...

Греза резко отвернулась, глядя куда-то в темноту, и Коста почти физически почувствовал, как между ними ширится холодная, словно вечность, бездна.

– Я все поняла, – услышал он шепот.

В нем слышалась такая тоска безнадежности, что Коста невольно качнулся к ней, но Греза, оглянувшись, отступила назад.

– Ты должен уйти, – теперь голос ее звучал по-прежнему твердо. – Я могу, но не стану тебя задерживать. Они... все это... ждут тебя там, – в продолжение гибкой руки призрачным светом озарилась сводчатая, будто в бесконечность уходящая, галерея. – Иди. Я отпускаю тебя. Иди. Ну? Что же ты?

Коста последним взглядом обнял всю ее, напряженно замершую, и, обрывая последнее прощание, повернулся и тяжело шагнул туда, где зеленым светом дрожала уходящая к солнцу – он знал это, галерея.

– Подожди...

Коста, вздрогнув, остановился, не в силах обернуться навстречу ее глазам.

– Сегодня я выполнила твое желание...

Он уловил волнение в голосе Грезы и вдруг увидел ее прямо перед собой, в черном разлете мерцающих разметавшихся по плечам волос.

– Выполнит теперь мое... – она подняла к нему озаренное мягким светом лицо, черные ресницы, затрепетав, сомкнулись. – Поцелуй меня... на прощание.

Как в тумане, Коста наклонился и осторожно коснулся ее холодных губ.

– Не так... – прошептала она.

И он понял, притянул ее к себе и, всем своим измученным телом ощущая ее трепетную гибкость, прильнул к губам, неожиданно потеплевшим и с каждым тяжелым ударом сердца все более расцветающим горячей нежностью...

– Греза, – сказал он. – Милая моя Греза!

– Если ты не забудешь меня, – услышал он шелест слов, – то найдешь, ты, назвавший меня Грезой и тем лишивший меня Черного Раздвоения. А теперь прощай.

– Прощай... Прощай... Прощай... – подхватили стены, словно удивленно перешептываясь.

– Не забудь меня-а-а! – долетело до него, будто дуновением.

– Забудь... будь... будь... – зашептали стены.

И все, ослепительно вспыхнув зеленым пламенем, исчезло.

* * *

Коста осторожно, превозмогая ломоту во всем теле, встал. Левое колено болело, но идти было можно.

Что-то мешало в правой, бесчувственно сжатой, руке, и Коста вытер мокрый лоб левой. С каски капало.

– Эва! – закричал он, и хриплое эхо загрохотало вокруг.

Вдали послышался гул. Кто-то торопливо шел по направлению к нему.

– Эва! – снова закричал Коста в темноту.

– Эва-а! – донеслось далекое.

– Наши, – с безответной радостью подумал Коста.

Из-за поворота метнулся луч фонаря.

– Костик! – скользя по обледенелому полу, к нему бежал Леха. – Костик! Ты где же бродишь?

– Как там Вовчик? – спросил Коста, чувствуя, что с трудом держится на ногах.

– Все в порядке! Выскочил. У него страховка зацепилась, пришлось резать. А ты чего не пришел?

– У тебя курить есть?

– Конечно, – Леха удивленно рассматривал его изодранный в клочья грязный комбинезон.

– Давай покурим.

– Давай. Ты где это так уработался?

Все еще чувствуя непонятную неловкость в бесчувственно сжатой правой руке, Коста левой взял сигарету, прикурил, с наслаждением затянулся горьким дымом.

— Упал я... Кажется, с Большого ледника.

— Да ты что! — Леха даже присвистнул. — Идти можешь?

Коста кивнул.

— У меня только света нет. Там, — он мотнул головой в темноту. — В Ледяном зале остался.

Леха посветил в направлении кивка. В глазах его появилось удивление:

— Там, говоришь?

Коста глянул на желтый круг Лехиного фонаря, и глаза его широко раскрылись:

— Да это зал Ворота!

— Ну! — Леха недоумевающе смотрел на него.

— Времени много прошло? С того, как ты прибегал? У меня часы стоят.

— С полчаса, наверно. Когда мы с Саней прибежали, Вовчик уже выплыл. Они там переодеваются, а я смотрю — тебя нет. Пошел сказать, что все в порядке...

Только сейчас Коста услышал приглушенный поворотами гул реки. Но не ответил. Потому что в этот момент свет Лехиного фонаря упал на его правую руку, — ее Коста все также держал перед собой. То, что он увидел, на миг лишило его дара речи: рука сжимала рукоятку ножа — тяжелого подводного ножа.

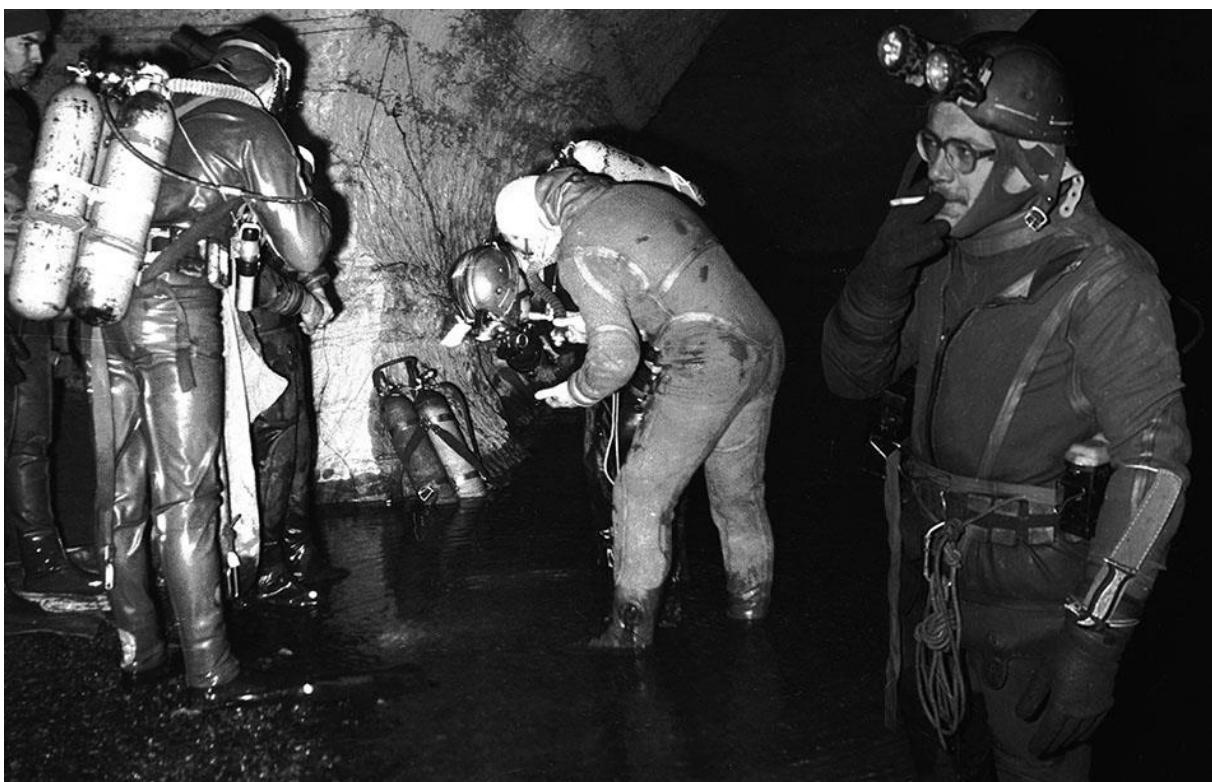
Он мог не смотреть, он знал уже, не глядя, — это был нож Вовчика...

— Тут, брат, такие дела... — тихо сказал он.

* * *

Фонарь лежал на том месте, где он его оставил. Тут же на полу чернела вспышка, на боку которой мигала лампочка зарядки. Коста посветил вниз, и холодная дрожь пробежала по его спине. Внизу, там где многометровый язык Большого ледника выполаживался, черными зубьями камней скалилась глыбовая россыпь.

* * *

В лагере у колодца Вейса царило радостное оживление. Сказывалось спавшее после нервного дня напряжение.

На примусах под хозяйственным глазом Сорокина созревало какао.

Вовчик, забравшись в сухой свитер, все еще дрожал.

— Ну, мужики, я и задубел! — его голос звучал весело. — Потек по страшному.

– Пора кончать это дело, – Игорь озабоченно крутит головой.

Костя курил сигареты одну за другой, наслаждаясь теплым светом свечи. Стоило прикрыть глаза, как ото всюду снова ползли зеленые блики...

– Рассказывай, что с тобой приключилось?

– Я, мужики, вообще балдею, – Вовчик, сидя на корточках, зябко поеживался. – Со мной что-то непонятное получилось. Сифон я прошел сразу. Не знаю, где там Игорь блуждал. Прошел, в общем. Начал очки вытаскивать из-за пазухи, и черпнул за воротник. Бр-р-р! Ну, вот. Содрал маску, одел очки, Неудобно все это в перчатках. Крестин правильно говорил – надо линзы в резиновые очки вставить.

– И на нос зажим, – сказал Игорь. – Леха, дай сигаретку.

– Ага. Начал осматриваться. Там в правой стенке, мужики, мне окно почудилось, метрах в полутора над водой. Трудновато с воды вылезать, но решил попробовать. Вот тут я, наверно, его и уронил.

– Чего уронил? – Сорокин поставил в круг дымящийся котелок, и все потянулись за кружками.

– Нож. У меня, когда полез, видимо, нож как-то выпал. Я не заметил поначалу. Вылезти не смог – тяжело, и страховка натянулась. Я ее попробовал вытянуть, метра три она еще подалась, а потом ни в какую! Пока я соображал, как быть, глянул на манометр. А у меня там полный аут – стрелка на ограничителе! Вот это, думаю, дела! Пора уходить. Даю три рывка, маску на нос, очки в руке остались, и назад. Ты слышал рывки?

Сорокин отрицательно покрутил головой.

– Ты вышел метров на сорок, потом остановился. Я дал рывок – как дела? Ты не ответил. Я еще. Ты молчишь. Тут мы всполошились.

– Потянули страховку – глухо, – Игорь отхлебывал из кружки, окутываясь клубами пара.

– Я уже хотел в сифон идти...

– Она там в трещину попала, – сказал Вовчик. – А вы ее еще глубже загнали. Тут вообще началось. Хорошо, я не задергался. Назад пошел, а тот хвост, что я для окна выбрал, за выступ зацепился. Я, сгоряча – резать, а в руке вместо ножа очки. Вот тут я ножа и хватился. Нету! Ножны есть – ножа нет. Куда деваться, пришлось опять назад, чтобы петлю отцепить. Да еще спешу, думаю, вот-вот воздух кончится.

– Можно представить!

– И вот тут – штука такая. Я нож нашел! Выглянул из воды под тем окном, гляжу – на уступчике лежит. Дальше все было делом техники. У щели, где страховка застряла, я ее резанул.

Сорокин кивнул:

– Ты так с ножом, как пират, и вышел.

Игорь уже в воду полез. А я чувствую – веревка дернулась, и ты на конце. Ну, мы и потащили.

– Да-а, такое вот дело...

– Костик у нас тоже сегодня "именинник", – сказал Леха, выдвигая в круг котелок с рожками. – Он с ледника упал.

– С какого?

– С Большого.

– Да ты что! Костик, точно, что ли?

Коста молча кивнул.
— Ну, дела!
Некоторое время все молча работали ложками.
— Так вот, — сказал Вовчик, когда они в полной тишине разделялись с ужином. — Это еще что! Самое интересное я еще не сказал.
Он обвел глазами устремленные к нему лица.
— Нож, что я взял на уступе — это не мой нож!
— ...?
Коста с трудом разжал онемевшие губы:
— Ты прав. Твой нож — у меня.
И он протянул онемевшему Вовчику свои ножны.
Из них со звоном выпал на камень стола подводный клинок с черной рукояткой.
— Вот. И отдай мне, пожалуйста, мой. Тот самый, что ты нашел на полке под окном.
— Я что-то ничего н-не... — Игорь переводил взгляд с одного на другого. — Кто-нибудь что-нибудь тут понимает или нет?
— Со мной, мужики, такое было... — сказал Коста. — Одно из двух: либо я чудовищно галлюцинировал, либо... Либо я был за сифоном.

* * *

Он не все рассказал тогда ребятам. Стоило отвлечься, и перед его внутренним взором выступали из темноты огромные, чуть укоризненные глаза Грезы.

— Черное Раздвоение, — думал он. — Черное Раздвоение... Неужели легенды о Двуликой — не просто легенды? Моя Греза — Двуликая? Этого не может быть.

ЭПИЛОГ

В большом здании московского аэровокзала было шумно.

До регистрации билетов оставалось еще полчаса. Они оставили рюкзак у стойки и вышли на привокзальную площадь.

– Значит, улетаешь, – Вовчик задумчиво смотрел на него.

Костя молча кивнул.

– Я понимаю, что все это нелепо, но... ничего не могу с собой поделать.

– Нелепо? Как знать, старик...

Костя благодарно взглянул в спокойные глаза Вовчика.

– Давай покурим, что ли... На прощание.

– Давай, – Костя достал пачку "Явы".

– Давай лучше этих, – Вовчик протянул помятую "Приму". – Покрепче.

Курили молча. Мимо непрерывным потоком шли машины, тянулись люди с чемоданами и сумками, мощно рыча моторами, проплывали величавые "Икарусы".

– Зимой-то... Едешь с нами? – Вовчик, поискав глазами, бросил окурок в урну.

– На Сумган?

– На Сумган. Попробуем собрать сильную подводную группу. Да и новичков много будет. Поедешь?

– Я постараюсь, – Костя трудно улыбнулся.

– Постарайся, старик. И не теряй связи.

Костя кивнул.

– Пойду я, пожалуй, – Вовчик протянул ему крепкую ладонь.

– Ребятам привет, – Костя качнулся вперед, как бы готовясь встретить неизбежное. –

Увидимся еще. Удачи!

– Удачи, старик. И обязательно найди ее, понял?

"Внимание! Объявляется регистрация на рейс 533, вылетающий по маршруту..."

Регистрация билетов и оформление багажа будет производиться у стойки номер одиннадцать. Повторю..."

Голос репродуктора гремел над шумом привокзальной площади, а Костя, широко расставив ноги, все стоял и смотрел туда, где среди мельтешащего потока людей то исчезала, то снова появлялась все удаляющаяся коренастая фигура Вовчика...

июль 1978 - июнь 1994 года

в оформлении использованы фотографии Г.Макеева, В.Милова, В.Свистунова

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

Любушке Серафимовой-Флейтлих
посвящается

Дорога округло брала влево, и нырнув в гладкий, будто остриженный, ложок, снова выбиралась на взгорок.

Справа, курчавясь темными зарослями, хмурился перевал.

Сзади, упираясь в пологое взгорье, во всю ширь расстипалось серо-желтое жнивье – до самых домиков далекой уже деревушки с уютным названием Серять.

Он покосился на небо, хмыкнул:

– Действительно, Серять...

– Что?

– Ты не разговаривай, ты – дыши...

Ноги тягуче скрадывали подъем. Сырой ветер шелестел в кустах, ласкал разгоревшееся уже лицо. Небо хмурилось, и серые тучки заходили далеко слева, от Нукуса, разворачиваясь строем, как самолеты для бомбового удара. Оттуда, словно нехотя, лениво погромыхивало – будто тащили по каменистой дороге разбитую арбу.

Оглянулся. Миниатюрная девичья фигурка с рюкзаком чуть приотсталла.

Рюкзак выглядел очень внушительно: даже не подумаешь, что его можно поднять одной рукой.

"Милая, – тепло подумал он. – Тяжело тебе... Алешку выносила – считай, год. И еще год. Без тренировки..."

С неким подобием радостной неловкости подкинул на плечах свой груз. Сердце работало ровно, ноги, что называется "вошлись", и дыхание в порядке.

Ему проще...

Он прислушивался к себе, как водитель вслушивается в работающий на предельных оборотах двигатель.

Привык к постоянному самоконтролю на длинных переходах больших экспедиций. В долгие часы подходов и забросок, серьезной работы с грузом. Когда все внимание, почти все, уходит на то, чтобы не сбиться с ритма, не упустить "мотор" в заполошный перестук, вовремя хватить легкими воздуха и идти, идти, идти...

Ты должен быть в порядке. Потому что никто не сделает за тебя твою работу.

"За чем идем-то? – мысленно усмехнулся он. – За красотой!"

Только какая красота в заброске? Стоит отвести глаза от дороги, тут же тебя ведет вбок, сбивается шаг, ритм, дыхание. И скорей снова взгляд в тропу, в эти необъятные колдобины.

Потому что собьешь ритм, запыхтишь не в лад, зачастишь сердцем – все.

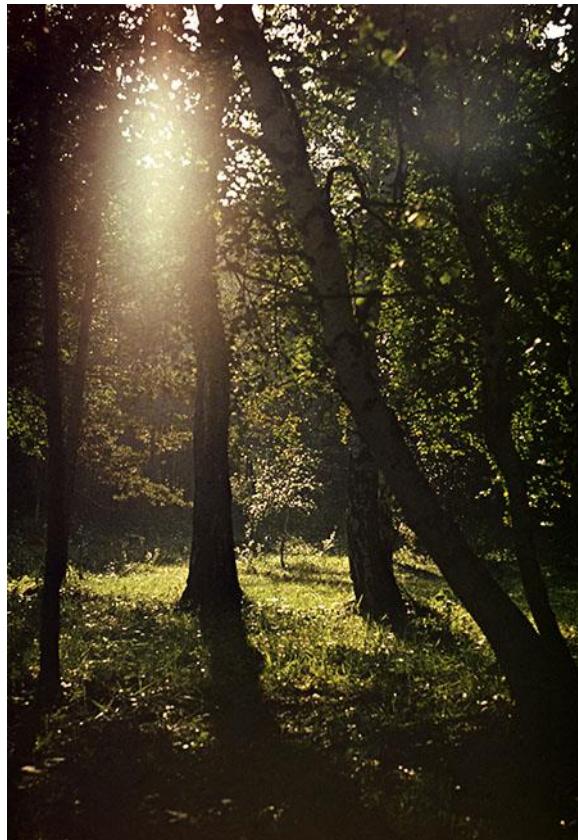
Килограммы рюкзака сожрут тебя до срока, навалятся, прижмут, припаяют к земле.

Без ритма ты не ходок.

Привычным, еле заметным движением плеч он перенес вес груза на лопатки.

Благодать! Разве сейчас у него рюкзак? Перышко!

"Погоди, однако, – нахмурился, гася в себе рвущуюся наружу прыть. – Вот ужо перевал..."

Дорога шла мимо картофельного поля, прижималась к опушке, втягиваясь в лес.

Он снова оглянулся, и, поджиная спутницу, еще разок осмотрелся. Вроде, все верно. Серять на горизонте, желтое жнивье полей, холм с редкими, густеющими к вершине березками. Похоже.

Два раза проходил он по этой дороге. Но то было зимой. И оба раза они шли обратно, возвращаясь с Сумгана.

Да нет, что это он? Все так. Дорога, сколько помнится, всегда была одна. Особо плутать негде.

Будь он один, не боялся бы промахнуться. Но следом за ним шла маленькая чернокосая девчонка. Женщина. Его жена! Придумать же...

Они вместе идут к Сумгану! Еще день, ну два, и они будут стоять на его краю. Холодное дыхание Пропасти коснется их лиц. И он будет рассказывать ей:

"Вот здесь мы крепили растяжки в семьдесят пятом, а вон там, — видишь? — на гребне стояла сосна... В семьдесят шестом пришли, а сосна лежит. Вот, думаем, а если бы она под растяжкой упала?.."

А потом, держа друг друга за ноги, они по очереди подползут к самому краю, чтобы заглянуть в фантастический зев пещеры, на десятки метров обрывающийся в толщу скалы...

Все это обязательно будет, но ведь еще надо дойти!

Будь он один, добежал бы за день. Что там тридцать-сорок верст с таким рюкзаком?

Он поймал себя на мысли, что порой смотрит на идущую за ним девушку, как на суд с животворной влагой.

Будто держит ее в руках и гадает: сколько же осталось? Надолго ли хватит ее сил?

Он старался щадить ее, все время подстраивал ритм, темп, скорость ходьбы, выбирал места, где поудобнее остановиться на привал.

Она ведь молчуны. Будет умирать, а не скажет.

— Ты не молчи, — он остановился и посмотрел на нее. — Слышь, Люб? Если устанешь, сразу скажи, ладно?

Она молча кивнула, небыстро переставляя по влажной дороге красные домашние тапочки.

"Ходоки! — он усмешливо глянул на свои растоптанные сандалии. — А что, римляне, полсвета прошли в сандалиях! Да еще как прошли..."

* * *

Лес обступил их как-то сразу. Мокрые листья, мокрые прели, мокрые следы когда-то прошедших машин.

— Хорошо-то как! — он радостно влил в легкие упругие запахи, кружащие голову свободой.

Они в лесу!

Они вдвоем!

Они идут на Сумган!

С ума сойти...

Он чуть не закружился с рюкзаком по дороге. Но нет, лучше поберечь силы.

Дорога, как бы нехотя, всучивалась на перевал — и сразу затяжелело в ногах, груз навалился на плечи.

Не сбавляя темпа, играя будто бы неутомимым телом, он выбрался на первый взлет. Но тут же, устыдившись, пошел медленнее. Слыша за спиной ее тяжелое дыхание, глянул из-под плеча на раскрасневшееся лицо девушки, обождал. Пошел рядом.

— Ой, малинка! — остановилась, на мокром лице сверкнули радостной зеленью глаза.

— Ишь ты, — он удивленно-весело смотрел на нее, невольно залюбовался, крякнул: — Есть что ли порох в пороховницах?

Она лукаво, краешком губ, улыбнулась.

Протянула руку — ягодка лежала на ладошке: мокрая, алая, как бусинка.

– Ha!
 Он осторожно коснулся губами ее руки
 рядом с ягодкой:
 – Лучше сама.
 Она тихонько засмеялась:
 – Да тут много!
 – Тогда привал.
 Тяжело присев на обочину, он с
 облегчением соскреб с плеч въевшиеся лямки.
 Смотри-ка, легкий-легкий, а ведь, поди ж ты!
 Поднялся, снял рюкзак с ее горячей мокрой
 спины:
 – Быстро-нько одевайся.
 – Жарко!
 – Пока – жарко.
 Не слушая возражений, вытащил из-под
 клапана рюкзака штормовку, осторожно накинул
 на дымящие парком ее влажные плечи. Она
 благодарно взглянула на него, малинка исчезла в
 улыбчивых губах:
 – Вку-у-усно!

* * *

Он посмотрел на часы. Два часа они
 ломают эту гору.

После того малинового привала был еще один. Снова собирали малину.
 Хорошо!
 Да вот только темп ходьбы, и без того невысокий, совсем упал.
 Он резко подкинул на плечах рюкзак, перевел дух.
 Оно ведь как? Идешь быстро – потеешь больше, идешь медленно – сильнее плечи болят.
 Два часа ползти на этот перевал! Да тут по самым суровым подсчетам – версты три,
 четыре, от силы пять. Сколько их можно идти? Час, ну, полтора. Но не два же!
 Он чувствовал, что начинает нервничать. И еще чувствовал, что устал.
 От чего? Не от рюкзака же, в конце концов.
 Идут они... Ну, идут! Хуже нет, так ползти – уматываешься, как взаправду, а толку чуть.
 Будто ни с места!

Оглянулся. Дорога до поворота пуста – маленькой фигурки не видно. Борясь с
 противоречивыми чувствами, нахмурился.
 Полчаса назад она вдруг окликнула его:

– Ты не мог бы идти рядом... Ладно? А то мне плохо так. Я будто все время догоняю тебя
 и никак не могу догнать...

Он знал это неприятное ощущение, когда идешь с более сильными попутчиками.
 Пристроился сбоку:
 – Конечно! Хочешь, иди ты впереди – будет, на что приятно посмотреть.
 – Ну, уж нет! – она почти улыбнулась, но дорога сковала ее лицо, и улыбка получилась
 скомканной.

"Трудно тебе", – подумал он, а вслух сказал:
 – А все едино посмотрю. Допинг!
 Отстал и пошел следом, глядя, как мерно напрягаются обтянутые синей шерстью брюк ее
 красивые ноги.
 Все-таки хороша девчонка! Одно плохо – он не может видеть ее сразу со всех сторон...
 Снова догнал, пошел рядом.

Погода хмурилась. Время от времени тонко прысало дождичком, и было не понять – то ли правда, дождь, то ли срывает с крон капли уже прошедшего ливня рыскающий в вершинах ветер.

Они шли рядом минут пятнадцать. Больше он не выдержал. Темп был слишком мал для него. Все время хотелось прибавить, он сдерживался, и в этой внутренней борьбе с самим собой уставал еще больше.

– Нет, я так больше не могу! – он в сердцах подкинул рюкзак на занемевших плечах, и она подняла на него потемневшие глаза. – Ползем, как черепахи!

Сказал и пожалел – вырвалось же! Но она уже отвела взгляд – кротко и как-то отрешенно:

– Ну, иди...

– Извини...

Он заметался внутренне, кляня себя за сорвавшийся незаслуженный упрек. Ведь не виновата же она в том, что не может идти с ним наравне? Много ли надо, чтобы бежать, когда "сил невпроворот"? Попробуй-ка без привычки! И ведь идет же, не пищит, и неплохо идет, надо сказать... Медленно только.

Ну, что делать? Взять у нее рюкзак?

Проклятый перевал все дыбился впереди. За каждым поворотом дороги открывались новые и новые взлеты бурой от глины колеи.

Взять рюкзак? Нет, он не потянет такой вес. Это ж за пятьдесят килограммов! Он всегда с недоверием слушал рассказы иных бывальных о таскании пятидесяти, а то и шестидесятикилограммовых мешков. Если поднатужиться, можно, конечно, попыхтеть. Если подъем небольшой и дорога поровнее. А так...

Разве что личности особо одаренные и специально подготовленные. В общем, "супера". Но обычные смертные, какими он считал себя и своих друзей по подземной работе, – на такие подвиги не способны. Это точно.

Делать-то что?

Злой на себя за собственную несдержанность, бессилие что-либо изменить, на этот бесконечный подъем, он резко прибавил шагу.

Оглянулся на ходу:

– Ты иди потихоньку, как можешь. Я дорогу посмотрю...

Она кивнула. Молча и, как ему показалось, чуть грустно.

* * *

Он зло ломал подъем, чувствуя, как едким потом заливает лицо. Насыщенный до отказа лесными пряностями воздух загустел и не дарил прохлады.

Чертов перевал!

Медленно нарастало беспокойство. Что-то он не узнает этой дороги. Или это кажется?

В принципе, последний раз он был здесь два года назад – зимой, когда лес становится белоснежно-прозрачным, и перелески далеко просвечивают над логами. Летом они проходили тут, почитай, уже четыре года как...

А в семьдесят седьмом проскочили этот подъем на машине.

Вспомнилось, как той осенью сторговали в Сыртланово автобус и набились в него всей своей развеселой толпой. Человек двенадцать тогда было, однако. Во всяком случае, когда бес привел встретиться с КСС, спасателей, едри их, оказалось меньше – ничего не смогли сделать.

А то бы завернули назад – к бабке не ходи! Пришлось бы в Москву не солено хлебавши возвращаться.

Дурость какая-то эта система туристских КСС. Контрольно-спасательные службы...

Хорошо звучит. А на деле? Прямо полевая жандармерия! Дали им право документы проверять, снаряжение щупать у официально оформленных туристов.

Так ведь и только!

А если я в эти ваши игры не играю? В спорт, разряды, значки?

Если мне трещинки промерить надо, для науки, скажем?
И вообще – можем мы идти по своей любимой стране в свой законный трудовой отпуск
туда, куда хочется, – без этих бумажных глупостей?
Похоже, можем. Но только в одном направлении...
"Как это сейчас нет голубчиков? – неприязненно подумал он. – Вот бы и подвезли до
Сумгана!"

И опять усмехнулся, вспомнив ту встречу в осеннем лесу.
Лес тогда был пронизан солнцем и шуршал золотом листвьев, тронутых яркими красками
увядания. Только сосны по-летнему стойко зеленели среди березок и осин.

Автобусик вывез их на перевал, но дальше водитель ехать отказался напрочь. Оно и
понятно – поначалу сбились. Свернули не туда, спустились с горы и оказались в деревушке.
Кузиха, Кузнецово ли – черт его запомнит? – вправо там, почти над Белой.

Разобрались, что к чему, и с большим трудом снова выбрались на перевал, всей толпой
выталкивая машину. Благо, народу хватало.

– Я бы, парни и дальше вас повез, – сказал на перевале водитель. – Да вот только кто
меня обратно будет вытаскивать?

Так что пришлось разгружаться и по команде: "Ишаки под рюкзаки!" – вьючиться и
топать по дороге вниз уже на своих.

Спустились быстро. И только передние в очередной раз повалились в теплый душистый
листопад – отдохнуть и перекурить, как впереди почудился вой двигателя.

Прислушались – точно движок!

– Машина?

– Похоже.

– Пойдем посмотрим?

Троица – Сысоев, Лось и Плёкин отправились на дорогу. И с концом.
– Что-то их долго нет...
Оставив мешки под присмотром кого-то из девчат, уже всей толпой двинули посмотреть,
что случилось.
Вот оно в чем дело!
Зеленый "УАЗик" с красным КСС-овским крестом замер на дороге среди прозрачного
осеннего леса.

Рядом в нейтральных позах ушедшая на разведку троица, а вокруг кольцом – шестеро парней весьма красноречивой наружности.

Спасатели, так их...

Когда подошли и аккуратно охватили вторым кольцом коренастых "каэсэсников", те как-то заметно стушевались, отодвинулись и сгруппировались у своей машины.

И тут Сысоев этак невинно предложил:

– Парни, до Сумгана подвезёте?

Наглость, конечно, КСС-ники так это и прочитали. Но сделать ничего не могли.

Куда им было против? Сила солому ломит...

* * *

Было дело. Все-таки частенько приходилось бывать в этих местах...

И вот – подзабыл дорожку?

Что же все-таки тут не так?

Он обеспокоено завертел головой, силясь отыскать хоть какие-то приметы, знакомые черты в этой путанице зеленых оттенков, и вдруг остановился.

Дорога... Вот что не так!

Дорога настораживала глаз почти нетронутыми местами замшелыми колеями. Не ездили тут давно – вот оно! Даже колдобины затвердели, лужи в ряске...

Стало жарко. Значит, все-таки ошибся? Но где?

Мысли запрыгали по ниточке проделанного пути.

Где он мог сбиться? Не может этого быть...

А если все-таки? Страшно признаться себе, что все усилия – зря. И пот этот, и два часа времени.

Стыдно. Ладно бы шел один. Сколько сил оставил на этой дороге – ее сил, и... зря?

Казалось, их общая усталость вдруг навалилась на него.

Трудно, оказывается, чувствовать, отвечать и решать за двоих. Она ведь еще и не знает, идет, верит в его опыт, уверенность.

Он оглянулся. Нет никого. Надо сказать, чтобы не шла дальше.

А потом пойти и проверить все самому.

– Эва-а! – он приставил ладони к губам, но крик растворился в объемном гуле вершин, потерялся, пропал.

Не услышит.

– О-у! – отозвалось вдали.

Впервые он был рад, что оторвался так далеко. Повернулся и, едва не бегом, бросился вниз, навстречу упорно бредущей по дороге – он будто видел даже через лес! – фигурке.

* * *

Он не смотрел на нее. Хмуро сбросил рюкзак, помог снять груз.

Знал уже, что сбился – будто пелену сдернули с глаз.

Впереди, там, где он только что повернул назад, дорога практически кончалась, разбегаясь полузаросшими просеками, уходящими вверх и влево.

Но какая-то крохотная надежда – исправить положение, отделяться малой кровью, оправдать эти потраченные на бессмысленном подъеме часы – эта упрямая надежда гнала его вперед.

– Ты поси迪 пока здесь, – он быстро достал из-под клапана рюкзака полиэтилен, развернул. – Накрайся вот.

С неба негусто постукивали в пластик мелкие капельки.

Она молча присела на поваленный ствол, сухой под укрытием растущей рядом толстенной сосны, подняла на него безмятежно-зеленые спокойные глаза.

– Похоже, мы сбились, – он все также хмуро озирался по сторонам. – Только вот никак не пойму, где. Ты как?

– Нормально, – она вытянула ноги, потом, подумав, пересела на рюкзак.

Ее спокойствие почему-то разозлило его еще больше.

— Пойду посмотрю, — он сунул за пояс топор. — Может, все-таки пройдем. Ты здесь сиди, не уходи никуда.

— Ладно.

* * *

Дурак. Ведь знал же. Чувствовал!

Нет, только угробил время.

Через полчаса дорога совсем зарылась в дебри, превратилась в тропу. Уже приходилось раздвигать сошедшиеся над ней ветви. Брюки промокли, будто в ручей залетел. А тропка, пунктиром крутя между деревьями, заманивала все выше. И вдруг кончилась.

Он в нерешительности остановился. Идти дальше?

Впереди вверху, на той стороне не весть откуда взявшегося на пути глубокого ложка, явно светлело.

Неужели перевал?

И оттуда, будто дразня, гулко налетал наносимый ветром треск двигателя.

Трактор!

Он сомнением огляделся.

Но трактор, значит — дорога?

Была, не была. Осторожно, чтобы не поранить ноги в сандалиях, съехал в ложок.

Воронки! Разведку бы сюда.

С трудом вскарабкался на противоположный борт ложка.

Еще воронки! Богат Урал. Сколько еще пещер тут не открыто...

Почти бегом полез на пологий холм, выскоцил на полянку и чуть не заплакал — дальше, впереди и выше, светлел новый увал.

И тут же тревогой обожгло сердце. Маленькая молчаливая фигурка на рюкзаках. Как она там? Лес-то здесь! Глушь.

Он покрепче сжал топорище.

Снова, как сквозь вату, донесло ветерком клекот тракторного движка.

Нет уж, к черту! Пора выбираться отсюда.

Скользя и отступаясь, он скатился обратно в ложок. Где-то на той его стороне он оставил хвост тропы. Где?

Обливаясь потом, подсек склон, стараясь подрезать тропу. Вот она, похоже.

Она? Что-то хилая какая-то тропка. Но все же взял по ней, настороженно всматриваясь в траву – есть след, нет?

Вроде, есть. Он ускорил шаги, и ветки хлестко забили по пластикату накидки. Вот и коряжка знакомая...

Больно ударило в ногу. Охнув, он присел. Сучок, черт. Хорошо, что носок шерстяной толстый – поцарапал, наверно, и только.

Ишь, больно-то как. Говорила тебе мама – ходи в сапогах или ботинках.

Довыпендриваешься когда-нибудь в сандалиях! А ну как просадил бы сейчас дыру в ноге? Да такую, что только ползком на карачках. Что б тогда?

До рези отчетливо встала перед глазами маленькая фигурка – в зеленой штормовке под полиэтиленом на рюкзаках.

Сидит ведь, ждет, тревожится. Хоть беги!

Сдержался. Прихрамывая, пошел осторожнее.

Где же дорога? Посмотрел на просвечивающие через лес горы. Вроде, вот-вот должна быть. Гаркнуть, что ли?

Напрягся, крикнул. Голос взметнулся, сплетаясь с величественным шумом леса:

– Э-ва-а-а!

И только густой шорох могучих стволов в ответ.

– Лю-у! Эва-а-а!

Теперь он бежал, расшвыривая с тропы мордохлест. Почему она молчит? Захолонуло в груди – не та тропа? Снова сбылся?

Нет, вот это дерево ему знакомо. Да и шире пошло.

– Лю-у!

Он закашлялся на бегу. Тревожно грохотало в ушах сердце.

Молчит. Что с ней?

Маленькая фигурка в красных домашних тапочках. И лес. Прямо тайга! Может, все же не та дорога?

– Лю...

Он остановился, будто наскочил на барьера. Слова застряли в горле, глаза жадно ощупывали поляну. Проводя ладонью по мокрому лбу, глухо выдохнул:

– Ну!..

Осторожно, стараясь не хрустнуть нечаянно веткой, подошел, присел рядом на поваленный ствол.

...Она спала. Безмятежно. Уютно свернувшись на разложенных рюкзаках под полиэтиленовой крышей.

Она спала, и дождь тихо сыпал серебряный бисер на запотевшую от ее дыхания пленку. Кулачки под щекой, мягкие полуоткрытые губы, точеный носик, завиток волос на щеке...

Сердясь, и уже не сердясь, он заворожено смотрел на это маленькое чудо.

Он смотрел на нее, не замечая усталости, мокрых брюк, боли в поцарапанной ноге. Лес шумел над поляной. Погромыхивая, покряхтывая уползали куда-то, оставляя небесную прогалину, синие тучи.

Перевел взгляд на часы. Ну, да еще только двенадцать! А ему показалось, – день прошел...

Сейчас они спустятся, передохнут и начнут все сначала.

Акела промахнулся! Бывает. Второй раз Акела будет точен. А времени еще уйма. Вполне можно дойти до Ташильгана.

А и не дойдут, тоже беды не будет.

Главное – они вместе.

Вот только бы дорогу найти поскорее.

Он снова обнял взглядом спящую девушку.

"Быстрой, быстрой!"

Куда спешить-то? Ведь они рядом – он и она. Они идут к Сумгану.

Он протянул руку и замер, не решился потревожить ее усталый, такой сладкий сон.

И вдруг рассмеялся, радостно глядя вокруг счастливыми глазами.

Тонкий солнечный луч пробил дождливую пелену, упал на дорогу.

И тут же, будто вырвавшись из облачного плена, хлынуло на поляну солнце.

И все заискрилось, заиграло радужными огоньками, засверкало.

– Любушка! – он мягко, настойчиво гладил ее по плечу, разгоняя последние остатки сна. –

Проснись. Солнышко пришло!

– О-ой! – выгибая спину, она по-кошачьи потянулась.

Не разнимая сомкнутых меж колен ладошек, потерлась о его руку щекой:

– Я, кажется, заснула...

– Это хорошо. Смотри, красиво-то как!

А она уже и сама широко распахнула зелень росяных зрачков. Поймала на ладошку солнечный зайчик, засмеялась:

– Солнышко!

И что с того, что где-то ворочается и бурчит гроза?

Слышишь, Солнышко?

Ты – наше.

И с тобой так хорошо!

январь 1981 - январь 1996 года

ЛЕСТНИЦА

На первый взгляд все было просто.

Широкие ступени Дворца культуры

Металлургов просторно взбегали к массивной колоннаде. Каждое утро дворники аккуратно сметали со ступенек снег, но здесь, на просторном бордюре, обрамляющем ступени, намерз ледок. От крайней колонны стена шла к внутреннему углу, затем поворачивала под девяносто градусов, искристо блестя обмерзшими стеклами больших окон.

И вот там, сразу за поворотом – в серое небо вдоль розовой стены, отвесно поднималась эта проклятая пожарная лестница.

– Ну, слабо? – Санька ловко спрыгнул в снег: шапка съехала набок, короткое пальтишко расстегнулось, синие глаза сияли торжеством. – Ну?

Котька покосился на Серегу. Тот часто моргал, переминаясь с ноги на ногу. Они стояли у самого края, обрывавшегося к заснеженному газону внизу двухметровой стенкой.

На первый взгляд – все просто: надо оттолкнуться от бордюрины и перепрыгнуть на пожарную лестницу.

Но железные ее ступени обледенели, и под лестницей нарос здоровенный ледяной бугор. Всего метр-то и прыгать, а страшно. Ботинки скользят. Поскользнувшись вот, и головой вниз...

Котька поежился.

– Эх, вы! – Санька растолкал ребят, подошел к самому краю. – Глядите еще раз.

Он сильно оттолкнулся и снова перепрыгнул на пожарную лестницу. Легко, будто переступил. Спрыгнул вниз, поднял портфель.

– Ну, чё, не будете? Домой пора.

– Ботинки скользкие, – стараясь держаться независимо, Котька опасливо отошел подальше. – У тебя-то эвон, рифленые...

– Ладно, – Санька велиководушно махнул рукой. – Пошли. А то еще носы порасшибаете.

Серега вдруг еще чаще заморгал, подошел поближе к краю.

– Чего уж там... носы.

Прыгнул! Котька увидел его расширенные в густых ресницах глаза, но Серега был уже на лестнице. Вцепился руками в перекладину, обернулся. Его длинное рябое лицо светилось торжеством.

Смог!

Теперь они с Санькой стояли внизу рядом и ждали, а Котька смотрел на лестницу. Котьке было страшно. До оцепенения. Он сто раз мысленно подходил к краю, отталкивался, пролетал этот метр и оказывался на лестнице. Но не мог сдвинуться с места.

– Пошли, Серега, – Санька крутнулся на каблучке. – От мамки влетит.

Они ушли, а Котька остался. Он все топтался на краю бордюрины, мерз, несколько раз порывался уйти, но снова возвращался.

Лестница страшила его и притягивала, как магнит.

И безнадежно стыл на снегу желтый портфельчик...

* * *

Серов любил возвращаться в свой Город неожиданно.

Не то, чтобы с бухты-бахты. Он, конечно, присыпал телеграмму. Но прилетал на день-два раньше.

Если получалось.

Это было важно – первое свидание с Городом.

Город для него начинался с Аэропорта. Город встречал Серова какими-то особыми, одному ему знакомыми запахами и звуками. Серов не любил, когда провожали, и прилетать любил один.

Подъезжая на автобусе к дому, Серов специально выходил на пару остановок раньше.

Чтобы пройти пешком. Если, конечно, был без рюкзака.

Чтобы тихо идти по знакомым местам, смотреть, впитывать.

Он так давно не был в своем Городе! Каждая экспедиция оседала на душе усталостью, и нельзя было вот так сразу выплескивать ее на тех, кто его ждал. Надо было успокоиться.

Он шел по невероятно знакомым и уже в чем-то другим улицам, смотрел, и с каждым шагом чувствовал, как поднимается изнутри долгожданная радость.

Вот оно – радость! Как странно, а ведь он только сейчас начал ощущать ее.

Даже когда они прошли Большой колодец, даже когда вышли из Пропасти под звезды – ее не было.

Что-то было, конечно... Но вот этой облегчающей, какой-то звенящей, радости он не испытал.

Пропасть взяла слишком много сил и нервов. Да-а...

Что же все-таки было самым сложным в этой экспедиции?

Если честно, то – решиться. Ступить за край.

Ведь и в первый раз, год назад, они имели все для штурма. Веревки, снаряжение, все было. Не было одного – решимости.

Тогда он, Серов, проиграл самый главный поединок.

Не с Пропастью, нет – с самим собой.

Конечно, он первый раз шел руководителем, впервые ощутил на своих плечах тревожный свинец ответственности. Но все это было только фоном...

Потом, весь тот большой год, он много раз старался убедить себя, что тогда поступил правильно.

Да, конечно, снаряжение было. Но не это главное.

Все, что они умели – было недостаточно для Пропасти.

Так считал он.

А ребята? На обсуждении мнения разделились.

Геленка возражала, Рустэм колебался, взвешивал, а Серега считал, что надо идти, раз представляется возможность.

Москвичи бы их подстраховали, слов нет. Но дело, дело было не в этом.

Все это – не главное. Большинство, меньшинство...

Главное было в нем самом.

Он испугался.

Он проиграл еще тогда, когда, подобравшись к краю, впервые заглянул в черное жерло Пропасти. Холодное дыхание ее висячих ледников обволокло душу зябким инем.

Он испугался, и его неуверенность передалась группе.

Сознание этого пришло позднее, а тогда Серов не признался бы в своем страхе даже самому себе.

Тем более, ребятам.

Вместо этого, он начал искать причины...

* * *

Вернувшись из той экспедиции, Серов заболел.
Нет, физически он был здоров. Но Пропасть...

Пропасть преследовала его. Она стучалась в виски вагонами метро, подступала ночами в шорохе ветра. И все глядела в глаза сумрачной бездной, холодила грудь снежным дыханием, не давая спокойно дышать.

Это был трудный год. Вернее, полгода. Месяца через три Серов переболел – все понял, уяснил для себя.

И принял решение.

Он должен спуститься в Пропасть! Должен преодолеть себя, свой проклятый страх. Раз и навсегда.

Он так и думал: "раз и навсегда".

Тогда Серов еще не знал, что страх возвращается.

Остается лишь умение его переступать. Одолевать.

И еще был тот разговор с Вовчиком... В промозглом сумраке московской квартиры.

Вовчик дружище – он молча выслушал Серова, а потом сказал:

– Не верю бесстрашным. В большинстве случаев они просто трепачи. Есть такой способ преодоления собственных комплексов – геройский треп. Все боятся. Кроме, конечно, патологических идиотов. Эти в нашем деле опасны. Они не считаются с реальностью и переоценивают себя. Характерно, что чаще всего их ухарство вредит тем, кто идет рядом. Большинство истинных смельчаков, по-моему, это мастера глубокой внутренней концентрации. Самонастрой на выполнение задачи. Они умеют подавлять в себе страх. Но если не можешь справиться, заставить себя действовать... Значит, пора валить – пора менять пластинку. В мире многое более спокойных развлечений.

Вот такой получился разговор.

Или почти такой.

А, может, одной из болезненно мятных ночей наедине с собой Серов его просто придумал...

Так или иначе, но Серов начал готовить новую экспедицию.

* * *

И вот, он возвращается.

Что же было самым-самым?

Конечно – решиться. Сделать первый шаг. Туда – за край.

Сколько раз за год московской суэты он делал этот шаг – мысленно, движение за движением. Понимал, что в действительности все будет иначе. А может быть, и совсем не так.

Но, вырастая из сумрачных видений Пропасти, решающее мгновение рисовалось ему именно таким.

Как шаг через Рубикон, начертанный им самому себе.

И теперь, шагая по полуденным улицам родного Города, Серов снова до мельчайших подробностей ощутил тот миг, до поры оттесненный в памяти мешаниной дней и ночей штурма.

...Он – как марсианин, как фантастический паук в нейлоновой паутине растяжек.
Лобастая каска, черный комбинезон.

Солнце настилом режет лохматые сосны, белые скалы.

Сердце – взбесившийся метроном.

И весело, напряженно весело.

Вот он – миг. Вот он!

Все готово.

Теперь – шагнуть.

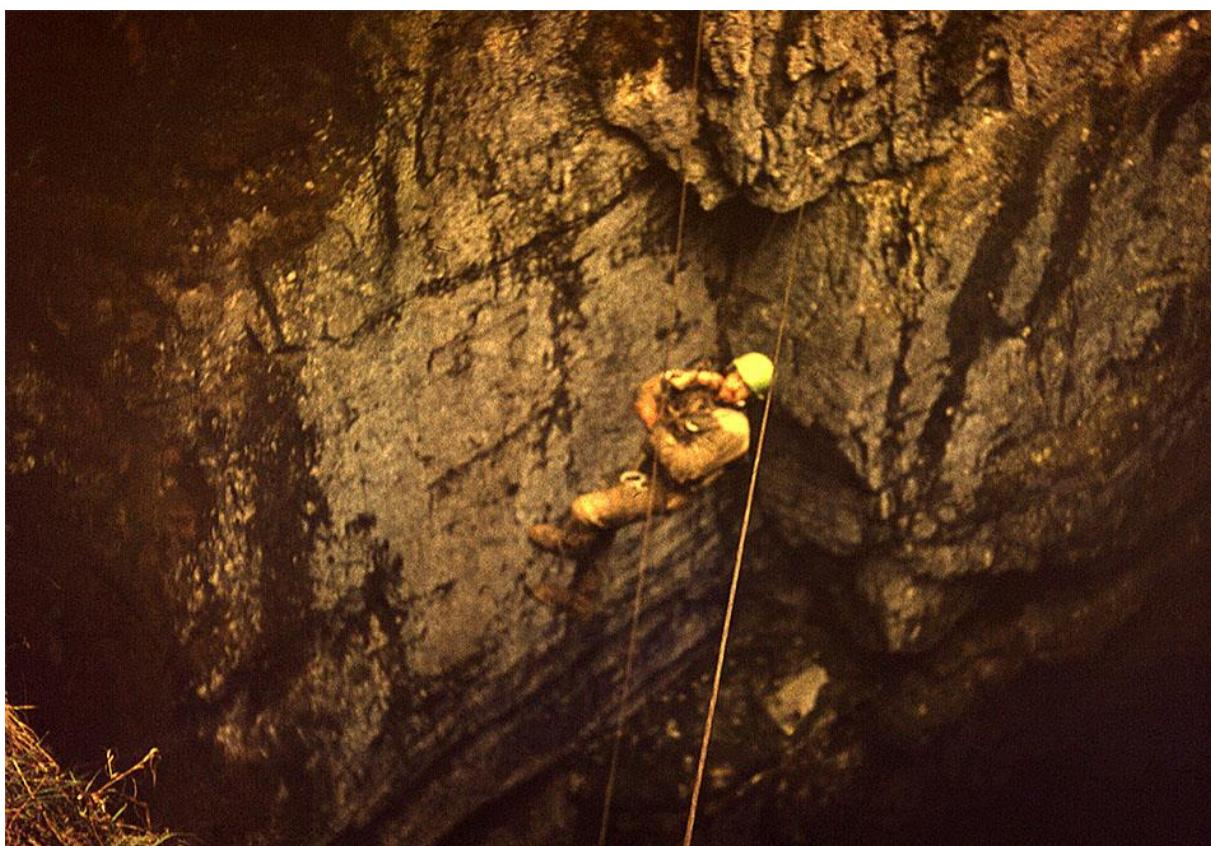
Шагнуть... Он просто встал на четвереньки и, стараясь не глядеть вниз, сполз куда-то туда, за край, осыпая камешки в бездонную трубу под собой.

И уже плывя в упругой невесомости, вдруг понял, ощущил – все!

Свершилось!

Небо в солнечных паутинках веревок медленно сдвигалось над головой.

Он улыбнулся, помахал рукой склонившимся над Пропастью каскам и, распуская тормозную систему, плавно скользнул вниз – навстречу всплывающим из туманной глубины голубым ледникам.

* * *

Серов облегченно вздохнул, улыбаясь своему Городу.

– Я вернулся, здравствуй!

Площадь у Дворца культуры встретила его пыльной зеленью.

И разлапистые листья у фонтана...

Фонтан молчит. Обычно его выключали к осени.

Ба-а, да ведь так оно и есть! Завтра кончается лето, завтра – сентябрь. Ребятишкам в школу.

Серов миновал сквер, медленно пошел вдоль широких ступеней, просторно восходящих к колоннаде. Сколько раз он пробегал здесь с портфельчиком!

Ха! Вот и старая знакомая.

Повинуясь внезапному чувству, Серов сбросил рюкзак, взбежал по ступеням, подошел к краю бордюра.

Пожарная лестница постарела, сквозь облупившуюся краску зацвела ржавчиной, но все также независимо стремилась вверх – в синее небо вдоль розовой стены. Всего метр-то и прыгать!

Серов озорно оглянулся. Вон на лавочке толстая тетка со спицами. Смотрит. Подумает, вот псих бородатый.

Да и черт с ней!

Серов примерился, прыгнул.

Как в детстве!

Будто лежит на снегу желтый портфельчик...

И руки не чувствуют обжигающего морозом железа ступеней. Варежки снял – в них скользко. И только жаль, что Санька с Серегой уже ушли. И не видели, что он смог.

Смог!

Серов повис на руках, мягко соскочил на газон.

Краем глаза заметил, как замерла с открытым ртом тетка со спицами.

Улыбнулся. Отряхнул ладони.

Вскинул на плечо рюкзак.

Вдруг резко захотелось домой.

Вот же его дом, вот!

Он войдет в старый двор, пройдет под тополями. Тополя уже растеряли свой пух...

Взбежит по оббитым ступеням на третий этаж, нажмет кнопку звонка.

И вслед за радостным шумом за дверью услышит долгожданное:

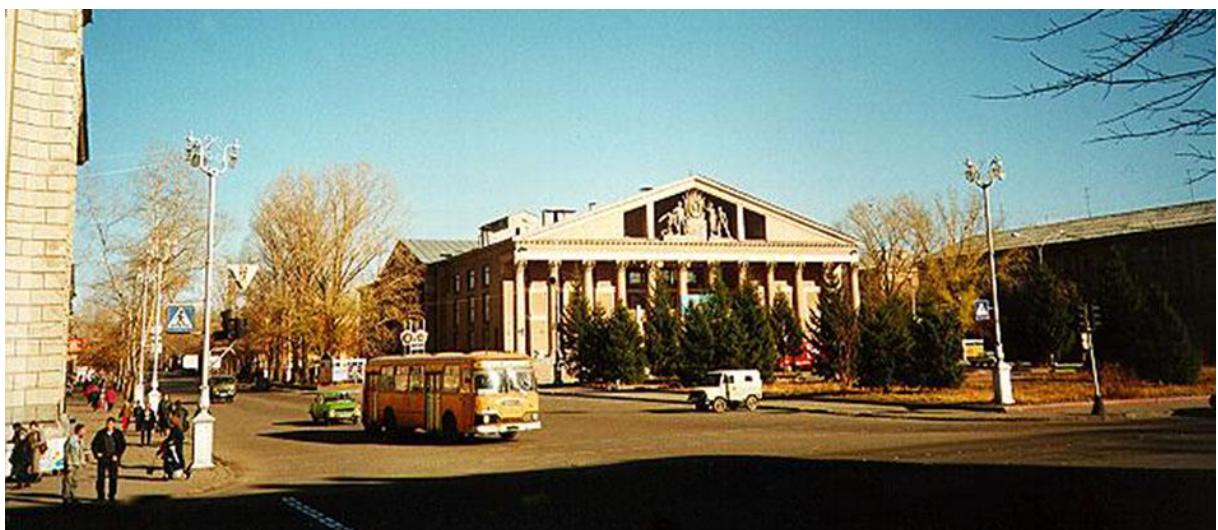
– Котька приехал! Ну, Котька же!

* * *

Лестница.

Лиха беда – начало!

январь 1982г

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

...Если чуть не рассчитать, то возможны осложненья:
С рифмы, может, и соскочишь, но подсядешь на абзац.
М.Волков

На абзац я подсел с детства. Минуя стихотворчество. Те, детские, сочинения еще ждут своего перевода на взрослый язык.

Почему пишу? По той же причине, что и фотографирую, веду дневниковые записи, снимаю видео.

Хочется рассказать об однажды увиденном и пережитом. Поделиться вкусом узнавания жизни. Рассказать о событиях: печальных или радостных.

Чтобы разбудить жажду движения – тела и души.

Растревожить любопытство.

И, может быть, побудить кого-то испробовать самому.

Или предостеречь.

А в итоге – получить возможность сопереживания.

Подобно тому, как, услышав: "Знаешь, там был такой колодец...", я наполняюсь пониманием всего, что еще только будет сказано. И уже от этого становлюсь счастливее.

Сколько раз, возвращаясь из очередной экспедиции или поездки, ловишь себя на неумении рассказать так, чтобы быть понятым. Не хватает образов, слов, сравнений.

Как будто стоим на разных берегах горной реки. Видим, но не слышим друг друга. А если слышим, то не можем разобрать слов.

И все же кто-нибудь, я знаю: услышит и поймет. И проникнется тем же любопытством, желанием и восторгом.

Кто-то всегда нам созвучен. Проблема в том, чтобы встретиться.

Есть и другое.

Со временем вдруг понимаешь, что уже не можешь вспомнить все.

Что было. И как было. И даже тех, кто шел рядом или пересекал путь, не можешь вспомнить отчетливо. Все как-то расплывается перед внутренним взором. Будто одел старые очки и вдруг понял, что они уже не годятся...

Мы мчимся по жизни на грани света и тьмы – тянемся к восходящему впереди солнцу. А сзади неудержимо накатывает, настигает плотная ночь забвения.

И только записи, песни, фотографии, видео и киноленты – остаются нашими союзниками.

Как мало средств, чтобы осветить священные островки в океане беспамятства!

Я пишу и этим продлеваю память.

О друзьях. О современниках. О тех, кто был мне дорог, и кому не был безразличен я.

И о врагах своих я тоже продлеваю память.

Что ж, добро и зло, как всегда, неразделимы.

И одно без другого немыслимо, потому что теряет смысл.

Мы торим тропу в пограничных областях между ними.

И последнее.

Как удивительно рождение нового! Оно возникает, и уже в следующий миг обретает свою особую жизнь.

Сочетания буквок... Ложась на бумагу, они обретают свою, уже отделенную от меня жизнь.

Не так ли и дети? Едва родившись, они поражают нас таинственностью своего внутреннего мира – возникшего из нас, но нам же и неведомого.

И я ухожу в эти множественные, порожденные мною миры, как в космические путешествия.

Только здесь я волен и свободен. Той до бесконечности полной свободой, какая, может только сниться.

Творчество – как непреходящая ценность нашего Мира.

Творчество – как рождение, в противовес истреблению и умиранию.

По-моему.

Где найти силы, чтобы разорвать отупляющий поток повседневья?

* * *

Каждый, наверно, переживает этап, когда признание живущих рядом как-то теряет смысл, и хочется дальних звезд.

Каждый хоть раз становится на тропинку, в конце которой чудится Нечто.

Счастлив тот, кто на этом пути не утратит душевной чистоты, не покроется уродливыми шрамами от полученных ран, не проникнется злобой по отношению к себе подобным.

И пробившись к очередному заветному горизонту, не станет мстить.

Нет, не тем, кто виноват в их проблемах. До них не дотянемся.

А пока идущие вверх содрогаются от щелчков и пощечин и тоже постепенно пропитываются желчью и ненавистью, внутренне перерождаясь под прессингом уже взошедших.

О чем это я? Пустое.

Просто как-то решил предложить эти рассказы в ряд издательств, по моему ощущению наиболееозвучные миру путешествий – тому миру, откуда пришел я.

На что я рассчитывал?

Моя спелеологическая жизнь неразрывно связана с Башкирией, ее пещерами и природой, друзьями из Уфы, Салавата и других городов. Я люблю Башкирию, как свою Эмоциональную Родину.

Именно в Башкирии находится Кутук-Сумган – карстовая пропасть, которой я обязан многим – становлением характера, возмужанием, лучшими друзьями в жизни.

Все сюжеты этого сборника родились на башкирской земле.

Поэтому первым делом я послал рукопись в Башкирское книжное издательство.

И получил ответ:

"Уважаемый товарищ Серафимов!

Мы ознакомились с Вашей рукописью. Однако ввиду перегруженности темплана издательства произведениями местных авторов издание сборника Ваших рассказов "Голубой сталагмит" не представляется возможным.

Рекомендуем Вам обратиться в местное или центральные издательства".

22 августа 1985 года.

Гл.редактор М.Гилязев.

Корректная отписка, известная многим собратьям по перу. Мне это было внове. Но была и приписка.

"Уважаемый Константин!

С большим интересом прочитал Ваши рассказы. Написаны они хорошим живым языком. Все замечания Вы найдете в рукописи. Чувство протеста вызвал Ваш рассказ

"Пачка чая" – думается, Вам следовало бы убрать "пьяных мужиков", "расплату водкой" и подобное.

"Легенда о грезе" – все же это вариант баек о "белом спелеологе".

Иногда Вы (на мой взгляд) перебарщиваете с юмором. Конечно юмор очень помогает в экстремальных ситуациях, но все же создается впечатление, что Ваши герои поставили себе задачей острить во что бы то не стало.

Хотелось бы Вам посоветовать более осторожно обращаться с национальностями – очень легко можно оскорбить чье-либо национальное достоинство.

Вот пожалуй и все придирики.

Не унывайте, что получили отказ.

Пробить рукопись в "чужом" издательстве почти невозможно. Попробуйте предложить свои рассказы в журналы или сборник "На суше и на море". Возможно Вам и удастся их опубликовать. К сожалению Вы ничего не написали, что у Вас опубликовано и где.

Творческих удач Вам!"

22 августа 1985 года.

Редактор художественной редакции Николай Грехов

В цитатах здесь и далее я не стал править запятые и прочие символы – публикую, как есть.

Мой тематический план не перегружен местными авторами.

Тем более, что и сам я не без греха. А запятые и прочие подобные глупости вещь не принципиальная. Особенно для редактора художественной редакции, да еще знающего байки о "Белом спелеологе" и осторожного в национальных вопросах.

Ну, а расплату водкой – это я действительно не просчитал: перестроечная антиалкогольная компания еще только возникала на горизонте. Вот я и не перестроился.

Но из песни слова не выкинешь. И моя – не исключение. Интересно только, бывал ли Грехов за околицей Уфы, так сказать, в народе?

Спасибо Николаю Грехову, я внял его советам сразу по двум направлениям: не стал слишком расстраиваться и послал сборник в более солидное издательство – центральное.

"Уважаемый Константин Борисович!

В редакции внимательно ознакомились с Вашей рукописью "Голубой сталактит". В ней много информации, много небезинтересных наблюдений, но, в то же время, слишком много красавостей, даже в названиях рассказов: "Аквамариновая история", "Легенда и греза" и т.д. Да, то, чем занимаются Ваши герои, безусловно, увлекательно и романтично. Однако, в рассказах нет их самих, людей сегодняшнего дня, нет движения человеческой души, открытых – все повторно, все знакомо по другим произведениям. Именно такое впечатление оставляет рукопись. Иллюстративность и схематичность – главная ее беда. Самое важное для художника не просто описать восторг, который вызывает в нем природа, а показать ее сложность и красоту.

К сожалению, вынуждены возвратить Вам рукопись.

Всего самого доброго".

Зав отделом "Библиотека "Молодая гвардия" Б.Рябухин

Ст.редактор Г.Георгиев

19 июня 1986 года.

У солидного издательства и подход солидный. И внимательный.

Вместо "Голубой сталагмит" – "Голубой сталактит", вместо "Легенда о Грезе" – "Легенда и греза" – лучшее тому свидетельство.

Да и стоит ли обращать внимание на красоты? Кто платит, тот и прав.

В народе говорят: "Бог любит Троицу". Вот и я пробовал трижды.

Ближе всего к успеху я был в "Юности".

Каламбур, однако.

"Проза Константина Серафимова находится в русле известной традиции – это, так сказать, мужская проза (вспомним хотя бы Джек Лондона), суть которой в поэзии путешествия, риска, опасности, в поэзии преодоления человеком самого себя.

Я говорю о такой традиции без натяжки, – К.Серафимов, действительно, талантлив. И хотя предложенные им рассказы неравноценны, – заявка молодого автора, по-моему, заслуживает внимания редакции.

Пишет К.Серафимов о спелеологах, об исследователях пещер, (Серафимов сам спелеолог). Подземный, – совершенно неведомый большинству людей мир является со страниц этой прозы. Мир новой красоты и особенного человеческого опыта. Подземное царство пещеры в рассказах К.Серафимова испытывает человека, – оно испытывает его мужество, его волю к жизни, его способность получать и любить самые разнообразные знания.

32-летний К.Серафимов, на мой взгляд, может стать открытием "Юности", проза его благородна по самому своему пафосу, в ней запечатлена красота и бескорыстие человеческой страсти к познанию мира. По-моему, это проза именно молодежного журнала.

Наиболее удачным и законченным мне представляется рассказ "Аквамариновая история". Слово автора здесь очень точно и живописно, оно завораживает магией достоверности. Разве такое часто встречается у молодых и даже призванных авторов (Читая рассказ, ты как бы испытываешь все, что испытывает его герой: и его погружение с аквалангом в море, и все его рискованное прохождение каменного подводного туннеля, – "сифона", как его называют специалисты).

Вот примеры, показывающие, что перед нами действительно писатель:

"Перед тем как уйти под своды, он невольно обернулся и посмотрел вверх. Здесь, на грани света и тени, как-то особенно чувствовалась та невидимая грань, что пока еще отделяла его от сифона. По эту ее сторону еще можно было всплыть, вынырнуть, набрать полные легкие морозного воздуха. По ту – не вынырнешь. Над головой камень. Но тревожные мысли, едва возникнув, тут же пропали. Фантастика! Он отчетливо видел над собой серебристое зеркало воды, склоненные над ней пушистые в инее деревья, кого-то из ребят на берегу. Как в новогоднем шаре..."

Это точно и красиво написано.

Или вот еще:

"Вдох – выдох. Воздух с бульканьем уходит вверх стайкой серебристых пузырей. Через несколько секунд он захлюпает в трещине под стеной.

Луч фонаря постепенно обрел реальность, зажелтел в сгущающемся сине-зеленом мраке.

Как-то неожиданно и почти ощутимо на Вовчика навалились своды. Еще не видя, он уже знал о их присутствии. Ощущение было столь сильным, что Вовчик невольно посветил вверх. Ага! Изъеденный коррозионными бороздами и гребешками потолок был совсем рядом, метрах в двух от него".

Отдельные цитаты, конечно, не столь убедительны, – рассказ надо прочесть целиком, прочесть и самому пережить вслед за автором ужас той красоты, которая всегда есть в настоящем риске. Ибо рассказ этот – не просто история одного спортивного погружения, это рассказ о человеке.

Думаю, что моя оценка К.Серафимова ничуть не завышена. Талантливое слово редко встречаешь и на страницах печати. "Аквамариновая история" К.Серафимова – достойный повод для литературного дебюта, – именно на страницах "Юности".

М.Борщевская.

Трудно было не расплыться в удовольствии от таких замечательных слов. Спасибо Вам, неизвестная мне М.!

Но следующее письмо из "Юности", написанное почерком столь неряшливым, что я затрудняюсь это письмо перевести, положило конец эйфории.

Смысл его сводился к тому, что мне советовали обратиться в журнал "Вокруг света"...

Мысль, возможно, здравая. Но я решил завершить круг и обратиться к самому себе.
Кто и когда сравнил успех с пирамидой?

На ее вершине слишком мало места, чтобы поместиться всем желающим.

Но пирамида – не моя фигура.

В общем, я одумался

достаточно быстро и отказался
от новых попыток пройти этим
путем.

Я кейвер*, и мои миры лежат под ногами.

Мне кажется, внизу гораздо больше доброты.

Может быть, потому, что в Глубине никто не старается спустить ближнего вниз головой по склону.

Здесь, внизу, хватает места для всех.

* Кейвер - (от английского cave - пещера), занимающийся исследованием пещер.

